

НОВАЯ ПОЛЬША 12/2016

Выпуск изображений

Писатель, переводчик, издатель. Еще до войны начал изучать философию в Варшавском университете, у профессора Тадеуша Котарбинского, а также дебютировал как фельетонист. Раненный во время сентябрьской кампании 1939 г. оказался в Советском Союзе, сначала на шахте в Донбассе, затем в Средней Азии. Там начал изучать медицинские науки. В Польшу вернулся с армией Берлинга.

Сначала работал врачом, однако через несколько лет бросил медицину в пользу литературы. Был журналистом, театральным критиком. Публиковал в журналах «Новая культура», «Свят», «Диалог», был завлитом Национального театра, сценаристом, преподавателем Варшавского университета. Опубликовал тогда сборники очерков о театре, роман «Конец и начало», перевел драмы Льва Толстого, комедии Евгения Шварца, рассказы Антона Чехова, почти все произведения Исаака Бабеля.

В 1969 г. уехал в Италию, где был профессором истории польской литературы университетов в Бари, Пизе и Флоренции. Сотрудничал с парижской „Культурой“ Ежи Гедройца. По его инициативе перевел (под псевдонимом Михал Канёвский) «В круге первом» и «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицина, а также труды Андрея Сахарова, Михаила Геллера и др. В Польшу вернулся в 1992 г.

театре («Сезон в чистилище»), о литературе («Магнитный полюс»), о прошлом и будущем Польши в Восточной Европе («Русский месяц с гаком», «К Востоку от Запада»). Переводил стихотворения Ахматовой, Мандельштама, Мартынова. Избранные поэтические переводы опубликовал в книге «Контрабанда» С 1999 г. главный редактор «Новой Польши». Умер 29 декабря в Кракове. Фото: Кшиштоф Дубель

Содержание

1. Интеллигенты
2. Мартин Корнак
3. Хроника (некоторых) текущих событий
4. Экономическая жизнь
5. Петербургская юность Яна Захватовича. 1900-1924
6. Между Западом и Востоком
7. Три миллиона Циранкевичей
8. Выписки из культурной периодики
9. Стихи
10. Магия интимного слова
11. Что-то такое витало в воздухе...
12. Культурная хроника
13. Фама
14. Невзгоды переводчика
15. И мое упрямство, и мое представление о поэзии...

Виктор Ворошильский

Интеллигенты

Перевод Владимира Британишского

Невозможные
эти господа интеллигенты

Однако же вопреки своей невозможности
они существуют

Нет у них инстинкта самосохраненья

Неблагодарные
кусают грудь питающую млеком

Сгорают со стыда
за несовершенство мира
на всех кострах

Придумывают
перпетуум мобиле
государство солнца
множественность действительностей^[1]
и время от времени дабы облегчить страдания близких
гильотину
В рамках эксперимента
кладут свою голову под нож

Доктор Маркс
придумал прибавочную стоимость
и об этих цепях кроме которых
вы конечно помните
пролетариату нечего терять
Доктор Корчак
придумал «Как любить ребенка»
и до конца держался этого:
маленькой теплой ладони
в избыточной руке

Граф Толстой не окончил курс юриспруденции придумал
«Не могу молчать» против смертной казни
и что зло рождает новое зло Постановил
прервать

Доктор Швейцер теолог придумал
что нужно спасать тело
прокаженных негров и сказал
Я иду Господи

Доктор Жансон француз впрочем не знаю доктор ли придумал
что французы должны убраться
из Африки многие
считали его плохим французом

А доктор Халубинский из Варшавы
вскарабкивался все выше
молодеющим сердцем и задержавшись
на обрыве ветра придумал
карпатских горцев не улыбайтесь помысел доктора
Халубинского^[2]
тоже был не такой уж глупый

1972

-
1. «Множественность действительностей в искусстве» (1918) – трактат польского философа, математика, художника и теоретика искусства Леона Хвистека (1884–1944).
 2. Титус Халубинский (1820–1889) — польский врач и естествоиспытатель, открыл лечебную и туристическую ценность польских Татр, привлек внимание к культуре татрских горцев.

Мартин Корнак

Мартин Корнак

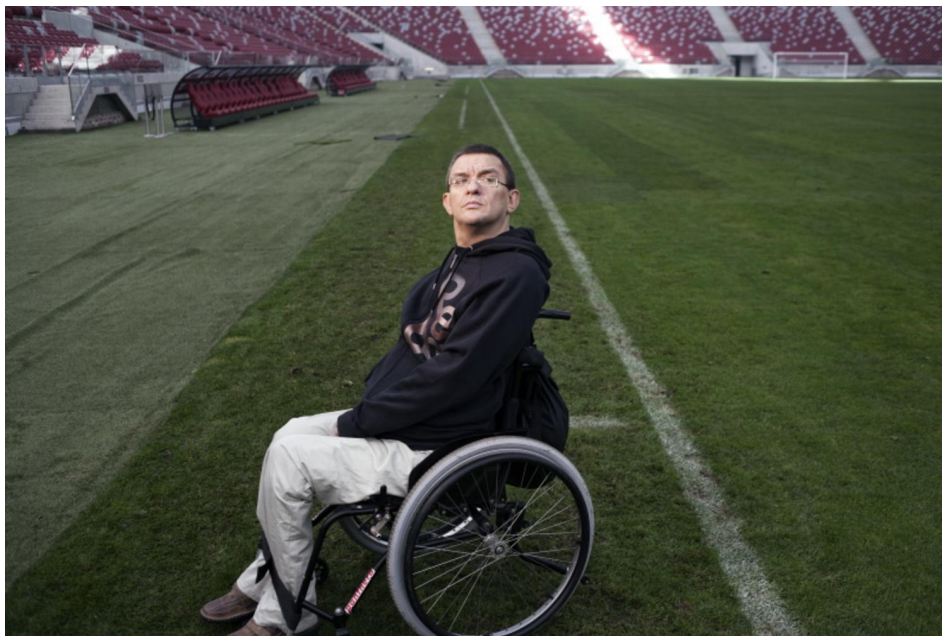

Фото: Архив журнала «Нигды венцей»

Журнал «Нигды венцей» («Никогда больше») опубликовал недавно специальный номер, посвященный Мартину Корнаку — скончавшемуся в 2014 г. основателю этого издания, а также создателю общества «Никогда больше». В одном из напечатанных там текстов мы читаем: «Мартин Корнак. Поэт. Текстовик. Антифашист. Активный участник движения, борющегося за права людей с ограниченными возможностями. Публицист. Выдающийся знаток и коллекционер альтернативной музыки. Это множество его воплощений позволяет думать о Мартине как о современном человеке Ренессанса».

Сегодня, когда в Польше всё громче звучат выступления крайне правых и набирают силу сочувствующие им организации, важным и необходимым голосом становятся воспоминания людей, на протяжении многих лет знавших Мартина Корнака и совместно с ним боровшихся с теми угрозами, которые несут с собой национализм, популизм и ксенофобия.

На более чем двухстах страницах упомянутого журнального номера мы найдем высказывания видных гуманистов, общественных деятелей и политиков.

Представляем фрагменты избранных воспоминаний.

Анна Татар

Мартин Корнак

Основатель и президент общества «Никогда больше»

Мартин Корнак, основатель и президент общества «Никогда больше», а также главный редактор одноименного журнала, скоропостижно скончался 20 марта 2014 года. Он был общественным деятелем, комментатором публичной жизни, а также поэтом и автором текстов, исполняемых разными рок-группами, выступавшими на независимой сцене. С 15-летнего возраста Мартин после несчастного случая передвигался на инвалидном кресле. В 1992 г., будучи молодым парнем двадцати с небольшим лет, он основал в своем родном городе Быдгоще неформальную молодежную антинацистскую группу. Это было ответом на поджог местными нацистами-скинами общежития, где проживали студенты из Африки и Азии. Нападавшие забросали здание бутылками с зажигательной смесью — так называемым «коктейлем Молотова». Два года спустя Мартин учредил журнал «Нигды венцей» — в настоящее время главное антирасистское издание в Центральной и Восточной Европе. Оно продвигает идею мультикультурности, а также популяризирует культурное достояние национальных и этнических меньшинств. На страницах нашего журнала печатались, в частности, такие гости, как проф. Владислав Бартошевский, Марек Эдельман, Ежи Гедройц, проф. Михал Гловинский, проф. Мария Янион, Ян Карский, Яцек Куронь, Симон Визенталь и многие другие выдающиеся литераторы и публицисты, специалисты по борьбе с ксенофобией и расизмом, а также различные авторитетные фигуры, участвующие в публичной жизни. В 1996 г. Мартин становится президентом общества «Никогда больше» и выступает инициатором целого ряда общественных кампаний, в которых — уже на протяжении двадцати с лишним лет — принимают участие тысячи людей, причем не только в Польше, так как такие мероприятия притягивают сочувствующих, сторонников и подражателей в самых разных странах Восточной и Западной Европы. (...). Уже в 1996 г. наше общество становится инициатором успешной кампании за внесение в Конституцию Республики Польша запрета на деятельность фашистских и расистских организаций (статья 13). Со временем наше общество, благодаря тесному сотрудничеству и личной дружбе Мартина Корнака с Рафалом Панковским (социологом и политологом, в настоящее время — профессором столь солидного варшавского высшего учебного заведения, как Collegium Civitas, а также широко известным исследователем крайне правых движений в Польше и Европе), начинает сотрудничать с такими международными организациями, как Совет Европы, Организация

Объединенных Наций и Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. Кроме того, общество «Никогда больше» активно участвует в международных антирасистских сетях. (...)

Благодаря своим последовательным и эффективным действиям против расизма и ксенофобии указанное объединение завоевывает себе доброе имя у нас в стране и за рубежом — оно становится организацией, которая специализируется в мониторинге преступлений, совершаемых неофашистами и людьми крайне правых взглядов. В 1996 г. Мартин начинает вести и издавать «Коричневую книгу», которая содержит описания происходящих на территории Польши событий с расистской или ксенофобской подоплекой, а также различных актов дискриминации, — и с тех пор продолжает эту работу непрерывно в течение 18 лет. (...)

Результаты этого мониторинга приобретают репутацию наиболее обширного и достоверного собрания тщательно обработанных данных по такой проблеме, как ксенофобские акты насилия (их еще называют «hate crimes» — преступления на почве ненависти) в Польше. Им пользуются разнообразные средства информации, научные центры и международные организации. В 2013 г Генеральная прокуратура Польши обращается к обществу «Никогда больше» с просьбой провести мастер-классы по тематике расизма и ксенофобии для почти 100 прокуроров со всей страны, которых назначили для ведения такого рода дел на местах.

Мартин был страстным болельщиком (...). В 1996 г. он инициировал общественную кампанию «Выбьем расизм со стадионов», обращенную главным образом к футбольным фанатам, а также ко всем, кто связан с указанным видом спорта, — участникам соревнований, тренерам, спортивным деятелям и журналистам. Объединение «Никогда больше» — по образцу западных стран — пропагандирует среди болельщиков антирасистскую позицию и стремится к изгнанию со стадионов страны фашистской символики, которая до недавнего времени была на них буквально повсеместной. А также сотрудничает с УЕФА, Польским футбольным союзом и многими спортивными клубами. Например, были проведены соответствующие просветительские акции на чемпионате Европы 2008 г. Далее, по решению УЕФА, объединение «Никогда больше» координировало программу общественной ответственности «Respect Diversity» (Уважай разнообразие), реализовавшуюся под эгидой УЕФА в Польше, а также во всем регионе Восточной Европы как часть подготовки к Евро 2012, — это был специальный комплекс антирасистских образовательно-просветительских мероприятий, связанных с

приготовлениями к чемпионату Европы по футболу 2012 г. в Польше и на Украине.

Мартин обожал музыку. (...) В 90-е он был инициатором кампании «Музыка против расизма». Возглавляемое им общество привлекло к кампании исполнителей, работающих в самых разных музыкальных жанрах, благодаря чему позитивный посыл охватил сотни тысяч слушателей. (...) Пройденный Мартином путь в некоторой мере отражают премии и награды, которые он получил за последние годы. Так, в 2012 г. ему присвоили почетное звание «Человека без барьеров», которого удостоиваются лица с ограниченными возможностями, чья «общественная активность, ангажированность и общественная позиция служат для других примером и источником мотивации в борьбе за ликвидацию барьеров в повседневной жизни». В том же 2012 году Мартин стал лауреатом проводившегося еженедельником «Newsweek Polska» конкурса на звание «Общественник 2011 года», в котором наградами отмечается общественная «активность отдельных лиц и стоящих за ними организаций». Несколько ранее, в 2011 г., президент Бронислав Коморовский наградил его Офицерским крестом ордена Возрождения Польши за заслуги «в построении гражданского общества». (...)

Агнешка Висневская

ПЕРВОПРОХОДЕЦ

(...) С 1994 г. Корнак готовил к публикациям все выпуски журнала «Нигды венцей». На страницах 20 номеров этого издания, печатались, в частности, тексты знаменитого редактора парижской «Культуры» Ежи Гедройца, историка литературы и идей Марии Янион, литературоведа и писателя Михала Гловинского, оппозиционера Яцека Куроня, шведского писателя и журналиста Стига Ларссона. Корнак отслеживал то, что происходит в Польше. Он много читал. Обладал превосходной памятью и отлично ориентировался в том, кто и как высказывался на темы, связанные с ксенофобией и расизмом. Когда планировался очередной номер журнала, он мгновенно предлагал фамилии тех публицистов и общественных деятелей, кого стоило бы попросить написать статью для данного выпуска.

Работа руководимого им объединения, как и работа самого Корнака — это еще и просвещение. Во время Евро 2012 объединение «Никогда больше» было официальным партнером УЕФА. Приготовления к этому европейскому первенству заняли три года. Три тысячи полицейских были обучены распознавать расистскую символику, аналогичную подготовку получили и

стюарды, помогавшие гостям чемпионата. Объединение вело также просветительскую деятельность среди польских прокуроров, занимающихся преступлениями на расистской почве. Впрочем, кампания «Музыка против расизма» тоже носила образовательно-просветительский характер. В 90-е годы у каждого из моих знакомых по лицу были в ходу комплекты магнитофонных кассет с логотипами, изображавшими белую и черную ладони. На таких кассетах и концертах воспитывалось целое поколение. Роберт Матера из польской группы «Дезертир» вспоминает, что музыканты воспринимали тогда всю эту кампанию как просветительскую деятельность. «Мы старались открывать людям глаза», — говорит он.

«Никогда больше» — это на самом деле сеть из нескольких десятков волонтеров. Мартин Корнак поддерживал со всеми ними контакт. «Когда ему звонил какой-либо молодой человек, мечтавший исправить мир, у Мартина всегда находилось время, чтобы поговорить по душам. А если звонил кто-то, кого избили, и кто не знал, как поступить и что сделать, Мартин всегда давал совет. Ни один телефонный звонок, ни одно электронное письмо не оставались без ответа», — говорит сотрудничавшая с Корнаком Анна Татар. И дальше рассказывает: «Когда в 90-х годах неонацисты из Быдгоща швырнули коктейль Молотова в общежитие, где жили иностранцы, Мартин сказал: «Хватит, никогда больше!». В последнее время Корнак энергично занимался убеждением польских властей в необходимости ратифицировать Конвенцию по борьбе с уголовными преступлениями в киберпространстве, а также дополняющий ее «Протокол о борьбе с расизмом в компьютерных сетях». Указанный протокол был подписан Польшей в 2003 г., но вплоть до сегодняшнего дня остается не ратифицированным. Мне не довелось знать Мартина Корнака лично. Впрочем, мы обменялись несколькими мейлами. Однажды он поблагодарил меня за «те хорошие и сердечные слова», которые я написала про «Никогда больше» в одном из текстов. Там было не более чем несколько фраз, но Корнак посчитал, что и за них следует сказать «спасибо». Многие из тех, кого я сегодня спрашиваю о Корнаке, говорят, что тоже, в общем-то, не знали его лично. Он передвигался в кресле и редко «бывал в свете», поэтому для нас он, скорее, имя, чем лицо. Ну, и, конечно, то, что он сделал.

Игнаций Дудкевич
ОН НЕ ВИДЕЛ БАРЬЕРОВ
Воспоминания о Мартине Корнаке

— Мне никогда не приходилось встречаться с Мартином Корнаком, — говорю я в самом начале разговора.

— Вы не исключение, — улыбается Эльжбета Яницкая, известный фотограф, автор работ о Холокосте и антисемитизме.

— Многие люди знают, кем был Мартин Корнак, но мало тех, кто был знаком с ним лично. Конечно, многие знают, кем он был. Но не так-то легко описать это в нескольких фразах.

Деятель

Он был общественником. Родился в 1968 г. Отчасти это символично^[1].(...)

Мартин часто высказывался на самые разные темы, был комментатором публичной жизни, во время изнурительных многочасовых разговоров помогал журналистам, работающим над текстами по антидискриминационной тематике. Как вспоминают многие, он передавал людям все имевшиеся у него знания, вкладывая всё свое дружелюбие и добрую волю в то, чтобы помочь кому-либо, чтобы показать, как об этом надо говорить и как думать. (...)

Титан

Мартин был тружеником.

— Он концентрировался на самых важных вещах. А самое важное — это не присутствие, а действие, — говорит Э. Яницкая.

— В свою работу он вкладывал титанические усилия и не знал передышек, так как чем больше он работал, тем больше нужно было сделать. Казалось, этому человеку сносу нет, причем в нем всегда было видно внутреннее спокойствие. Но он платил за это ценой собственного здоровья.

Мартин никогда не оставлял без ответа ни единого мейла, письма или телефонного звонка. Причем откликался немедленно, в любое время, в том числе и посреди ночи.

Эрудит

Этот человек был настоящим кладом знаний. (...)

— Он обладал огромными знаниями и невероятной эмпатией. Умел разговаривать с каждым и обо всем, — рассказывает Анна Татар. — Могло сложиться впечатление, что Мартин знает всё, но вместе с тем он никогда этого не использовал — оставался очень нацеленным на собеседника, и его неизменно интересовало то, о чем кто-то намеревается рассказать.

Дальтоник

По отношению к каждому он проявлял себя человеком теплым, открытым, доброжелательным. И дело тут вовсе не в приторно-слащавых воспоминаниях. (...)

— Мартин был чудесным дальтоником, — говорит Э. Яницкая, — он не видел и не различал ни классов, ни рас, да и эмблемы престижа тоже не производили на него ни малейшего

впечатления, хотя он и знал, каким образом использовать их в борьбе с миром, который глух к аргументам.

Не без причины Корнак получил от «Общества друзей интеграции» премию «Человек без барьеров». «Думаю, эта формулировка в сжатом виде очень много говорит о Мартине, она прямо-таки символична, — говорит Анна Татар. — Он действительно не знал никаких барьеров, всей своей жизнью старался бороться с ними и преодолевать их. В любое время, всегда».

Визионер

Мартин был великолепным организатором.

Уже в 90-е годы он был вдохновителем независимой музыкальной сцены в Быдгоще, писал тексты для панк-групп и рок-ансамблей. Уже тогда его фигура обрастала легендами. (...) Этот человек собирал вокруг себя людей, мыслящих так как он, с таким же запасом терпения.

— Он умел создать в нашем обществе такую атмосферу, что свои обязанности мы выполняли с полной вовлеченностью и отдачей, будучи абсолютно убежденными в том, что именно так и следует делать, — вспоминает Анна Татар. (...)

Наблюдатель

Мартин был реалистом и внимательным аналитиком.

Знал, что на изменение менталитета требуются годы. И вместе с тем видел, что в некоторых смыслах ситуация становится всё хуже.

— Он в полной мере осознавал, что фашизм — это не только эксцесс, связанный с какой-то маргинальной проблемой; напротив, фашизм представляет собой явление, присутствующее в главном течении культуры и в элите нашего общества, — говорит Э. Яницкая.

— Ему хватало мужества говорить это громко и тут же открыто клеймить то, каким образом функционировали в этой связи полиция, суды, прокуратура, Церковь или средства информации. Корнак видел, что во многих случаях эти институты общественного доверия легитимируют ксенофобию.

Его стихией было непосредственное вмешательство. Яницкая говорит прямо:

— Он был «и глазом, который видит, и ухом, которое слышит, и книгой, в которой всё записано». Без него многие дела, многие акты насилия пропали бы бесследно. У тех простых людей, кого ни общественные авторитеты, ни полиция, в общем-то, не хотели слушать, было к кому обратиться. Тем самым они могли освободиться от чувства бессилия. (...)

Незаменимый

Он был единственным и неповторимым.

— Мартина невозможно заменить, насчет этого нет никаких

сомнений, — говорит Анна Татар. (...)

— Его образ получается по существу кристально чистым. Но, возможно, это потому, что он именно таким и был...

ОН ЧЕРПАЛ ИЗ СОБСТВЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Из беседы с Петром Павловским, президентом Общества друзей интеграции и фонда «Интеграция»

— Как вы воспринимали деятельность Мартина — ту проблематику расизма, дискриминации и предубеждений, которой он занимался? Что, на ваш взгляд, изменилось благодаря его деятельности в объединении «Никогда больше»?

— На меня производило огромное впечатление, что Мартин, находясь в труднейшей ситуации, в которой он оказался, берется за столь сложную тематику, касающуюся, как бы там ни было, в том числе и его самого. С одной стороны — борьба с расизмом, а с другой — сопротивление действиям лиц, мягко говоря, не способствующих функционированию людей с ограниченными возможностями: мы ведь знаем, что существуют круги, которые охотно исключили бы нас, людей подобного рода, из общества или спрятали куда подальше. С полной уверенностью можно утверждать — и, думается, любой из нас осознаёт данный факт, — что благодаря объединению «Никогда больше» мы сегодня находимся в совершенно другой ситуации в смысле понимания того, что представляет собой расизм. Титаническая работа Мартина привела к тому, что мы как народ воспринимаем сейчас указанное явление совершенно иначе, нежели прежде.

— В 2012 г. Мартин был удостоен за свою деятельность почетного звания «Человек без барьеров». Как, по-вашему мнению, выглядит сегодня ситуация лиц с ограниченными возможностями? Как изменились общественные установки по отношению к ним? Часто ли дело доходит до актов дискриминации?

— Наверняка мы находимся сейчас совсем в другом положении, чем десять или двадцать лет назад, но, само собой разумеется, достигнутая ныне ситуация всё еще далека от идеальной. Когда мы с Мартином два десятилетия назад сидели в инвалидных креслах, то сами наблюдали, как ситуация в нашей стране меняется в лучшую сторону, так что в настоящий момент исключение лиц с ограниченными возможностями из общественной жизни происходит на совершенно ином уровне, нежели это имело место ранее, — я имею в виду доступ к образованию, возможности трудоустройства, наличие определенных гражданских свобод. И как раз деятельность Мартина очень поспособствовала тому, что ныне мы понимаем

ограниченность возможностей гораздо лучше и знаем, в чем состоят некоторые сегодняшние ограничения для функционирования тех, кому эта ограниченность знакома не понаслышке. Разумеется, чтобы эта ситуация продолжала непрерывно улучшаться, по-прежнему нужно решать большие и сложные проблемы, стоящие не только перед нами, но и перед многочисленными организациями, в частности, перед обществом «Никогда больше» и Обществом друзей интеграции. Несомненно, нам следует честно сказать самим себе, что, если речь идет о функционировании людей с ограниченными возможностями, то мы живем сейчас в совершенно другой стране, однако дискриминация — быть может, не столь заметная, как несколько лет назад, — всё еще существует. (...)

Михал Фридрих

ЧЕЛОВЕК РЕНЕССАНСА НА ТРОПЕ ВОИНА...

Поиск людей, которые могли бы заменить Тадеуша Ружевица, Станислава Баранчака, Марека Новаковского, Габриэля Гарсиа Маркеса, Игоря Митора, Нину Андрич, Пита Сигера, Яна Бияка, Ричарда Аттенборо или Робина Уильямса — труд тщетный и ничем не обоснованный. Столь же тщетными и необоснованными были бы попытки искать продолжателя/преемника Мартина Корнака, чей преждевременный уход наполнил печалью не только его близких, но многих думающих восприимчивых людей из самых разных кругов. Думающих и восприимчивых, потому что именно им адресовалось послание автора «Коричневой книги», потому что только они были в состоянии понять те идеи и ценности, которыми Мартин руководствовался в своей деятельности.

Мартин Корнак. Поэт. Текстовик. Антифашист. Активный участник движения, борющегося за права людей с ограниченными возможностями. Публицист. Выдающийся знаток и коллекционер альтернативной музыки. Это множество его воплощений позволяет думать о Мартине как о современном человеке Ренессанса. Однако, чтобы иметь возможность хотя бы частично охарактеризовать его, к вышеупомянутым страстным увлечениям Мартина нужно присовокупить еще одно, весьма знаменательное для него качество. Речь идет о мужестве.

Добрый наш Бог окрест
Он охраняет шаги по этой стежке-дорожке
Мягко ступаю и не ощущаю страха
На тропе воина — там, где я нахожусь (...).
Дойтер^[2]

Хотя, по мнению Мартина Корнака, антифашизм и антинацизм были (...и остаются! ведь его дело живо — мы же не перестанем действовать) максимально дистанцированы от насилия, реваншизма и уличных столкновений, в его личности именно мужество составляло (простите, составляет — как сложно использовать применительно к Мартину формы прошедшего времени) доминирующую черту. Он не только без всяких колебаний публично клеймил всяческие проявления расизма, а также других позорных фобий и иррационализмов, но и с абсолютной бескомпромиссностью обращался к самым разнообразным сферам общества с призывом активно выступать против проявлений ненависти, предубеждений или насилия. И каждый раз Мартин, призывая людей действовать, ставил перед ними конкретные задачи и выдвигал четкие требования, ничуть не испытывая при этом разочарования ни из-за бюрократической машины, парализующей наши институты и учреждения, ни из-за пренебрежительного отношения политиков и средств информации к хорошо известным проблемам, ни из-за жалких угроз со стороны крайне правых сил, которые как не умели, так и не умеют бороться честно и достойно. «Тропа воина», по которой двигался Мартин, была тропой, идущей сразу во многих направлениях, причем тропой весьма опасной. В 90-х, когда избиения из расовых и националистических побуждений были чем-то вполне обыденным и повседневным — а в том десятилетии случилось и несколько десятков убийств на этой почве, — от антифашиста требовались именно мужество и огромная решимость. Как раз эти — и многие другие — качества помогали Мартину преодолевать границы между всевозможными идейными, культурными и религиозными группировками в его борьбе со всем, что порождает предубеждения и ненависть. Мартин Иден^[3] сам перешагивал через самые разные барьеры; умел разговаривать и с анархистами, и с приверженцами радикальных левых мировоззрений, и с политиками (в том числе придерживающимися консервативных взглядов), и с католической Церковью, равно как и с представителями других религий, а также с писателями и публицистами, творцами из самых разных сфер искусства, спортсменами. Размещенный на обложках журнала «Никогда больше» лозунг «Если ты не с нами — это еще не плохо, плохо — если ты с ними», одним из создателей которого был Мартин, находил свое воплощение во многих сферах. Добиваясь толерантности, пропагандируя позитивный подход ко всему, что непривычно или отлично от «нормы», Мартин сам служил примером плюралистического подхода к самым разным взглядам, культурам,

вероисповеданиям, склонностям, вкусам или пристрастиям.
(...)

Катажина Скшипец

СИЛА МУЗЫКИ

Замысел был простым... Всё началось с опубликованного в журнале «Нигды венцей» обращения к музыкантам, призывающего их включиться в движение против расизма. Из-за нарастающих проявлений расовой нетерпимости такие действия в нашей стране уже предпринимались. На сей раз речь шла, однако, о необходимости «объединиться в борьбе с расизмом». Вместе всегда легче — этот принцип известен каждому. Шел 1997 год, и, как оказалось, потребность в антирасистских действиях была, прямо скажем, огромной. (...) Черно-белая ладонь — символ толерантности. Этот логотип кампании «Музыка против расизма» очень скоро стал значимым символом протеста против расовых предубеждений. Черно-белую картинку запроектировал быдгоцкий график Рафал Джицимский. Это был один из тех логотипов, которые западают в память уже через несколько мгновений, — знак, который виднеется на майках, дисках, баннерах, наклейках и нашивках. (...)

С самого начала этой кампании росло количество групп, которые ее поддерживали. Играть против расизма хотело множество музыкантов всех жанров и стилей. А черно-белая ладонь стала великолепным предлогом, чтобы разговаривать об антирасизме. (...) Поскольку интерес к этому проекту был огромный, было принято решение издать альбом с произведениями тех коллективов, которые к этому моменту поддерживали акцию. Получилось 19 треков. Сборный альбом «Музыка против расизма» вышел в 1998 году. (...)

Петр Пилюк

КОНТАКТЫ МАРТИНА КОРНАКА С ЕВРЕЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

(...) Мартин был человеком весьма доброжелательным и дружелюбно настроенным по отношению к людям. Несмотря на сложности, обусловленные собственными ограниченными возможностями, его многосторонние и вместе с тем эффективные действия заслуживают самого высокого признания. Безусловно, Мартин Корнак был выдающейся личностью и индивидуальностью, а потому заменить его попросту невозможно. Однако он собрал вокруг себя тесный круг по-настоящему увлеченных людей, которые будут

продолжать его дело, высоко ценя уровень и значимость его долголетних действий по мониторингу и описанию таких явлений, как расизм и ксенофобия. По моим ощущениям, труды и достижения Мартина обладают огромной ценностью для всех наших граждан, для польского общества в целом. Почему? Потому что он спокойно и взвешенно обращал наше внимание на то, что к другому человеку надо относиться с уважением — невзирая на его происхождение, вероисповедание, взгляды и прочие качества. 25 марта 2014 г. во время похорон Мартина Корнака я прощался с ним от имени всей нашей организации — «Общественно-культурного объединения евреев Польши». Это был очень грустный момент, но у нас была крупница надежды. Ведь люди, сотрудничавшие с Мартином, решили, что обязательно продолжат его работу.

Витольд Лилиенталь

МИР ДУМАЛ, ЧТО НИКОГДА БОЛЬШЕ...

(...) Общество «Никогда больше» является открытым и действует в Польше легально, но можно себе вообразить, сколько у него заклятых врагов среди так называемых настоящих поляков.

В условиях новейших политических событий в Польше эта организация сталкивается с еще более значительными и трудными вызовами, чем раньше. По всей Европе катится сильная волна национализма, которая в каждой стране подпитывается местными националистами, запугивающими народ беженцами из других стран. В Польше лозунги типа «Польша для поляков», провозглашаемые на маршах правых организаций, становятся популистскими и одобряются определенными слоями общества. Недавние террористические акты в Париже наверняка лишь укрепят стереотип, позволяющий отождествлять беженцев-мигрантов, которые спасаются от террора, с самими террористами. И тут же недавно пришедшие к власти польские политики стали говорить о «невозможности справиться с согласованными обязательствами по приему беженцев». Организацию «Никогда больше» ждет многократный рост как объема работ, так и сложности стоящих перед ней задач. Но я верю, что когда-нибудь в будущем благодаря усилиям этого общества, благодаря достойной позиции его членов, которая нередко требует от них подлинного мужества, благодаря последовательному выявлению и опубликованию того, что необходимо заклеить, а также в ничуть не меньшей степени — благодаря выпускаемой им разумной образовательно-просветительской литературе число инцидентов, вызванных расизмом и

ксенофобией, значительно уменьшится, а терпимое отношение к инаковости пробьет себе дорогу и дойдет даже до тех, кто сегодня повторяет заученные лозунги, потому что не понимает, где правда. Ведь всякая ксенофобия берет свое начало в неведении. (...)

В специальном номере журнала «Нигды венцей» помимо воспоминаний и других материалов о Мартине Корнаке опубликован ряд очерков и эссе, посвященных проблемам антисемитизма, нетерпимости и ксенофобии. Среди них особый интерес вызывает статья культуролога, феминистки, общественной деятельницы, писательницы и лауреата нескольких литературных премий Сильвии Хутник.

Сильвия Хутник
МОИ «НАИМОЙШИЕ»

В нашей ментальности нет места компромиссу. Абсолютно всё мы ставим на лезвие ножа: ты или я. У нас всегда кто-нибудь должен выиграть, а кому-то придется стать жертвой. Все эти войны, восстания и чувство перманентной и неослабевающей угрозы, исходящей от русских, немцев, евреев и инопланетян, уже сделали нам из мозгов какую-то мелко порубленную солому. Неизвестно, о чем идет спор, но на всякий случай мы поубиваем друг друга выдранными из заборов кольями. Мы ведь не согласны!

Окопавшись на левом или правом флангах и пребывая хоть в разнузданном разгуле, хоть в суровом воздержании, мы становимся предсказуемыми и скучными. Словно бы кто-то раздал нам сценарии, где каждая из сторон говорит то, что должна. Мы не умеем слушать, у нас нет потребности слушать, если кто-то кого-то готов выслушать, мы воспринимаем это как доказательство слабости и «отсутствия твердых взглядов». Да и вообще — кто слушает, тот против нас.

Взаимные обвинения перемалываются то так, то эдак, но нам не дано умение признать, что и ты немножко прав, и я тоже немножко прав. Вместо этого мы считаем себя наиумнейшими и наилучшими в мире. Не знаю, почему каждая инаковость вызывает в нас очень сильный страх, а временами прямо-таки настоящую враждебность. То обстоятельство, что кто-то решил жить иначе, чем мы, трактуется как личное покушение на нашу идентичность. Иным, то есть чужаком и врагом, может стать каждый, кто любит, одевается или ведет себя иначе, чем

мы. Кто родился с иным цветом кожи либо верит в иного Бога. И вот что любопытно: нам нравится принаряжать наши предубеждения в якобы объективные аргументы. Если таковых не окажется или же они звучат не настолько логично, как нам поначалу казалось, то мы прибегаем к насилию. А в конце: «Моя правота моее, чем твоее, потому что моя правота — самая наимойшая».

Я невольно задумываюсь, сколько же непримиримости и фрустрации скопилось в тех, кто столь громогласно выражает свои возражения против «патологии» негетеросексуальных союзов, некаатолической религии или непольского происхождения. Они способны нападать на людей, унижать их или запугивать только по той причине, что те не похожи на них. И думают не так, как они. Причем сами они используют в качестве подпорок для своих убеждений некие возвышенные идеи потому, что должны же они чем-то легитимировать свой гнев. И тем самым во имя мнимого патриотизма или заботы о своей семье они лишают права на жизнь тех, кто не укладывается в их определение нормальности. Определение запутанное и сомнительное. Ведь никто так и не знает до конца, что за ним скрывается. Норму устанавливает большинство или это решает закон? А может быть, мировоззрение формируется нашей моралью, впечатлительностью или ценностями? Неизвестно, что именно должно свидетельствовать о том, что мы ведем себя и живем в соответствии с общественными или культурными кодами. Однако прежде всего неизвестно, почему мы должны это делать, и кто имеет право осуществлять контроль и надзор. Одни говорят, что Бог, — но какой именно, и что делать с атеистами?

Вторые говорят, что честь, — но она ведь так же относительна, как и норма.

Третьи говорят, что отечество, — но не является ли подобная персонификация идеи слишком рискованным замыслом, имеющим целью отождествить человеческие потребности с абстрактным бытием?

Любой из нас в любую минуту может стать для окружающих иным, то есть лицом, отличающимся от остального общества. В результате несчастного случая или болезни мы можем потерять здоровье, а наше тело может утратить нормативность. Мы можем влюбиться в человека того же пола, что мы, или же в кого-то, кто принадлежит к иной культуре. Можем сменить вероисповедание или вообще отвергнуть любые религии. Можем, наконец, принять такие решения, которые осуждаются в нашем кругу. В любом подобном случае мы станем Теми, Кто Не Такой. Но кто же будет тогда большинством, и где применительно к нему окажемся мы

сами?

У меня вызывает омерзение все более невыносимый тон раздающихся со всех сторон заявлений. Некие явленные нам опасные истины, обязательные для усвоения и соблюдения каждым. И та «нормальность», которой никто не видел, но все на нее ссылаются. Я ловлю себя на том, что и сама начинаю очень уж властно думать о других, руководствуясь при этом одним из наиболее постыдных аргументов: «потому что я». Потому что я так думаю, потому что я так считаю. Как будто это кого-то волнует.

До удивления жестокими видятся мне подобные советы и наставления. Они исходят от людей, которые убеждены в своей правоте, заявляя, что у животных нет чувств, что детей можно бить, нужно только «уважать их достоинство», что мужчина не может превратиться в женщину, поскольку это не согласуется с биологией. Что беременность, возникшую в результате изнасилования, необходимо доносить, что оплодотворение *in vitro*, т. е. в лабораторных условиях вне организма, означает появление «ребенка из пробирки» или что нормальная семья — это парень и девушка. Потому что эти люди так думают. На разный манер перемалываются какие-то золотые мысли, причем не в форме аргумента в дискуссии, а в качестве не терпящей возражений аксиомы, которая должна заткнуть нам рты. И послужить штемпелем, окончательно припечатывающим факт их превосходства над нами, какого-то самонадеянного и спесивого чувства обладания известной лишь им, единственно верной истиной. И вот они цедят эти явленные им истины, лайкают в сети чудовищно вздорные утверждения, которые конструируются так, чтобы породить серьезные разногласия. А заодно на этом делают карьеру люди, которые на самом деле невообразимые фанфароны и пустозвоны, а также эксперты по всему на свете. Моральные опознаватели и указатели истины — во имя Бога, Природы и Совести.

Эти их поучения, агрессивный тон, умничанье... Для многих людей, которые не хотят вести дебаты и дискуссии таким способом, этот не терпящий возражений современный стиль оказывается чрезвычайно трудным. До такой степени, что становится попросту причиной их отхода от политики или общественной деятельности, поскольку они не в состоянии вынести столь бурного потока агрессии и нетерпимости. Ведь не каждый из нас наделен темпераментом, позволяющим безжалостно унижать оппонентов. И это очень хорошо.

На протяжении длительного времени я создавала собственное определение нормальности, но каждый раз обнаруживала, что отнюдь не все смогли бы найти в ней место для себя. В итоге я подумала, что ни для чего путного оно мне не пригодится, так

как во многих ситуациях и среди многих моих знакомых ее попросту нельзя будет применить. Вместо этого я стала пользоваться такими формулировками, как спокойствие или открытость к инаковости. Начала искать компромиссы, хотя мне самой тоже то и дело с поразительной легкостью приходят в голову негативные оценки всех тех, кто отличается от меня. Я открыла для себя, что это большой труд: стараться понять разнообразие, и что отнюдь не каждый готов интенсивно потрудиться ради этого. Знаю, подобное утверждение звучит азбучным трюизмом, но пока не проверишь на себе какие-то вроде бы затасканные механизмы, тебе не осознать в полной мере все тонкости. Быть может, это очень по-человечески — искать короткие обходные пути и спрямлять сложные маршруты, но в истории слишком часто закрытость ума и упорное окапывание на своих позициях вели к унижениям и агрессии. Как психической, так и физической. Отдавая себе отчет в подобных опасностях, хорошо было бы отказаться от желания против воли втискивать кого бы то ни было в рамки наших ожиданий. Так, чтобы все эти «наимойшие» мнения или решения не вели к конфликтам и насилию.

Подготовила Элиза Вольская

-
1. Этот год запомнился в Польше студенческими волнениями, которые завершились мощной партийно-государственной антисемитской кампанией и выдавливанием из страны десятков тысяч евреев, в основном интеллигентов. — Здесь и далее прим. пер.
 2. Это текст М. Корнака ко второму треку панк-альбома «Дойтер» (1988) польской группы «Дезертир», опирающегося на произведения прославленного немецкого инструменталиста Георга Дойтера.
 3. Литературный псевдоним М. Корнака.

Хроника (некоторых) текущих событий

Хроника (некоторых) текущих событий

- В своем послании в связи с Днем независимости 11 ноября президент Республики Польша Анджей Дуда призвал: «Будем же праздновать вместе, независимо от того, кто в какой процессии идет и каких взглядов придерживается. Отметим праздник в согласии, доказав тем самым, что мы как народ смогли оказаться выше ненужных разногласий и расколов». («Супер-экспресс», 12-13 нояб.)
- «Только мы действительно всерьез относимся к такой важной задаче, как повышение уровня жизни простых польских семей. (...) Мы твердо убеждены в наличии в Польше демократической системы разделения властей, где парламент олицетворяет собой закон, который обязаны соблюдать абсолютно все — в том числе и судьи Конституционного суда. (...) Всегда есть люди, разделяющие другие взгляды и поддерживающие нынешнюю оппозицию — таковы права, предоставляемые демократией. И тот факт, что оппозиция всячески пользуется этими правами и одновременно поднимает крик об отсутствии в Польше демократии, не вызывает ничего, кроме улыбки. (...) Определенные группы влияния боятся потерять свои привилегии. А мы должны говорить людям правду и делать свое дело», — президент Польши Анджей Дуда. («вСети», 24-30 окт.)
- «На торжественном открытии учебного года в торуньской академии о. Рыдзика министр обороны Антоний Мацеревиц заявил, что огромный успех Польши “был бы в принципе невозможен, если бы не взлет политической мысли, стратегическое планирование и безоговорочная победа коалиции, возглавляемой Ярославом Качинским. Именно здесь кроется источник этой грандиозной геополитической перемены, и хотя выгоды такого положения дел в первую очередь касаются польского народа и государства, в перспективе это изменит весь мир”». (Людвик Дорн, «Политика», 26 окт. — 1 нояб.)
- «В первые десять месяцев этого года среднее вознаграждение в частном секторе составило 4 234 злотых, что на 5% больше, чем в аналогичный период прошлого года. (...) В будущем году средний заработок вырастет, в частности, благодаря

повышению ставки минимальной оплаты труда. С января она будет составлять 2 тыс. злотых, что на 8,1% выше, чем в прошлом году». (Януш К. Ковальский, «Дзенник газета правна», 3 нояб.)

- «Растет оптимизм предпринимателей и потребителей по всей Европе. Его основной показатель — индекс ESI, публикуемый Европейской комиссией, — в октябре на территории ЕС достиг 106,8 единиц (в сентябре он составлял 105,5 единиц). (...) В Польше индекс ESI впервые опередил показатели февраля 2011 г., когда он составлял в нашей стране 101,5 единиц по отношению к 101,2 единиц в сентябре 2010 года».

(«Жечпосполита», 31 окт. — 1 нояб.)

- «Человек, оказавшийся без работы, имеет право на пособие по безработице в размере 831,10 злотых, назначаемое на срок, не превышающий одного года. (...) Когда же этот срок пройдет, гражданин может претендовать на другое пособие, связанное с безработицей. (...) Так называемые “профессиональные безработные” — это самый настоящий кошмар работников служб занятости. “Когда безработному предлагают работу за самую низкую зарплату в стране, он смеется им в лицо. Он знает, что благодаря разнообразным пособиям (в связи с безработицей, на детей, на жилье, для недееспособных, в связи с борьбой с алкоголизмом и наркоманией, а также в связи с насилием в семье) он может получать на руки до 3 тыс. злотых”, — говорит Ежи Кендзёра, руководитель управления по трудоустройству в Хожуве. (...) “В Польше есть гмины, где для трех четвертей жителей пособия являются основным источником дохода”, — комментирует Эва Флашинская, эксперт по вопросам социальной политики и директор Центра социальной поддержки в варшавском районе Беяны». (Иоанна Цвек, «Жечпосполита», 11 окт.)

- «Согласно результатам опроса, проведенного ЦИОМом, 56% поляков считают, что Пис справляется с реализацией своих предвыборных обещаний. Противоположного мнения придерживаются 37% респондентов, еще 7% не смогли определиться с ответом. 67% избирателей ждут, когда Пис выполнит одно из своих ключевых обещаний — снизит пенсионный возраст. 35% тех, кто на это рассчитывает, связывают снижение пенсионного возраста с состоянием государственного бюджета, а 34% полагают, что это произойдет независимо от стоимости данной реформы. Опрос от 17-25 августа». («Газета выборча», 11 окт.)

- Поддержка партий: «Право и справедливость» — 30,2%, «Современная» — 20,1%, «Гражданская платформа» — 16,7%, Кукиз'15 — 8,9%, Коалиция левых сил — 5,7%, крестьянская партия ПСЛ — 5,1%. Опрос Института рыночных и общественных исследований от 21-22 октября.

(«Жечпосполита», 25 окт.)

• «Биржевые компании Государственного казначейства в течение последних полутора лет потеряли одну треть своей стоимости». «Потери на бирже свидетельствуют об утрате доверия инвесторов к польским акциям, — говорит Себастьян Бучек из Ассоциации инвестиционных фондов “Quercus”. (...) — Мы проверили, какое влияние на биржевые котировки оказывает политика, а также присутствие государства в составе акционеров. (...) Оказалось, что контролируемые Государственным казначейством фирмы потеряли в среднем одну треть своей стоимости (это 94 млрд злотых). Частные фирмы потеряли значительно меньше — 21%”. (...) По мнению эксперта в области менеджмента, проф. Кшиштофа Облоя, инвесторы избегают государственных компаний, поскольку не располагают надежными данными о том, какую политику будет проводить правительство, и как это скажется на состоянии этих фирм. А постоянная смена руководства биржевых компаний только усиливает неуверенность. Кроме того, правления компаний, будучи не в состоянии прогнозировать политику государства, откладывают принятие решений». (Петр Чапчинский, «Жечпосполита», 3 нояб.)

• «Составляемый компанией “IHS Markit” Индекс деловой активности PMI, отображающий конъюнктуру в обрабатывающей промышленности (...), снизился с 52,2 пунктов в сентябре до 50,2 пунктов в октябре. (...) В Германии (...) он вырос до 55 пунктов. (...) В Чехии индекс PMI вырос в октябре до самой высокой за последние пять месяцев отметки в 53,3 пункта». (Гжегож Семенчик, «Жечпосполита», 3 нояб.)

• «Данные относительно конъюнктуры рынка в сентябре, которые в среду опубликовало Главное статистическое управление (ГСУ), показывают, что в третьем квартале рост ВВП замедлился даже по сравнению с разочаровавшим экономистов первым полугодием, когда экономика росла в темпе 3–3,1%. (...) Среднемесячные показатели свидетельствуют, что в третьем квартале рост ВВП замедлился до 2,6–2,7% в год».

(«Жечпосполита», 20 окт.)

• «По данным ГСУ, оценки нынешней и будущей конъюнктуры среди потребителей в октябре проигрывают сентябрьским. Текущий показатель потребительского доверия, дающий обобщенную характеристику тенденций индивидуального потребления, снизился на 1,3 процентных пункта и составил 3,7». («Жечпосполита», 20 окт.)

• «Как сообщает Бюро инвестиций и экономических циклов, индекс благосостояния, отражающий уровень жизни поляков, в октябре снизился на 0,3 пункта, причем уже второй раз подряд». («Жечпосполита», 20 окт.)

• «В современном обществе считается, что лучше обмануть

государство, чем страховую компанию, банк или кредитора. Таковы результаты исследования “Финансовая этика поляков”, (...) выполненного по заказу Конференции предприятий финансовой отрасли совместно с “Big InfoMonitor”. (...) Самый большой процент утвердительных ответов пришелся на вопросы “Оправдываете ли вы наличный расчет без чека, позволяющий уклониться от уплаты НДС?” (33%) и “Оправдываете ли вы неофициальное трудоустройство в целях избежать взыскания долгов с заработной платы?”, то есть одновременный обман кредитора и налоговых органов (35,6%). (...) Для сравнения, совсем немногие (1,5%) оправдывают оформление кредита на чужой документ, удостоверяющий личность, влекущее причинение ущерба как владельцу документа, так и банку». (Мацей Бадовский, «Польска», 21–23 окт.)

- «Казимеж Турлинский (...) — один из 11 советников парламентской комиссии по расследованию аферы “Amber Gold”. (...) Он стал известен как автор книг “Как научиться красть”, (...) “Как легально не платить налоги”, а также “Как легально не возвращать долги”. (...) Кандидатура этого эксперта была предложена фракцией ПиС». (Виктор Ферфецкий, «Жечпосполита», 31 окт. — 1 нояб.)

- «Министерства, правительственные агентства и парламент за неполный год, прошедший с момента парламентских выборов, потратили на премии для своих сотрудников 71 млн злотых. Наверняка эта сумма в действительности еще выше, поскольку некоторые ведомства скрывают свои расходы на поощрение сотрудников — это, в частности, МВД, МИД, министерства морского хозяйства, спорта, а также Канцелярия Сейма». («Факт», 25 окт.)

- «В первом полугодии 2016 г. государственный долг Польши вырос с 920 до 978 млрд злотых. (...) Долг огромен и при этом быстро растет. (...) Наш государственный долг составляет 5,2% ВВП, так что мы не только выполняем требования ЕС, но и входим в десятку стран Евросоюза с самым низким уровнем задолженности. (...) При нынешнем соотношении долга с ВВП банкротство нам не грозит, однако стабильность польских финансов внушает все большее беспокойство. (...) Постоянный рост задолженности, особенно когда она растет быстрее, чем ВВП (а соотношение долга с ВВП растет, и это продолжается в Польше уже 15 лет), ограничивает возможности экономического развития на долгосрочную перспективу. Рано или поздно это может привести к серьезным финансовым встряскам, а в будущем теоретически и к угрозе банкротства, особенно если к нашим внутренним проблемам прибавятся проблемы глобального характера. Так что мы находимся на пути, который, без сомнения, ведет нас к пропасти. И то, что

край этой пропасти еще далеко, не должно нас успокаивать». (Витольд М. Орловский, «Политика», 12-18 окт.)

- «Правительство планирует, что в будущем году дефицит государственных финансов составит 3%. (...) Темп роста польской экономики составляет около 3% ВВП. Так что наш экономический фундамент сегодня явно слабее, чем раньше, когда этот показатель составлял 4,5-5%», — Анджей Жоньца, председатель Ассоциации польских экономистов. («Уважаем же», ноябрь 2016)

- «Польша полностью освоила денежные средства ЕС в размере 57,2 млрд евро, выделенные на 2007-2013 гг., говорится в отчете, представленном Европейской комиссией. (...) Из нового предназначенного для нас фонда, составляющего 78 млрд евро и рассчитанного на 2014-2020 гг., в Польшу пока не поступило ни одного евро, поскольку организационно мы все еще к этому не готовы». («Жечпосполита», 10 окт.)

- «Китайское рейтинговое агентство “Dagong” продолжает удерживать рейтинг Польши в иностранной валюте на уровне “А-” и в национальной валюте на уровне “А” со стабильной перспективой в обоих случаях. “Dagong” объясняет это сохранением политической стабильности в Польше, хотя неуверенность в отношении принимаемых политических решений растет». («Газета wyborcza», 15-16 окт.)

- «Минимальная ставка нового налога, объединившего в себе налог на доходы физических лиц, взносы в Управление социального страхования и Национальный фонд здравоохранения, составит 19,5%, а максимальная — около 40%, сообщил Генрик Ковальчик, министр, курирующий налоговую реформу. Всего ставок будет 4 или 5». (Александр Тарка, «Жечпосполита», 17 окт.)

- «Введение плоского налога привело к тому, что его начал платить все более широкий круг налогоплательщиков. Налоговая ставка была настолько привлекательной, что уклоняться от уплаты налога было просто невыгодно. (...) Введение прогрессивного налогообложения вместе с ростом других государственно-правовых обязательств приведет к массовому бегству налогоплательщиков. Если мы сравним ставки налога в разных странах Вишеградской группы (разница колеблется от 15 до 25%), и посмотрим, где больше послаблений в области расчета налогов (...) и вообще более либеральная налоговая система, то станет понятно, почему так много польских фирм зарегистрировано в Чехии и Словакии», — Адам Марианский, профессор Лодзинского университета, адвокат и налоговый консультант. («Жечпосполита», 17 окт.)

- «Достаточно погуглить, чтобы увидеть, как выросло в последнее время количество запросов по теме “фирма в Чехии”. (...) Идея увеличить налогообложение

предпринимателей на 100% — это безумие. (...) Теперь придется увеличивать пенсионный возраст. Другой возможности нет. Достаточно ознакомиться с демографическими данными. Невозможно, чтобы сокращающееся количество работников содержало (...) всё более растущее количество пенсионеров. (...) Да, сейчас мы еще живем в условиях экономического роста, только проблема в том, что этот самый экономический рост постепенно замедляется, а если взвалить на предпринимателей дополнительное налоговое бремя, он замедлится еще сильнее», — Роберт Гвяздовский, эксперт по вопросам налогообложения Центра им. Адама Смита. («Польска», 21–23 окт.)

- «Богачи могут позволить себе перенести свою деятельность в другую страну, где налоги существенно ниже. А вот тем, кто зарабатывает, к примеру, 120 тыс. злотых в год, менять место постановки на налоговый учет невыгодно. Именно на них и лягут основные расходы в связи с отменой 19% налога на доходы физических лиц», — Беата Худзяк, налоговый консультант. («Жечпосполита», 17 окт.)

- «Таким образом, нам необходимо вернуться к восьмилетней начальной школе. (...) Зачем нам возрождать старую, неработоспособную систему образования, сохранившуюся в основном (в разных вариантах) в России, Белоруссии и на Украине? (...) Я задаюсь вопросом: как в демократической стране возможна реформа, которая противоречит здравому смыслу и разрушает жизни сотен тысяч людей?», — Витольд Бобинский, профессор краковского Ягеллонского университета, бывший эксперт министерства национального образования, сотрудник Института образовательных исследований. («Газета wyborcza», 13 окт.)

- «По данным “Higher Education Statistics Agency”, (...) в Великобритании учится около 5,5 тыс. поляков. В их число входят студенты всех уровней, но только те, кто учится на постоянной основе; студентов, приехавших в Великобританию в рамках обмена, данная статистика не учитывает. (...) Поляки учатся практически во всех вузах Великобритании. (...) Одним из первых решений вице-премьера и министра науки Ярослава Говина стала приостановка программы «Учеба для самых лучших», принятой коалицией «Гражданской платформы» и крестьянской партии ПСЛ. Этот проект предусматривал государственную финансовую поддержку поляков, желающих учиться в лучших университетах мира». (Матеуш Маззини, «Пшеглэнд», 10–16 окт.)

- «По официальным данным, в Великобритании проживают несколько сотен тысяч поляков, однако в действительности их количество оценивается в 2,5 миллиона. (...) Преступность среди иммигрантов в Великобритании за последние годы выросла на 40%, при этом поляки лидируют среди осужденных

за различные правонарушения. Бюро уполномоченного польской полиции получает сотни запросов от британских и польских органов внутренних дел. (...) В Бюро уполномоченного польской полиции делегируются два-три сотрудника. Теперь личный состав бюро будет увеличен». (Гражина Завадка, «Жечпосполита», 7 нояб.)

• «Налоговая реформа, реформа здравоохранения, план ответственного развития, реформа горной промышленности, изменения в энергетической политике и радикальный поворот в области возобновляемой энергии, переориентация в международной политике, запуск гигантских социальных программ, абсолютно новая программа реорганизации армии, но в первую очередь — снижение пенсионного возраста и реформа образования. Демонтаж государственной гражданской службы и глобальная революция в органах правосудия, вызывающая у многих нешуточную тревогу. Всё сразу, одновременно. (...) Кто заплатит за эти масштабные реформы? (...) Выдержит ли Польша такой радикальный эксперимент, предусматривающий перемены во всех сферах?». (Марек Тейхман, «Дзенник газета правна», 24 окт.)

• «Правление контролируемого государством Почтового банка в субботу пригласило своих сотрудников в базилику Пресвятой Богородицы Лихенской на мессу за здоровье руководства и коллектива банка. (...) Ежемесячные богослужения заказывает также правление Польской фабрики ценных бумаг». («Газета wyborcza», 2 нояб.)

• «Католичество нынешних властей предержавших ограничивается внешними декларациями и имеет очень мало общего с реальным воплощением в жизнь христианских принципов. В то же время такие действия властей, как финансовая поддержка “Радио Мария”, больше похожи на возврат долга. Их суть можно выразить так: “Вы помогли нам выиграть выборы, теперь мы поможем вам деньгами, только давайте не надо впутывать в это христианство”». (Блажей Стшельчик, «Тыгодник повсехный», 23 окт.)

• «Меня совершенно не удивляет, что ПиС отклонило в Сейме законопроект о противодействии риторике ненависти, подготовленный фракцией “Современной”», — Марек Бейлин. («Газета wyborcza», 23 окт.)

• «Вербальное насилие и хамство носят преднамеренный характер. С их помощью нас пытаются запугать, лишить воли к борьбе, заставить поверить, что все шито-крыто. Что не нужно бороться с ПиС, поскольку правящая партия очень сильна, и с ее всевластием ничего нельзя сделать. (...) Вместо того чтобы украшать и обустривать нашу страну, мы отбрасываем сами себя в прошлое, в 80-е годы, и снова боремся за элементарное соблюдение законности. (...) Почему я должна выходить на

демонстрации, как наши соотечественники 30 лет тому назад? (...) Это безумие, которое навязывает Польше Качинский. (...) Когда Ярослава Качинского попросили высказаться об Иоанне Клузик-Ростковской и еще одной ее коллеге по Сейму после их исключения из фракции ПиС, он ответил: “Не спрашивайте меня о цвете моих ботинок, это совершенно неважно”», — Камила Гасюк-Пихович, юрист, депутат от “Современной”. («Газета wyborcza», 29–30 окт.)

• «“Никогда не перестану поражаться, сколько злой воли у этих людей. Моего отца лишили правительственной охраны во время его зарубежной поездки”, — написал в среду в социальных сетях депутат Европарламента Ярослав Валенса. Бюро правительственной охраны подтвердило, что не будет больше охранять бывших президентов в ходе их зарубежных поездок. (...) “Это просто какое-то польское ноу-хау, — возмущается Александр Квасневский. — А вообще-то это обычное политическое сведение счетов”». («Жечпосполита», 14 окт.)

• «Режим личной власти лидера партии, располагающей большинством в парламенте и лояльным президентом, стал свершившимся фактом», — проф. Антоний Дудек, политолог из Университета им. кардинала Стефана Вышинского. («Газета wyborcza», 10 окт.)

• «Создание организационных основ для формирования войск территориальной обороны с самого начала было связано с работой созданного специально для этих целей Бюро по вопросам территориальной обороны, которое со временем будет преобразовано в Командование территориальной обороны при Министерстве национальной обороны. (...) Официальной причиной создания этой структуры стали политико-экономические перемены, происходящие в мире в последние годы. (...) Представляется, однако, что есть и другие причины — сугубо политического характера. (...) Можно также открыто признать, что благодаря такому шагу власть получает “мощного союзника” / “структуру поддержки” в реализации своих дальнейших политических и социально-экономических планов». (Марек Домбровский, «Нова техника войскова», окт. 2016)

• «Командование войсками территориальной обороны не будет входить в систему командования вооруженными силами Польши, подчиняясь только Антонию Мацеревичу. (...) Есть, к примеру, такая структура, как иранские “стражи исламской революции” — не входящие в состав регулярной армии добровольческие отряды, охраняющие не только безопасность страны, но и достижения исламской революции. (...) К этому стремится Польша?». (Павел Вронский, «Газета wyborcza», 5–6 нояб.)

• «Польское правительство все больше уходит из-под контроля парламента, судов и неправительственных организаций. В этом смысле ситуация у нас хуже, чем в Румынии, Чили и даже Коста-Рике. Таков один из главных выводов, которые можно сделать благодаря свежему выпуску престижного рейтинга “Rule of Law Index”, показывающего, как соблюдается режим законности в 113 странах мира. В этом году Польша заняла 22-е место в общем списке (опустившись на одну позицию по сравнению с прошлым годом) и только 15-е место среди стран Западной и Центральной Европы». (Эмилия Свентоховская, «Дзенник газета правна», 24 окт.)

• «Никаких винтовок, никакого авторитаризма, только дезорганизация и хаос. Ослабление государственного единства, и без того не слишком крепкого. Конечно, кому-то достанется на орехи, не без этого. (...) Беспомощность этого государства, его аморфная структура, живущая своей жизнью, бесформенное “нечто” способно нейтрализовать лихорадочные действия любой правительственной команды. (...) Проголосовать в парламенте можно за все, что угодно, однако правоприменение предусматривает использование соответствующих рычагов власти. И как это выглядит на деле? (...) Что слышит польский политик, став премьером или министром? Он слышит слово “нельзя”. (...) Государство в Польше работает не как единый организм, а как совокупность самостоятельных структур, при этом каждое звено вытворяет, что хочет. (...) Одно ведомство не взаимодействует с другим. Одно учреждение не желает общаться с другим, хотя их компетенции соприкасаются, и они должны согласовывать свои действия. В рамках одной и той же структуры один кабинет не делится информацией с другим. И это происходит на всех уровнях. (...) Дотянут до выборов и проиграют. И придется еще постараться, чтобы за ними прибраться», — Людвик Дорн, социолог, бывший вице-премьер, министр внутренних дел и маршал Сейма. («Газета wyborcza», 5-6 нояб.)

• «В Польше правит не ПиС. Правит народ, а ПиС находится у него в заложниках. (...) Таблоиды пишут о том, что у народа в головах, а у немалой части народа в головах то, о чем пишут таблоиды. Польский народ — так мне кажется — не любит свободу. (...) Польский народ любит независимость и самостоятельность. (...) Независимость, самостоятельность и свобода — это разные вещи. Независимость — это коллективная свобода, (...) носящая символический характер, поскольку речь в данном случае идет о суверенитете народа и страны (...). И тогда человек чувствует, что он волен наблюдать военный парад по телевизору. (...) Польский народ очень не любит интеллигентское представление о свободе. Какая свобода мысли, слова, совести, вероисповедания? Для польского народа

свобода заключается в том, чтобы иметь возможность поехать отдыхать в Египет или на Канары, (...) это свобода бытовая и рыночная, свобода работать в Англии, свобода ходить в церковь, а также почетная свобода пугать людей на улице лозунгом “Смерть врагам Родины”, намалеванным на черной футболке. (...) Интеллигенция хочет, чтобы судьи были независимы. А зачем им быть независимыми? Судья должен слушаться начальства. Какое еще разделение властей? Бред. (...) Свобода вероисповедания? Но ведь все поляки католики, так что кому она нужна, эта свобода вероисповедания, если у нас и так полная свобода вероисповедания для католиков?», — Стефан Хвин. («Газета выборча», 29-30 окт.)

• «Только за последнее время в Тригородском ландшафтном парке между Гдыней и Сопотом вырублено несколько тысяч деревьев. (...) В Сосновце на площади в черте города спилено 750 образцов древесных пород. В Познани парк, находящийся в районе Солач, за одну ночь лишился 196 деревьев, в том числе столетних. В Броднице — 40 деревьев. По данным вроцлавского Фонда экологического развития, за последние четыре года крупнейшие польские города лишились 800 тыс. деревьев. (...) За последнее время были вырублены почти все деревья на городских площадях Венцборка, Алверни, Бохни, Любачува, Скерневице и десятков других польских городов (...). На дрова пошли тысячи здоровых тополей, берез, лип, каштанов, можжевельников, тисов и елей — все ради того, чтобы освободить место для очередной гранитной коробки. (...) В муниципалитетах деревья воспринимаются в качестве постоянно дорожающей мороки — их ведь нужно поливать, подстригать, лечить и всячески о них заботиться. (...) Кроме того, в Польше на удивление много тех, кто относится к деревьям, как к личным врагам. (...) Ежи Столярчик, один из самых опытных польских арбористов, признается, что иногда люди спрашивают его, “как убить дерево”. (...) В Берлине у каждого городского дерева есть своя карта здоровья, хранящаяся в специальной картотеке; в этой карте указана дата посадки, состояние дерева, хроника всех повреждений. (...) Решение о необходимых мерах по уходу за деревом, а также о возможной вырубке принимается только специально сертифицированными органами архитектурного надзора». (Марта Сапала, «Политика», 2-7 нояб.)

• «Венецианская комиссия продолжает критиковать Польшу. По мнению европейских экспертов, ноябрьский закон о Конституционном суде по вине правительства и парламента по-прежнему не соответствует условиям, необходимым для равновесия ветвей власти в правовом государстве. Правительство заявило, что не намерено более сотрудничать с Венецианской комиссией». («Тыгодник повшехный», 23 окт.)

- «Джанни Букиккио, председатель Венецианской комиссии, заявил, что это первый случай, когда страна, состоящая в ЕС, отказывается сотрудничать с Комиссией». (Яцек Лизиневич, «Газета Польска цодзенне», 15–16 окт.)
- «Правительство Беаты Шидло направило официальный ответ относительно рекомендаций, которые в конце июля адресовала Варшаве Европейская комиссия. (...) “Мы не будем применять к системе польского правопорядка рекомендации, идущие вразрез с интересами польского государства и его граждан (...)”, — объясняла Шидло. (...) В своих рекомендациях Брюссель писал о необходимости соблюдать решения Конституционного суда (КС) от 3 и 9 декабря 2015 г., касающиеся выбора судей Конституционного суда. Также Европейская комиссия рекомендовала обнародовать и исполнить решение КС от 9 марта, признавшее неконституционными изменения в законе о КС». (Зузанна Домбровская, Анна Слоевская, «Жечпосполита», 28 окт.)
- «Вчера Сейм одобрил правительственный законопроект, согласно которому прокурор сможет отменять судебные решения. У него также появятся возможности приостановить судебный процесс, если дело будет идти к оправдательному приговору. (...) Также прокурор сможет останавливать уголовный процесс, чтобы “восполнить” материалы дела. И ему не придется просить для этого разрешения суда, сегодня — еще приходится. Кроме того, он получит возможность приостанавливать процесс неоднократно. Сторона защиты не сможет этому воспротивиться, сегодня — еще может. (...) Уполномоченный по правам граждан Адам Боднар направил маршалу Сейма свое заключение (...) о том, что данный законопроект нарушает право на судебную защиту, принципы равенства сторон, а также ограничивает полномочия суда, заставляя его выполнять волю прокурора». (Эва Седлецкая, «Газета wyborcza», 5–6 нояб.)
- «Правительство потихоньку ликвидирует систему самоуправления. Правительственная администрация перенимает множество задач и функций, к примеру, санитарный и строительный надзор, одновременно забирая себе миллионы злотых. Такая централизация нивелирует значение гмин». («Жечпосполита», 13 окт.)
- «Независимые ежедневные газеты и еженедельники лишились заказов на размещение объявлений от компаний с государственным участием. Многие государственные организации также отказались от подписки на газеты и журналы, критикующие политику Пис. “Газету wyborcza”, “Ньюсуик” и “Политику” убирают с видных мест на заправках государственной компании “Орлен” и в других пунктах продажи. (...) Заметны стали случаи автоцензуры в частных

СМИ, формально пока еще не зависящих от лидеров процесса “перемен к лучшему”», — Ассоциация журналистов (фрагменты обращения “Подпишемся на независимые журналы”) («Газета wyborcza», 2 нояб.)

• «Хельсинский фонд по правам человека направил в Национальный совет по телевидению и радиовещанию жалобу в связи с материалами программы “Вядомости” ТВП, дискредитирующими неправительственные организации в глазах общественного мнения. Эти материалы демонстрировались с 24 по 31 октября 2016 года. (...) “Кампания, развернутая против неправительственных организаций, вредит общественному благу. (...) Указанные материалы самым недобросовестным образом освещают работу организаций, действующих в интересах всего общества и следящих за соблюдением властью прав человека и базовых демократических принципов”, — говорится в жалобе». («Газета wyborcza», 5–6 нояб.)

• «Министерство юстиции в среду объявило результаты конкурса на “разработку и внедрение программ медиа-подготовки для сотрудников судов и прокуратуры”. Победило учебное заведение о. Тадеуша Рыдзыка — Высшая школа общественной и медийной культуры в Торуни. Школа участвовала в конкурсе с заявкой на сумму в 3 млн злотых». (Томаш Чехонский, «Газета wyborcza», 13 окт.)

• «Администрация Фейсбука удалила профили Марша независимости, “Всепольской молодежи”, Национально-радикального лагеря и Национального движения. Блокируются также личные профили некоторых активистов. (...) Фейсбук информирует, что профили удаляются на основании заявлений других пользователей. Заблокированные страницы нарушали регламент социальной сети, запрещающий, в частности, разжигание ненависти и нападки на других людей в связи с расой, национальностью либо сексуальной ориентацией». (Лукаш Возницкий, «Газета wyborcza», 2 нояб.)

• «Когда администрация Фейсбука узнала, что Марш независимости проводится в Польше легально, блокировка была снята». (Шимон Цыдзик, «Жечпосполита», 3 нояб.)

• 11 ноября, в день 98-й годовщины обретения Польшей суверенитета, в Марше независимости, организованном в столице националистами, участвовали 75 тыс. человек. Почетным гостем марша был Роберто Фиоре, основатель и лидер итальянской неонацистской партии “Forza Nuova” (“Новая сила”). Марш Комитета защиты демократии, организованный совместно с оппозиционными партиями — “Гражданской платформой”, “Современной”, Коалицией левых сил и “зелеными” — собрал около 10 тыс. человек. В антифашистском марше участвовали 900 человек. Данные о

количестве участников уличных акций предоставлены Министерством внутренних дел и администрации. (По материалам «Газеты выборчей», 12–13 нояб.)

- «Мы питали иллюзии, думая, что рационализм и нейтральная фактография в состоянии заменить живые процессы, происходящие в человеческой памяти. Мы забыли, что невозможно посадить на цепь всех демонов, которые таятся в любом обществе и время от времени просыпаются. Сейчас мы живем в такое время, когда все они пробудились. Более того, их разбудили умышленно», — проф. Войцех Буршта. («Пшеглэнд», 24–30 окт.)

- «Как утверждает Украинский институт национальной памяти, за последний год с небольшим в Польше было уничтожено 14 украинских захоронений и объектов, увековечивавших память воинов УПА. (...) Недавно вандалы разорили (и уже не в первый раз) памятник и могилу 13 солдат УПА на кладбище в деревне Верхрата Любашувского повята. (...) В надругательстве над захоронениями признался крайне правый “Лагерь великой Польши”, известный своим сотрудничеством с донецкими сепаратистами». («Политика», 19–25 окт.)

- Верховная Рада Украины приняла «Декларацию памяти и солидарности». «За принятие декларации высказались 243 депутата из 328. “Мы, представители Сейма Республики Польша, а также Верховной Рады Украины, принимаем эту Декларацию памяти и солидарности, чтобы почтить память миллионов жертв, понесенных нашими народами во время Второй мировой войны, а также осудить внешних агрессоров, пытавшихся растоптать нашу независимость”, — написали авторы декларации. (...) В документе говорится и о современной ситуации: “Агрессивная внешняя политика Российской Федерации, оккупация Крыма, поддержка и проведение вооруженной интервенции на востоке Украины (...), проведение гибридной информационной войны создает угрозу для мира и безопасности всей Европы”. (...) Польский Сейм в четверг также одобрил декларацию. За ее принятие проголосовали 367 депутатов, против были 44, еще 14 воздержались», — Петр Андрусечко, Киев. («Газета выборча», 21 окт.)

- «В то время как польские фирмы трудоустраивают сотни тысяч работников с Востока, украинские, казахские и российские компании принимают на работу десятки менеджеров из Польши». «После того как схлынула первая волна, в этих странах осталась довольно большая группа поляков, которым нравится работать на Востоке. (...) У польских менеджеров на Востоке хорошая репутация, а на некоторых рынках, например, украинских — просто идеальная». (Анита Блащак, Руслан Шошин, «Жечпосполита», 24 окт.)

• «“Мы открываем новую страницу в истории польско-белорусских отношений, и для нас очень важно, чтобы они обрели новое измерение”, — заявил вице-премьер Матеуш Моравецкий в Минске после встречи с президентом Белоруссии Александром Лукашенко. (...) В июне заместитель Моравецкого вице-министр развития Радослав Домагальский присутствовал на экономическом форуме в Санкт-Петербурге, организованном под патронатом Путина. Ранее два года подряд правительство “Гражданской платформы” и крестьянской партии ПСЛ бойкотировало форум в знак протеста против агрессии России на Украине». (Анджей Кублик, «Газета wyborcza», 25 окт.)

• «Вдоль польско-белорусской границы кочует группа беженцев из Чечни, пытающихся спастись на Западе от режима чеченского царька Рамзана Кадырова. На границе с Украиной в подобной ситуации находится таджикская семья из восьми человек. Несмотря на старания польских активистов, польские власти делают все возможное, чтобы не впустить к нам этих людей, не позволяя им даже просить убежища или хотя бы начать процедуру проверки их ситуации. Власти ссылаются на формальные сложности и сами создают различные препятствия, полностью вписываясь тем самым в господствующий сегодня в политических верхах тренд, в соответствии с которым отказ во въезде в Польшу людям, пытающимся укрыться у нас от преследований, может обеспечить власти популярность у определенной части общества, боящейся иммигрантов». (Шимон Холоня, «Тыгодник повсехный», 10 окт.)

• «Я учительница, а там есть дети, нуждающиеся в помощи. О семьях, кочующих вдоль границы, я узнала от польских волонтеров, которые им помогают. Эти семьи живут на вокзале в Бресте с августа, потому что Польша их не пускает. (...) Они спасаются от преследований, пыток, но Польша отвернулась от них. И теперь они сидят на вокзале, совершенно беспомощные. Дети смотрят на отчаявшихся отцов, у которых в глазах стоят слезы, на каменные лица своих матерей», — Марина Хуля. («Газета wyborcza», 28 окт.)

• «“Воздушных коридоров, по которым в Польшу должны прибыть самые нуждающиеся в помощи беженцы, в том числе из Сирии, пока не будет. Правительство проинформировало епископов, которые хотели создать такие коридоры при посредничестве благотворительной организации “Каритас”, что не может сейчас обеспечить беженцам безопасность (...)”, — рассказывает епископ Кшиштоф Задорко, делегат Епископата по вопросам иммигрантов. “Мне кажется, правительство делает все, чтобы эти коридоры так и не появились”, — комментирует один из иерархов».

(«Жечпосполита», 13 окт.)

• «“Мы не дали согласия ни на какие квоты и принудительное переселение беженцев. Никто не будет поездами привозить беженцев в Польшу”, — заявил президент Анджей Дуда во время саммита Вишеградской группы в Подкарпатье». «“Что должны сделать с беженцами польские власти? Запереть их? Если они смогут свободно перемещаться, как им и положено, они будут иметь право в любой момент выехать из Польши. Границы открыты. И они сделают это, потому что у нас любой гражданин сохраняет свои права”, — подчеркнул президент Польши». (Анна Горчица, «Газета выборча», 17 окт.)

• «“Если какая-то страна не хочет соблюдать соглашение, то неплохо было бы лишить ее структурных фондов ЕС или хотя бы их ограничить”, — заявил премьер-министр Греции Алексис Ципрас. (...) “Договоренности надо соблюдать, — добавил он, напомнив, что наша страна еще год тому назад согласилась участвовать в программе размещения беженцев. — Не может быть Европы *a la carte* («по собственному усмотрению»), когда об интеграции вспоминают, только если это выгодно”. (...) В свою очередь, премьер-министр Италии Маттео Ренци пообещал (...), что наложит вето на выплату денег ЕС тем странам, которые не хотят принимать беженцев». (Анджей Белецкий, «Жечпосполита», 27 окт.)

• «Польша начинает очередную дискуссию с Брюсселем, (...) на этот раз по вопросу ограничения эмиссии углекислого газа в таких отраслях, как транспорт, строительство и сельское хозяйство (т.н. “система non-ETS”). (...) Согласно предложению Европейской комиссии, наша страна до конца будущей декады должна снизить эмиссию парниковых газов в отраслях non-ETS на 7% по сравнению с 2005 годом. (...) Польша сопротивляется предлагаемому Европейской комиссией нормам, рассказал Павел Салек, правительственный уполномоченный по вопросам климатической политики». (Иренеуш Судак, «Газета выборча», 19 окт.)

• «Очередные визиты французских и немецких дипломатов в Польшу отменены. (...) В частности, срываются встречи стран Веймарского треугольника (Франция — Германия — Польша) и Вишеградской группы (Чехия — Словакия — Венгрия — Польша)». («Тыгодник повшехный», 13 нояб.)

• «Ален Жюппе, фаворит президентских выборов во Франции весной 2017 г.: “Скорее всего, расширение Евросоюза было необдуманым шагом. (...) Поэтому нужно снова положить карты на стол. (...) Мы должны выработать новые условия. И те, кто захочет, пойдут с нами, а остальных будет ждать совершенно иная судьба. Посмотрим, впрочем, как они себя поведут. Ведь за всем этим стоят серьезные интересы. Польша и Венгрия с большим размахом пользуются финансовой

поддержкой, которую мы им оказываем». (Енджей Белецкий, «Жечпосполита», 12 окт.)

- «Четыре крупнейшие страны ЕС — Германия, Франция, Италия и Испания — хотят объединить вооруженные силы». «“Исключение Польши из обсуждения произошло спустя две недели после того, как официальная Варшава разорвала контракт на закупку вертолетов “Caracal”. И это не месть за отказ от покупки французских вертолетов, но гораздо более серьезная проблема. Польшу перестали приглашать участвовать в ключевых инициативах Евросоюза, поскольку к ее правительству не относятся всерьез”, — говорит бывший министр обороны Томаш Семоняк». (Енджей Белецкий, «Жечпосполита», 18 окт.)

- «Французский еженедельник “Пуан” 11 октября сообщил, что компания “Airbus Helicopters”, будет требовать от польской стороны возмещения ущерба за срыв контракта на покупку вертолетов “Caracal”. Речь идет о понесенных концерном расходах, которые представители Министерства национальной обороны предварительно оценили в 200 млн злотых. (...) Эта сумма не охватывает потерю потенциальной прибыли, которая, как правило, составляет 5% стоимости контракта, что дает еще около 500 млн злотых». (Бартош Гловацкий, Михал Ликовский, «Рапорт войско техника обронность», 10/2016)

- «Я думаю, можно смело говорить о перспективах строительства и производства польского вертолета. Он был бы ориентирован на нужды Центральной Европы. Тем более, что у нас есть очень интересное предложение от украинского производителя самолетных и вертолетных двигателей, завода “Мотор Сич”. (...) Это дает шансы на эффективное использование постсоветского оборудования, а также на строительство совершенно нового вертолета, не уступающего по своим параметрам западным образцам. (...) По своим важнейшим показателям, таким как грузоподъемность, высота и скорость подъема, этот вертолет мог бы стать одним из лучших в мире. У нас есть композитные лопасти, передачи, корпуса. Так что все не так плохо», — Антоний Мацеревич, министр национальной обороны. («вСети», 17–23 окт.)

- «Бартош Гловацкий, авиа-эксперт журнала “Крылатая Польша” (...) считает, что заявления министра обороны лишены реальных оснований. “Строительство вертолета — это сложный процесс, который может занять лет десять и обойтись в миллиарды, причем успех не гарантирован”, — говорит эксперт. Если Киев и Варшава захотели бы использовать и модифицировать корпуса вертолетов Миля, им пришлось бы в обязательном порядке получать согласие России и покупать лицензию на радикальную модификацию структур корпуса. “Это рискованное предприятие, ставящее производителя в

зависимость от непредсказуемой политики державы, не состоящей в НАТО”, — подчеркивает Гловацкий». (Збигнев Лентович, «Жечпосполита», 19 окт.)

- «Министр национальной обороны Антоний Мацеревич часто выступает на публике. Так и должно быть — в конце концов, он один из ведущих политиков правящей партии. На выборах его поддержали более 30 тыс. человек. Тревожит одно: чем больше делается таких публичных заявлений, тем сложнее относиться к ним серьезно». (Мацей Милош, «Дзенник газета правна», 19 окт.)

- «На вопрос, заслуживает ли Антоний Мацеревич отставки после того, как стало известно о его контактах с Альфонсом Д’Амато, лоббирующим интересы американской летной промышленности, 63% опрошенных ответили утвердительно, 15% — отрицательно, а 22% не определились с ответом. Опрос проводило агентство “SW Research”». («Ньюсуик Польша», 25–30 окт.)

- «“Это позор для страны и для НАТО, я не знаю другого такого государства с подобным отношением к офицерам”, — так бывший министр обороны Томаш Семоняк прокомментировал действия нынешнего главы польского оборонного ведомства Антония Мацеревича, отозвавшего ректора Военной академии НАТО в Риме генерала Януша Боярского. Решение о назначении Боярского на должность ректора “Defense College” в Риме принимал Военный комитет НАТО после того, как польский офицер выиграл соответствующий конкурс. Генерал был назначен на должность ректора в 2015 г. сроком на три года». («Газета wyborcza», 27 окт.)

- «В армии принцип ротации и временности полномочий является делом обычным, однако последние кадровые изменения в руководстве вооруженными силами Польши настолько радикальны, что возникают две проблемы. Во-первых, на высоких должностях начинают появляться люди, которым явно не хватает опыта. (...) Во-вторых, нарушается институциональная память в области обороны». (Мацей Милош, «Дзенник газета правна», 7 нояб.)

- «То, что творит в армии Антоний Мацеревич, вызывает беспокойство в НАТО. О масштабе этого беспокойства свидетельствует жест министра обороны США Эштона Картера. Мацеревич уже второй раз за последние несколько месяцев побывал в Вашингтоне, однако, несмотря на все старания польского оборонного ведомства, Картер снова не нашел времени, чтобы встретиться со своим польским коллегой». (Гжегож Жечковский, «Политика», 12–18 окт.)

- «НАТО отправит войска на восточный фланг, решили в Брюсселе министры обороны стран альянса. В феврале 2017 г. в Польше будет размещена бронетанковая бригада США с личным

составом в количестве 4,5 тыс. военных. В апреле же в Польшу, а также Литву, Латвию и Эстонию придут многонациональные батальоны НАТО, каждый из которых будет насчитывать около тысячи военнослужащих. (...) По данным министерства национальной обороны, в общей сложности в следующем году в Польше появятся 6 тыс. военных из различных стран альянса». («Жечпосполита», 28 окт.)

• «Аналитики, занимающиеся восточной проблематикой, убеждены, что все идет к военной интервенции России, которая тем самым докажет бессилие Запада. (...) Я считаю, что для таких опасений есть все основания. Статья 5 Вашингтонского договора, в соответствии с которой нападение на одну из стран альянса расценивается как нападение на всех членов НАТО, не действует автоматически. В этой статье говорится, что страны альянса предпринимают такие меры, которые посчитают необходимыми, включая вооруженное вмешательство. (...) Мы должны четко уяснить: если с Востока придет угроза, Запад нам не поможет. (...) Мы не можем чувствовать себя в безопасности. (...) Нужно быть готовыми к возможному конфликту», — проф. Збигнев Левицкий, политолог, американист, преподаватель Университета им. кардинала Стефана Вышинского. («Польска збройна», нояб. 2016)

• «Я в ужасе от того, до какой степени расколота моя страна. Это еще раз доказывает, что мы не в состоянии пользоваться плодами свободы. (...) Польшей правила партия невежд, а теперь к власти пришли отличники — подхалимы, прислуживающие своему партийному бонзе. Они разглагольствуют о христианстве и католической Церкви, но в их поступках нет смирения, зато есть высокомерие, а вместо милосердия — ненависть. Еще мне не нравится, что власти встречают молчаливым одобрением радикальные действия расистов, националистов и футбольных хулиганов. Они думают, что могут тем самым рассчитывать на их голоса на следующих выборах. Многие мои знакомые раньше ездили вместе отдыхать, а теперь перестали даже общаться из-за политических разногласий. (...) Поэтому мы и записали альбом о расколовшейся на два лагеря Польше. Поэтому я и пою: “Это Круглый стол горит, дым пускает к небесам, / самолет смоленский разделил он пополам”. Для меня это метафора современного состояния Польши. Я же выступаю за ее объединение. Призываю именно к этому, хотя меня, наверное, все равно никто не слышит», — Мунек Стацик, лидер группы “T.Love” о новом клипе своего коллектива. («Жечпосполита», 3 нояб.)

• «Меня не покидает ощущение, что мы находимся в

переломном моменте нашей истории, и мир, в котором мы живем, вот-вот взорвется. Мы подошли к самому краю пропасти», — Аркадиуш Якубик, актер, режиссер.
(«Жечпосполита», 29-30 окт.)

Экономическая жизнь

Экономическая жизнь

Зарплаты растут, безработица снижается. Реальный рост средней оплаты труда на польских предприятиях в нынешнем году самый высокий после 2008 г. и составляет 5% по отношению к прошлому году, — сообщает «Дзенник газета правна». Рост заработка в разных отраслях разный. Самый большой рост (на 6,5–7,2%) отмечается в кожевенной и мебельной промышленности, в гостиничной сфере и в отраслях общественного питания и производства готового платья и текстиля.

Оплата труда растет прежде всего в связи с радикальным улучшением ситуации на рынке труда: снижается безработица, у предпринимателей все чаще возникают трудности с привлечением специалистов при довольно высоком и устойчивом экономическом росте. Уже 40% фирм столкнулось с такими проблемами. К концу 2016 г. уровень безработицы снизился до 8,2%, что оказалось самым низким показателем за четверть века. Как пишет Патриция Мациевич в «Газете wyborczej», за последние два года работодатели забрали с рынка труда всех, кого только было можно. Даже в регионах, где безработица относительно высока (Вармия и Мазуры, Подкарпатье), найти новых работников очень трудно, а фирмы все время хотят привлечь новый персонал. Нелегко найти даже неквалифицированных работников, а тех, кто знает техническое черчение, имеет права на управление автопогрузчиком или может обслуживать цифровое оборудование, из-под земли не достать, замечает Патриция Мациевич. Одна из главных причин такого положения вещей — упадок профессионального образования.

Польская мебель в мировых салонах. Польша занимает четвертое место в мире по экспорту мебели и шестое — по ее производству. Объем экспорта изготовленной в Польше мебели составил в 2016 году в денежном выражении 9,68 млрд евро, сообщает Анета Вечежак-Крусинская в газете «Жечпосполита». Главный клиент польской мебельной промышленности — Германия. В 2015 году здесь было куплено произведенной в Польше мебели на сумму свыше 3,24 млрд евро. На втором месте среди импортеров польской мебели Великобритания, на третьем — Франция. Продолжаются поиски новых покупателей, в частности, в США, Южной и Центральной

Америке (Бразилия, Мексика), в государствах Северной Африки, а также в Иране, Арабских Эмиратах, Саудовской Аравии. В свое время важным рынком сбыта для польских мебельщиков была Россия. Ныне торговый оборот с Россией значительно снизился в связи с неопределенностью экономической ситуации и катастрофическим падением рубля.

Использование фондов Евросоюза. В 2016 году, в рамках политики выравнивания, на поддержку сельского хозяйства, морской отрасли и рыболовства Польша получила от Европейского союза почти миллиард евро. Как сообщает «Наш дзенник», это самая крупная квота, полученная одной страной, среди всех государств Евросоюза. Вице-премьер Матеуш Моравецкий заявил, что средства, поступающие от ЕС, Польша инвестирует быстрее, чем другие страны Евросоюза. Вице-премьер считает также, что предыдущее правительство оставило очень низкий уровень освоения инвестицией из союзных средств; в определенной мере отставание удалось преодолеть благодаря реализации правительственных программ. Отмечается очень высокая дифференциация регионов по использованию союзных фондов. Впереди Поморское, Великопольское и Опольское воеводства. На самых низких позициях — Подляское, Варминско-Мазурское, Люблинское, Куявско-Поморское воеводства, в которых из средств Евросоюза истрачено всего несколько процентов. Самая большая часть фондов предназначена на развитие транспортной сети, в том числе на финансирование пяти отрезков автостреды Варшава — Краков, а также на строительство второй линии варшавского метро.

Виа Карпатия. Зеленый свет дается строительству «Виа Карпатия» — автомобильной магистрали, тянущейся от Литвы вдоль восточных границ Евросоюза вплоть до Греции, — пишет Адам Возняк в газете «Жечпосполита». Проходящий через Польшу участок этой трассы составляет 683 км. Идея проекта «Виа Карпатия» возникла 10 лет назад на конференции в Ланцуте, в которой приняли участие министры транспорта Литвы, Польши, Словакии и Венгрии. В марте 2016 г. представители Польши, Венгрии, Литвы, Румынии, Словакии, Турции и Украины подписали декларацию о дальнейшем сотрудничестве по строительству этого транспортного коридора. Однако планы строительства может подорвать чувствительная нехватка средств, особенно в Польше. Дело в том, что средства Евросоюза, о которых шла речь выше, предназначены на другие транспортные артерии и не могут быть использованы на строительство «Виа Карпатия».

Золотая лихорадка. Польский (Варшавский) монетный двор — это зарегистрированное на бирже общество, занимающееся не только чеканкой монет, которыми мы ежедневно пользуемся в магазинах, но также выплавляющее золотые слитки на небольшом металлургическом предприятии под Варшавой. Фирма сообщает о рекордном росте спроса на золото в 2016 году. С начала нынешнего года, как информирует Иренеуш Судак в «Газете выборчей», продажа драгоценных металлов индивидуальным клиентам возросла на 33%. Заинтересованные могут выбирать небольшие 1-граммовые брусочки за 390 злотых, более крупные, 1-унциевые (31,1 г) с изображением Папы Иоанна Павла II (за 5,5 тыс. злотых), а самых богатых ждут килограммовые слитки за цену автомобиля премиум-класса, по 168,7 тыс. злотых. Наибольшим спросом пользуются небольшие слитки весом до 5 г. В 2016 году их было продано 3 тыс. штук, что означает рост в течение года на 230%. Рост продаж отмечается также у конкурента варшавской фирмы — Вроцлавского монетного двора, где стоимость реализации изделий достигла в 2016 году почти 300 млн злотых. Самыми популярными у покупателей продукции Вроцлавского монетного двора оказались 1-унциевые слитки. Чем объяснить рост спроса на золото в Польше? Специалисты полагают, что на это влияет, в частности, политико-экономическая ситуация в мире. Когда все новые и новые страны охвачены волнениями, когда возрастает недоверие к действиям правительств, когда вспыхивают войны, — цена золота растет. Сейчас цена самая высокая за три с половиной года. Цены растут вместе со спросом. Вполне вероятно, что в ближайшее время польские индивидуальные клиенты купят 7–8 тонн золота, то есть на одну тонну больше, чем в 2015 году.

Е.Р.

Эва Зажицкая-Берар

Петербургская юность Яна Захватовича. 1900–1924

Петербургская юность Яна Захватовича.
1900–1924

Фото: РАР

Бывают такие эпохи, страны и обстоятельства, когда даже самые благородные люди не чураются подделки документов... Ян Захватович родился в Гатчине под Петербургом в 1900 году и был в связи с этим «русской национальности». Его родители, которые прибыли туда из Вильно, имели «польскую национальность». Когда в 1921 году встал вопрос о выезде во вновь образовавшуюся Польшу, оказалось, что у Яна нет на это права. Не оставалось ничего иного, как подделать свидетельство о рождении. Мошенничество? Конечно, но основанное на великолепном таланте рисовальщика, на упорном стремлении к поставленной цели и на... абсолютной честности. Фокус удался, а приобретенные навыки оказались бесценными через двадцать лет, при немецкой оккупации,

когда именно Захватович, доцент архитектурного факультета Варшавской Политехники, организует подпольную фабрику фальшивых документов.

Расположенная в 45 километрах к югу от столицы Гатчина была с конца XVIII века царской резиденцией. Классицистический дворец, хоть и помещался в прекрасном парке, украшенном скульптурами, больше походил на крепость. Его окружала зловещая аура. Павел I, который получил эту землю от не любившей его матери, Екатерины Великой, страдал манией преследования попеременно с манией величия. В своем гатчинском «царстве» он устраивал драконовские военные упражнения, пытаясь привить гвардейским полкам прусскую муштру. Не менее мрачной была память о правлении Александра III, который из страха перед террористами из революционной организации «Земля и воля», сделал из Гатчины гнездо шпиков и жандармов. Его сын, Николай II, сбежит отсюда в очаровательный дворец в Царском Селе. Как все царские города-резиденции, Гатчина имела хорошо развитую инфраструктуру, она даже получила первую премию в этой категории на парижской Всемирной выставке в 1900 году. Городок выделялся двумя железнодорожными вокзалами: меньший, Балтийский, соединявший город с Петербургом, и большой, «Гатчина Варшавская», расположенный на второй после Москвы междугородной линии империи, Петербург—Варшава (с остановкой в Вильно). Именно туда в конце столетия был направлен Винценты Захватович. Отец Яна происходил из мелкой виленской шляхты, он окончил техническое училище, работал вначале слесарем, затем инструктором машинистов. В конце века, во времена министра Витте, развитие железнодорожных линий приобрело неслыханный темп, и Винценты Захватович, явно высоко ценимый начальством, был переведен в Гатчину на должность инспектора железнодорожного узла. Он прибыл туда в обществе жены Ядвиги, урожденной Эггерт. «Инженеры в России — почти исключительно поляки, русских среди них не сыщешь», — с иронией писал известный фельетонист, владелец влиятельной консервативной газеты «Новое время», Алексей Суворин^[1]. Отношения между пребывавшей при дворе аристократией, гвардейскими офицерами и космополитическим сообществом инженеров складывались не лучшим образом. Только после революции 1905 года и выборов в первую Государственную думу (где заседала и польская фракция) будет дано разрешение на строительство в городке католической церкви. Два года спустя отец Яна получает место в Петербурге. Это очередное повышение, подразумевающее высокий оклад. Вся семья переезжает в столицу. Два старших

брата и сестра Хеля уже ходят в школу. Ян дома учится писать по-польски.

Дорога, ведущая из Кронштадта в Санкт-Петербург, по правую и левую стороны загорожена лесом. Здесь видишь не великолепные дубы с высокими кронами, не густые вязы и не вечнозеленые кусты лавра, а самые мрачные деревья, которые только растут под солнцем. После многочасового путешествия через этот отвратительный и мрачный лес река вдруг поворачивает, сцена меняется в мгновение ока, как в опере, и перед нами вырастает имперский город^[2].

Так описал въезд в Петербург в 1729 году итальянский путешественник, человек пера и культуры, Франческо Альгаротти. Всего двумя десятилетиями раньше этот болотистый и необитаемый берег устья Невы был захвачен войсками Петра I, который решил основать здесь город, центр новой, европейской России. Именно Альгаротти отчеканил знаменитую фразу, которой суждено было пережить века: Петербург это окно, через которое Россия смотрит на Европу. Восприимчивостью к городским пейзажам итальянец был обязан дружбе с венецианским живописцем Каналетто, сыном театрального художника и мастером «vedute» – панорамных видов городов: Венеции, Лондона, а во второй половине века Варшавы... Ян познакомится с живописью Каналетто в петербургском Эрмитаже.

Захватовичи въехали в столицу с юга, по суше, но зрительный шок был не меньшим. Вдоль обоих берегов широкой реки идут фасады дворцов и особняков XVIII века: справа неоклассическая Академия художеств, барочный дворец Меншикова, кирпичных тонов университет и голубая Кунсткамера. Берег заканчивается стрелкой, которая вонзается в реку портиком неоклассической биржи, обрамленной двумя колоннами с выступающими черными рострами. В гранитные набережные с силой бьется вода, но над свинцовыми волнами по-венециански чередуются легкие разноцветные фасады барочных зданий и краснота ростральных колонн. Дальше, за Малой Невой, тянутся толстые стены Петропавловской крепости, из-за которых вырастает филигранная золотая игла собора, установленная по требованию Петра Великого, который желал, чтобы первый храм в городе устремлялся в небо не пятью православными куполами, а протестантским шпилем. Напротив казематов, вдоль левого берега реки тянется непропорционально удлинненный барочный фасад Зимнего

дворца мастера Растрелли, а за понтонным мостом низкий серый горизонт пронзает вторая золотая игла, венчающая неоклассическое здание Адмиралтейства. Зимой замерзшая Нева превращается в искрящуюся ледяную поверхность. С моста видно, как на стеклянной глади, как на картине Брейгеля, располагается миниатюрный городок: ледяные горки для народных забав, рубщики льда, парусные сани, конькобежцы, извозчики, а с 1911 года трамвайные пути. Богатство, очарование и фантазия этой феерической архитектуры на фоне пустынной северной природы поистине производили впечатление оперной декорации. «Потемкинские деревни» имеют недобрую славу архитектурного обмана; искусственные фасады, выстроенные вдоль берегов Днепра, имели целью скрыть полуразрушенные избышки от взора европейских попутчиков Екатерины Великой. Но разве подобный «обман» не лежит в основе театра и оперы? Во всяком случае, так воспринимал Петербург юный Захватович: «Мальчишкой я мечтал стать сценографом в театре — ведь я смотрел большие, великолепные оперные и балетные спектакли, которые производили на меня огромное впечатление [...]. В Петербурге прошла моя молодость [...]. Надо сказать, что она была наполнена искусством. Во-первых, архитектура Петербурга, которая, несомненно, воздействовала на меня [...]»^[3].

Конечно, с большой долей вероятности можно предположить, что родители Яна, так тщательно заботившиеся об образовании детей, не только водили их в оперу и в театр, но и читали им польскую литературу, в том числе «Отрывок» третьей части «Дзядов». Строфы, описывающие подъезд к городу, живо напоминают слова Альгаротти: «Ни города нет на пути, ни села. / От стужи природа сама умерла»*, как вдруг, за поворотом дороги, открывается ослепительный вид: «И вот уже слышно столицы дыханье. / Дорога отлична — ровна, широка. / Дворцы по бокам». На этом сходство между двумя путешественниками заканчивается. Гонимый поэт, словно «на филистимлян встарь Самсон», внимательно смотрит на город-чудо, построенный по приказу царя на болоте за счет награбленных богатств и смерти тысяч крестьян. Город, не похожий ни на какой другой, «соединенье мрамора и глины», город-космополит («языков и письмен столпотворенье»), выдуманный, искусственный, в котором исчезает ощущение реальности, «как призраки в волшебной панораме». Для родителей Яна слова Мицкевича о «городе Сатаны» вдруг прозвучали окончательным приговором. Ян же положился на свою художественную впечатлительность и с восхищением разглядывал пейзаж. Он невольно ступил на путь, который уже несколько лет прокладывали художники, объединившиеся вокруг Сергея

Дягилева и журнала «Мир искусства». Очарованные Петербургом художники Александр Бенуа, Лев Бакст, Константин Сомов, Владимир Шуко занялись сценографией и перенесли театр города на театральные подмостки.

* Здесь и далее стихи А.Мицкевича в переводе В. Левика. —

Прим. пер.

Яна записывают в классическую гимназию, и тут, летом 1914 года, вспыхивает война. В воспоминаниях, которые Захватович написал в 1979 году, войне и революции посвящено лишь несколько слов. А ведь для столицы, переименованной царем Николаем II в Петроград, это были трудные и необычные годы. В феврале 1917 года манифестации петербургского пролетариата вынудили Николая II отречься от престола; несколько месяцев спустя социалист Керенский въехал в Зимний дворец, а Ленин — в Смольный институт благородных девиц; в октябре вооруженные отряды под предводительством большевиков вышвырнули Керенского из Зимнего дворца, а Ленин провозгласил Республику Советов; а 18 марта, под покровом ночи, штаб партии и новое правительство тайком покинули Петроград, чтобы возвестить из Кремля, что правительство социалистической России избрало столицей Москву. После двух столетий царствования Санкт-Петербург, творение Петра Великого, символ модернизации России и принадлежности империи к европейской цивилизации, был, по определению писателя Даниила Хармса, понижен до ранга «провинциальной столицы». 11 марта Ян с отличием сдал экзамен на аттестат зрелости.

«У меня всегда была склонность к рисунку, собственно, я хотел заняться графикой, пойти в Академию художеств, но отец видел меня в Институте инженеров путей сообщения»^[4].

Полюбовно остановились на Институте гражданских инженеров, где, нужно отметить, училось много поляков^[5].

Институт был респектабельным учебным заведением со своими традициями. Техническое училище, основанное Николаем I в тридцатые годы XIX века, удостоилось в 1882 году ранга института. Помимо инженерных дисциплин, в Институте были занятия по архитектуре, проводившиеся профессорами Академии художеств. Именно здесь в начале века развилась новая отрасль архитектуры — городское планирование. Из преподавателей упомянем поляка Мариана Перетятковича, автора, наряду с Леонтием Бенуа, плана развития Петербурга в 1911 году; в 1918-м он окажется уже в Польше, так же, как и другой известный архитектор российской столицы Мариан Лялевич. В Институте вел занятия сам Леонтий Бенуа, наиболее востребованный профессор Академии и наставник большей части будущих корифеев

советской архитектуры. Это он был автором проекта собора Александра Невского в Варшаве, построенного на Саксонской площади в Варшаве в 1913 году. Сразу после обретения независимости будет принято решение о сносе этого символа оккупационной власти, так что Захватович по приезде в Варшаву увидит лишь его руины. Бенуа впервые посетил Варшаву в 1881 году, и его сразу поразила ее «урбанизм». Он спешно зарисовывал архитектурные решения перекрестков, бордюры, фонари. «Варшава — напишет его брат Александр, — показалась нам тогда не окном в Европу, а самой Европой»^[6]. После революции Леонтий Бенуа по-прежнему будет вести учебные занятия (с коротким перерывом на отсидку в ГПУ), причем охотнее в Институте, где «левый фронт» молодых строителей и антибуржуазные реформы донимали меньше, чем в Академии^[7].

«Я очень доволен, что учился именно в Институте — скажет позже Захватович, — хотя занятия проходили в необыкновенно трудных условиях. У меня были отморожены руки, так как чертили мы в слабо отапливаемых или совсем неотапливаемых залах. Но там был высококлассный, великолепный штат профессоров, причем как по архитектурным предметам, так и по техническим. Статика, сопромат — эти предметы я знал в совершенстве. Целью Института была подготовка инженеров и архитекторов для российских уездов, где других технических сил не было в принципе, так что эти должны были уметь всё: проложить канализацию, построить мост и жилой дом. Я получил там очень широкую техническую подготовку, базу, которой я очень многим обязан. Я до сих пор разбираюсь в технической стороне работ. Но происходило это в нелегкие годы»^[8].

Ну, хорошо, скажет читатель, а революция? А власть большевиков? Послушаем воспоминания другого выпускника института, С.М. Шифрина, опубликованные в 1972 году. Шифрин, молодой большевик с трехлетним стажем на фронте гражданской войны, попал в Институт в 1921 году по направлению от Красной Армии:

«Уже от дверей Института была видна парадная лестница, обставленная с обеих сторон античными статуями, которые как будто приглашали подняться наверх. Но взгляд сразу привлекали стены, где висели оправленные в рамы проекты церквей, фасады, планы, разрезы. Там стояли также макеты церквей, мне запомнился особенно крупный макет Кронштадтского собора. Такой антураж в храме науки советского государства изумил меня. Удивляли меня и студенты, одетые в темно-синие тужурки с малиновым кантом и золотыми пуговицами, на которых виднелись

символы топора и лопаты. Моя старая шинель и узелок резко контрастировали с этим фоном. В 1922 году институт жил как в дореволюционное время. Декреты Советской власти туда не проникли. Все было по-старому, по-семейному. Даже иконы оставались на месте. Студенты учились, как и прежде, проектировать доходные дома с подвалами для рабочих. На занятиях по зданиям общественного назначения проектировались церкви [отметим, что тема дипломной работы Захватовича — вилла с фонтаном — будет столь же мало революционной, Э.З.]. В состав институтского Совета входили контрреволюционно настроенные студенты, а в профессорской курии тон задавали престарелые антисоветские преподаватели. [...]. Старый лозунг автономии высшей школы все еще был в ходу. В царские времена его выдвигала либеральная часть профессуры, но после революции он стал способом отгораживаться от советской действительности. [...] Самым беспокойным в истории Института был 1922–1923 учебный год. К концу 1923 года явное сопротивление реакционной части преподавателей и студентов было уже преодолено»^[9].

В апреле 1918 года Академия художеств была ликвидирована, а на ее месте появились Свободные художественно-учебные мастерские. Это, определенно, повлияло на решение Винценты Захватовича, практично мыслившего о будущем сына. Этот выбор имел далеко идущие последствия: Захватович, наряду с архитектурой, не только овладел технической стороной строительства, но и учился в относительно спокойной атмосфере. При Институте действовал «кооператив», помогавший найти работу голодным студентам. А голод зимой 1918–19 годов был суровым: Ян вынесет из этого периода сужение желудка, потерю четырех зубов и ревматические боли в пальцах. «Помню, идя по улице, я чувствовал легкость, потому что был голодным, как собака. А когда я приходил на такое собрание [речь идет о собраниях Вольной философской ассоциации], то забывал о голоде и о том, что дома нечего есть».

«Трава на петербургских улицах — первые побеги девственного леса, который покроеет место современных городов. Эта яркая, нежная зелень, свежестью своей удивительная, принадлежит новой одухотворенной природе. Воистину Петербург самый передовой город мира. [...] Да, старый мир — «не от мира сего», но он жив более, чем когда-либо. Культура стала церковью. [...] У нас не еда, а трапеза, не комната, а келья, не одежда, а одеяние. Наконец, мы обрели внутреннюю свободу, настоящее внутреннее

*веселье. [...] Христианин, а теперь всякий культурный человек — христианин, не знает только физического голода, только духовной пищи. Для него и слово — плоть, и простой хлеб — веселье и тайна»*Осип Мандельштам, «Слово и культура», 1921..

Осип Мандельштам

В годы гражданской войны Петербург превратился в каменный призрак. Люди бежали — одни в деревню, другие за границу; из двух миллионов, проживавших там в 1914 году, осталось 700 тысяч. Зимой неотапливаемые здания покрывались белой шубой и ужасали, как скованные льдом суда в замерзшем море. В обезлюдевшем городе перестали ходить трамваи, не работали заводы. «Уже на наших глазах тление начинало касаться и Петербурга: там провалились торцы, там осыпалась штукатурка, там пошатнулась стена, обломалась рука у статуи. Но и этот еле обозначающийся распад еще был прекрасен, и трава, кое-где пробившаяся сквозь трещины тротуаров, еще не безобразила, а лишь украшала чудесный город, как плющ украшает классические руины»^{[10][11]}

, — будет вспоминать в изгнании Владислав Ходасевич. В этих невероятных декорациях, где мебель и книги были единственным топливом, культура стала, если воспользоваться сравнением Мандельштама, как вода и хлеб для первых христиан. Не хватало бумаги, поэтические вечера, на которые ходил Захватович, заменяли изобретение Гутенберга, а лекции Вольной философской ассоциации — церковные службы. Ассоциацию основали писатели и философы, готовые принять «революционную действительность», но желавшие обогатить ее революцией духа и культуры: Блок, Белый, Ремизов, а из философов Пумпянский, Лосский, Карсавин, Шестов, Иванов-Разумник и Бердяев. Дискуссии необыкновенно популярны, на открытые лекции приходит по несколько сот слушателей, и среди них Ян. Увлеченный философией, он одновременно посещает частные семинары Фаддея Зелинского, знаменитого эллиниста, который после 1922 года перейдет в Варшавский университет. К этому добавляются семинары в Институте истории искусств^[12]. У Института небанальная история. Его основал в 1912 году граф Зубов, выделив для этой цели собственный дом на Исаакиевской площади и снабдив его прекрасной библиотекой и коллекцией искусств. В 1918 году граф добровольно подал заявление о национализации имущества в надежде таким образом избежать ликвидации. Институт функционировал наподобие свободного университета, без постоянных программ, без ученых степеней, но семинары вели лучшие прогрессивные знатоки литературы, искусства и музыки.

После голодной зимы 1919 года в доме Захватовичей настали беспокойные дни. На западе Европы война давно закончилась. На Востоке наследие Российской империи еще несколько лет будет предметом кровавых битв. За права на Виленский край сражались Польша, Литва и Советская Россия. После ухода немецких войск власть в Вильно захватила вновь созданная Литовская Советская республика, но уже в апреле в город вошли польские части под командованием Юзефа Пилсудского. Там Пилсудский и был провозглашен Маршалом Польши. В июле 1920 года польская армия вынуждена была отступить, отдав Вильно литовцам и большевикам, но уже в октябре части генерала Желиговского, окрыленные победным наступлением против Красной Армии, отбили город. Не ожидая подписания мирного договора между Польшей и Россией (Рига, март 1921 года) и создания Комиссии по вопросам репатриации польского населения, Захватовичи как-то добыли документы на выезд и в феврале уже были в Вильно. Вместе с ними уехали двое младших сыновей. Ян и Хелена, его старшая на 8 лет сестра, остались в Петрограде. Осталась также тетка со стороны матери вместе с сыном.

У большевистских властей есть на Яна зацепка и даже две: он родился в Петербурге, и он «русской национальности», что делает невозможными хлопоты о выезде. К тому же он в призывном возрасте. В красноармейской форме он, расквартированный между Оршей, Витебском и Могилевом, в качестве будущего инженера ремонтирует разрушенные мосты, а те, которые еще стоят, подготавливает к разрушению. В письме родителям он пишет: «Сижу в глуши. [...]. Страшно и противно жить в такие времена»^[13]

^[14]. В феврале 1921 года, получив известие о выезде родителей, он пишет письмо сестре, в котором ощущается не только облегчение, но и беспокойство от мысли, что «мы остались здесь с тобой вдвоем»; надежда на скорое воссоединение с отцом и матерью, а также страх перед необходимостью продолжить образование на языке, техническая терминология которого ему незнакома.

Как студент Института Ян уже в мае получает освобождение от армии. «Мечтаю о Польше и новой жизни», — пишет он родителям. Именно тогда у него зарождается идея подделать документы. Имея двойной стаж, чертежника и военного, Ян чувствует себя на высоте поставленной задачи: «Я сейчас готовлю немного рискованный фокус, чтобы тоже записаться беженцем в Вильно [...]. Документы у меня слабые, но, возможно, станут посильнее. У литовцев здесь мне помогал Чепайнис, а у поляков никто, а сам я деятель неважный. Настроен я не слишком оптимистично».

Из армии Ян вернулся в изменившуюся Россию: войска белых были разгромлены, и Ленин решил ввести новую экономическую политику (НЭП): появилась малая и средняя частная собственность, возродился рынок, приводимый в движение отечественным и иностранным капиталом. «Диктатура пролетариата» смягчилась, но экономический либерализм отнюдь не привел к политическому плюрализму. Ян поселился у сестры Хели и ее мужа, Дмитрия Яковлевича. Дмитрий был инженером, хорошо зарабатывал, и, хотя молодой человек старался им не навязываться, не злоупотреблять их благосостоянием, его положение значительно улучшилось, особенно состояние его здоровья. Правда, жил он в неотопливаемой комнате, чтобы не расходовать выдаваемые для отопления дрова, зато ел мясо, на праздники были сладости, к тому же Дмитрий Яковлевич подарил ему новые ботинки. Еще Ян унаследовал от прежних жильцов фортепьяно. После них ему досталась комната получше, и он с гордостью описывает ее родителям, добавляя к описанию рисунок: «Моя комната выглядит весьма впечатляюще. Сочный колорит: фортепьяно, шкаф и стол — красное дерево (темное); портьеры на двери и ковер над кроватью в персидском стиле (темных тонов), оттоманка темно-зеленая. Картины, фотографии... Ах, да! А кровать покрыта желтой шелковой тканью. Над столом «Венера» Джорджоне [...] и портрет Владимира Соловьева, а не Толстого. Я пишу это потому, что в одном из писем Мама заподозрила меня: «уж не сделался ли ты толстовцем?». [...]. Спешу себя реабилитировать в этом подозрении и сказать, что я ни в коем случае не толстовец и вообще не склонен к «партийности», а в Соловьеве меня восхитили его мистические идеалы, но, разумеется, не его оптимистический взгляд на православную Церковь, так ужасно разгромленную в наши дни»^[15]

^[16]. Читатель заметит в этом письме удовольствие от описания картины, отголоски Философской ассоциации и отстранение от всякой «партийности», что многое объясняет в последующей, варшавской биографии Захватовича.

В начале 1922 года пришла плохая новость: прошение о выезде было отклонено. Мотив отказа: «недостаточные доказательства принадлежности к польской национальности». «Думаю, что причины отказа в чем-то другом... Плохо то, что у меня нет никакой протекции, и даже если бы она у меня была, я совершенно не умею пользоваться ею, о чем вы прекрасно знаете».

Нужно как-то обустроиваться надолго. Материальная ситуация, как он сам пишет, совсем неплохая. Родители присылают из Вильно посылки с мясом и салом, иногда

доллары, Дмитрий Яковлевич хорошо зарабатывает, у него самого есть студенческий паек – продукты, топливо и папиросы, и он нашел подработку в Научном издательстве. Но собственный комфорт не сделал его бесчувственным к трудностям других людей и к «гримасам НЭПа», как тогда говорилось: «Жить можно, и неплохо, но не всем, ох, как не всем. Повсюду увольняют со службы [с государственных должностей], не говоря уже о прочем. Одних безработных инженеров в Питере около 700, и им приходится несладко [...]». В другом письме он добавляет: «Не буду касаться политических дел, а то какому-нибудь дураку это может не понравиться, а впрочем, вы, наверное, лучше нас знаете, что происходит в мире, ведь нам правды в «Правде» никогда не увидеть». Большое место в письмах занимают замечания о происходящих в городе переменах: «Темп жизни в городе вдруг очень оживился. В магазинах есть всё, на улицах движение, как до революции, и много очень прилично одетой публики, правда, не без особенностей (буржуазные хамы и спекулянты). За лето проделана огромная работа, по всему городу на главных улицах отремонтированы мостовые. [...] Везде отремонтировали канализацию. [...] Строительства пока нет. Красят дома, крыши, даже некоторые церкви (!) Город ожил, и лишь развалины домов и скелет Сенной напоминают о мертвом Питере».

«В 1920–1922 годах общество "Старый Петербург" переживало эпоху расцвета, который поистине можно было назвать вдохновенным. [...] Во-первых, по мере того как жизнь уходила вперед, все острее, все пронзительней ощущалась членами общества близкая и неминуемая разлука с прошлым. [...] Во-вторых (и это может показаться вполне неожиданным для тех, кто не жил тогда в Петербурге), именно в эту пору сам Петербург стал так необыкновенно прекрасен, как не был уже давно, а может быть, и никогда. Люди, работавшие в "Старом Петербурге", отнюдь не принадлежали к числу большевиков. Но, как и все другие, [...] они не могли не видеть, до какой степени Петербургу оказалось к лицу несчастье» В.Ходасевич, «Диск», op.cit..

Владислав Ходасевич

Владислав Ходасевич был поэтом, человеком пера (в частности, переводчиком с польского), полностью поглощенным литературными делами. Тот факт, что деятельность общества «Старый Петербург» привлекла его внимание, свидетельствует о том, какое огромное значение придавалось в те годы спасению разрушавшегося города и его архитектурного наследия.

Общество «Старый Петербург» существовало с 1907 года. Лозунг охраны «старого Петербурга», а точнее, Петербурга барочной и неоклассической застройки и уникальной для России неоклассической урбанистической концепции, выдвинул Александр Бенуа в начале века в журнале «Мир искусства», которым руководил вместе с Дягилевым. Лозунг переродился в общественную инициативу лишь после революции 1905 года, иными словами, после введения свободы слова, печати и объединений. Образцом для Александра Бенуа послужило «Общество друзей старого Парижа», основанное в конце столетия, и его аналоги во Флоренции и в Праге. Ситуация в России отличалась тем, что охрана памятников охватывала почти исключительно церковные и династические здания, а также фортификационные строения. Светское строительство почти не интересовало царские институты. Общество сразу же приобрело необыкновенную популярность, стало инициатором выставок, лекций, акций и юридических проектов по охране памятников, основателем Музея Старого Петербурга. Объединенные вокруг него художники, архитекторы, коллекционеры и историки искусства играли ведущую роль в важнейших журналах, посвященных культуре, таких как московское «Золотое руно» или петербургский «Аполлон». В них источник классицистического кредо поэтической группы акмеистов, Мандельштама и Ахматовой. На поле архитектуры любители «старого Петербурга» (а вскоре и «старой Москвы»), конечно, не уживались с модернистами. Они с возмущением отвергали господствовавшую среди столичной буржуазии моду на Art nouveau, а для зданий, строившихся в качестве банков, торговых складов, вилл либо жилых домов, искали новые монументальные формы, списанные с модели неоклассицизма. Тяготая к прошлому, они боролись за место в современной городской эстетике. Из этой короткой характеристики ясно следует, что для друзей Бенуа важно было не столько определить метод консервации, сколько ввести в общественное сознание понятие эстетической и исторической ценности памятника, причем понятие «памятника» рассматривалось абсолютно новаторски, то есть с учетом его первоначального городского контекста. Наверняка именно это привлекло юного Захватовича. В 1918 году Музей Старого Петербурга был включен в новый Музей Города, во главе которого стал архитектор Лев Ильин, выпускник Института гражданских инженеров. Еще во время войны в России начало действовать Общество попечения над памятниками польского искусства и культуры. Выпущенное в 1916 году обращение «ко всем соотечественникам в России и далеко за границами Польши и России» могло попасть в дом Захватовичей: «Отчизна, пробуждаясь от страшной летаргии, видит на своих землях

столь великое опустошение, какого Польша не знала на протяжении всего своего тысячелетнего существования. [...] Все эти организации [Общества] инвентаризируют, делают работу исторически-научного значения, находят новые ценности в утерянных сокровищах, подготавливают материалы, необходимые для новой культурной жизни возрождающейся земли, [для] восстановления страны в архитектуре, соответствующей польскому характеру, в собственном стиле, на принципах собственной цивилизации, создания хорошо устроенных и продуманных музеев, которые должны стать рассадником живых зерен и начинаний, а не катакомбным складом пережитого. [...] Мы живем нашим прошлым, оно укоренено в нашем существовании»^[17]

^[18]. Благодаря этому воззванию во имя защиты польской культуры, находившейся в угрожающем положении, особенно усиливалось кредо Старого Петербурга, и, пусть даже в те годы Ян был далек от воплощения его в жизнь, эти слова должны были запасть ему в память — не как приглашение к «катакомбному» путешествию, а в качестве подспорья на будущее.

«Много занимаюсь всегда милым мне искусством. Немало читаю, и не только о живописи, временами бываю на концертах и поэтических вечерах. [...]. Недавно погиб от голода Александр Блок, и расстреляли Гумилева. В этом состоят невеселые (и весьма) стороны нашей жизни»^[19], — пишет он в августе 1921 года. Можно предположить, что юный любитель поэзии присутствовал на авторском вечере Блока двумя годами ранее. Тогда поэт читал старую, так и не оконченную поэму «Возмездие» — возмездие за историю. Возмездие за отца, который оставил семью и доживал век в Варшаве, куда Блок поехал для последней встречи с ним. Родители Яна были еще в Петрограде, но строфы поэмы Блока не могли не произвести на него огромного впечатления. А образ Польши... страны, о которой «забыл Ты, Боже», как пишет Блок, страны, измученной насилием и живущей жаждой мести; «задворок польских», которые связаны с Европой лишь рельсами, убегающими на запад...

«Дни у меня заполнены с 9 до 3 часов (ночи), потому что, помимо учебы, я интересуюсь искусством, так что читаю много книг и даже стихов. Иногда бываю на литературных или поэтических вечерах и очень редко в театре. Я счастлив именно тем, что могу учиться в Институте (теперь архитектуру я ни на что бы не променял) и заниматься тем, что меня интересует. [...] Искусство здесь, в России, в плачевном состоянии, если только можно сказать, что оно существует», — писал Ян в конце 1921 года. Как понимать это категорическое

утверждение? Да, среди разнообразных занятий Яна нет места выставкам. Да, в послереволюционные годы искусство в Петрограде, в большей степени, чем в новой столице, «вышло на улицы». Большевистские власти предприняли акцию по созданию гипсовых памятников нового революционного и прогрессивного «пантеона». Первомайскую демонстрацию оформляли футуристы, Петров-Водкин, кстати, знакомый Яну по Вольной философской ассоциации: вместо Богородицы и нагих отроков на конях, он писал красноармейцев в тяжелых шинелях. Заведомо ли отвергал Захватович искусство авангарда? Это было бы слишком просто. Мы знаем, что он встречался с Казимиром Малевичем (также поляком по происхождению), возможно, познакомился через него с Владиславом Стшеминским, но, очевидно, не поддерживал это знакомство. Мы знаем, что он ходил в Эрмитаж, где Александр Бенуа был назначен куратором прекрасной коллекции западной живописи. Похоже, эстетические предпочтения Яна тянули его в этом направлении. Единственное, что можно сказать со всей уверенностью, это то, что по приезду в Польшу он не стал пропагандистом русского конструктивизма и искусства авангарда.

1921, 1922, 1923 — годы летели быстро, но дипломная работа по-прежнему заставляла себя ждать. Условия для учебы были трудными. Труд ради заработка, вначале изнурительный физический, потом работа чертежником и иллюстратором в Научном издательстве. К тому же еще разнообразные художественные и интеллектуальные интересы... ну, и любовь. Любовь возникла сразу по возвращении из армии и долго сохранялась в тайне от родителей. Елена Александровна, русская еврейка, на десять лет старше его, не слишком нравилась сестре Хеле. Работала Елена Александровна в конторе; Ян вытащил ее оттуда, устроил в Институт истории искусств, помогал ей материально, образовывал. Это она заранее исключила брак: помимо разницы в возрасте, здесь, наверняка, сыграли определенную роль принципы эмансипированной женщины. Ситуация, едва ли приемлемая в мире ценностей, исповедуемых в доме Захватовичей. Двойная лояльность безмерно тяготит Яна: «Я получил от Вас бесценные дары: благородство, любовь к правде и справедливости, так что я не могу вернуться к Вам без них. Но как это страшно, что все можно трактовать и по-другому». Ян не может принять решение, чувствует себя в ловушке собственного выбора: «Я категорически написал, что еду, а недавно вновь засомневался, и так, что просто повеситься захотелось из-за этой проблемы [...]». На первый взгляд дело кажется ясным, но когда я начинаю думать, меня охватывает настоящее отчаяние, и мне ужасно тоскливо, и сердце разрывается на части... О приеме

гражданства [польского, Э.З.] еще ничего не известно». Вторая любовь Яна — архитектура. «Так я увязаю в архитектуре, но с чувством наслаждения. С большим страхом приступил я к первым своим архитектурным работам [...], но первая работа получилась очень хорошо». По письмам из Вильно он заключает, что родители одержимы идеей построить дом. Как в озарении, невыносимый клубок чувств, раздвоения любви, лояльности, культур внезапно находит выход в архетипическом образе Дома — семейного дома, дома на родине, дома архитектора: «Я хожу и думаю, сплю и вижу во сне, что строю Вам дом, и уже так старательно, во всех подробностях его продумываю и прорабатываю, что грех будет не дать появиться на свет этому нашему ребенку. [...] Ах, если бы Вы еще были так добры и терпеливы, что позволили бы мне перенести мои мечты на бумагу, а через два-три года осуществить то же самое в натуре, о! Если бы я был самым счастливым человеком на свете, и если бы я построил Вам такой дом, такой дом [...], что всё Вильно сбежалось бы с криками: «И нам! И нам, и нам!», тогда моя архитектурная карьера была бы обеспечена. [...] О, я найду в своей душе тысячи слов, чтобы попросить Вас об этом знаке доверия, и, в самом деле, эта проблема приобрела для меня столь глубокий смысл, так волнует меня, что не может быть, чтобы я не смог дать Вам чего-то достойного».

Этот проникновенный тон объясняется не только разорванностью между трудной связью и родителями, чей строгий взгляд Ян постоянно ощущает на себе. Его терзают и другие сомнения, не такие личные, с которыми он должен разобраться перед собой и перед всем миром, иными словами, сама по себе обоснованность его приезда в Польшу. Невероятно честно, без громких фраз, Ян выражает свои чувства в словах и формулирует взгляды: «Но, Мамочка, я не из тех, кто рассматривает любовь к отчизне с высоты своей никчемности, нет, об отсутствии в себе этого чувства я говорю с болью и сожалением, и всегда уважаю это чувство, если оно искренне и идет из глубины души и сердца, если оно органично. Именно поэтому я хотел бы сказать Жене [Эугениуш, брат Я.З.], что не нужно кричать о нем на каждом углу, ведь любовь к родине — это святое чувство [...]. Я хотел сказать, что у меня нет такой чистосердечности, а путь мой темен и печален. Так что, поверьте, у меня нет превратного представления о Польше и поляках, напротив, я в Польшу верю — ведь государство, построенное на любви к отчизне, не погибнет, поскольку это самый прочный цемент. Ведь именно потому разрушается и гибнет Россия, что в русских нет этих чувств».

И вдруг, в начале весны 1924 года, точнее, 4 марта, все противоречия и колебания исчезают, словно унесенные

ветром. Приходит известие о разрешении на выезд. «Через несколько месяцев я буду стоять на пороге новой жизни, и я верю, что счастливой, ибо она идет под знаком встречи и соединения с Вами [...]. Боже, от этой мысли у меня кружится голова». Разрешение выдается при условии пересечения границы СССР в течение шести месяцев, так что об окончании Института нет и речи. Яна это не останавливает: он немного опасается, поступит ли в вуз, не потеряет ли времени, но он готов предпринять новые усилия. «После приезда я хочу немного отдохнуть, а потом усиленно изучать то, чего потребует специальность, и то, что мне необходимо, а помимо этого я не хочу ничего знать. [...] Считаю необходимым предупредить Вас, что я возвращаюсь с определенной жизненной программой и прошу у Вас поддержки (признаться, не сомневаюсь в том, что Вы ее мне окажете). Я возвращаюсь с верой, что всё, к чему я стремлюсь и что мне хотелось бы осуществить в жизни, найдет отклик в Ваших сердцах. [...] Я возвращаюсь уверенным, что слабость и нестойкость моей натуры не позволит мне ничего осуществить. Но это ничего, лишь бы была вера и светлые идеалы, лишь бы стремление [...]. Таким я возвращаюсь — смешным мечтателем. Но мои мечты, закованные в сталь — моя жизнь и оружие. Я верю в их правильность, как верю в добро, и в любовь, и в красоту». Прощаться трудно, хотя Ян уезжает в уверенности, что через год вернется сюда вместе с родителями и тогда заберет в Польшу невесту, порадует сестру, обнимет шурина, напишет портрет столь любимого маленького племянника Димы. И еще одно трудное расставание — с городом юности: «Да и мне жаль их покидать. И их, и институт, и бедный, страшный, но близкий моему сердцу Петербург. В этой последней любви, наверное, у меня большое отличие от вас, не желающих и вспоминать о нем, но об этом лучше потом».

(Цитируемые письма Яна Захватовича предоставили его дочери, Катажина и Кристина Захватович).

-
1. Алексей Суворин, «Дневник», стр. 199.
 2. Lettres du comte Algarotti sur la Russie, Paris, 1769, стр. 66.
 3. Jan Zachwatowicz, W stulecie urodzin, Zamek Królewski, Warszawa, 1979, стр. 44.
 4. Jan Zachwatowicz, Wspomnienia, запись от 19.05.1975,

Politechnika Warszawska, ч.II.

5. Малгожата Омиляновская в цитате Вальдемара Барановского „Między opresją a obojętnością. Architektura w polsko-rosyjskich relacjach w XX wieku”, in Katalog wystawy „Warszawa-Moskwa/Moskwa-Warszawa 1900-2000”, Zachęta, Narodowa Galeria Sztuki, Warszawa, 2004, стр. 99.
6. Александр Бенуа, «Мои воспоминания», Москва, 1990, т.1, стр.417.
7. А.В.Байданов, «Архитектурная школа Института гражданских инженеров», Ленинград, 1983.
8. Jan Zachwatowicz, Wspomnienia, op.cit.
9. С.М.Шифрин, «Воспоминания» в «Юбилейная книга Санкт-Петербургского Государственного архитектурно-строительного университета, 1832-2002», С.П.Заварихин (ред.), СПб, 2002, стр.45-46.
10. В.Ходасевич, «Диск», в «Литературные статьи и воспоминания», Paris, 1970.
11. Текст написан в 1939 году в Париже.
12. Обсуждая статью Яна Захватовича «Проблема цветной копии в изучении монументальной живописи», опубликованную в первом номере «Научного бюллетеня» (сентябрь 1932) Отделения польской архитектуры и истории искусства Варшавской Политехники, Станислав Лоренц подчеркивает критическую оценку Захватовичем современного польского наследия в этой области как ненаучного и его новаторские предложения, основанные на практике Института истории искусств в Ленинграде (sic), «который организовал систематическую инвентаризацию памятников монументальной живописи и обладал собранием, составленным на основе точно определенных правил копирования». Jan Zachwatowicz, W stulecie urodzin, op.cit., str.18.
13. Ян Захватович в письме родителям, 21.01.1921.
14. В письмах Яна Захватовича и других документах, относящихся к тем годам, мы сохраняем оригинальную орфографию и синтаксис. «Я стесняюсь писать Вам по-польски, ведь Вы там очищаете свой язык, а я его «загрязняю»», писал он 29.01.1922.
15. Письмо Яна Захватовича родителям, Петербург, 15.07.1922.
16. Говоря о «толстовцах», Ядвига Захватович, очевидно, имела в виду критическую позицию Льва Толстого по отношению к православной церкви, религиозную и социальную нелояльность писателя.

17. GARF, 5115/1/163/31-31bis.
18. Главным экспертом по вопросам искусства с советской стороны на переговорах вокруг Рижского договора был Игорь Грабарь, автор первой истории русского искусства и архитектуры и близкий друг Александра Бенуа.
19. Письмо Яна Захватовича родителям, Петербург, 12.08.1921. Александр Блок умер от болезни, после отказа в выдаче ему паспорта для лечения в Финляндии, Э.З.

Между Западом и Востоком

История Западной Белоруссии в период с 1921 по 1939 г. до сих пор слабо изучена в белорусской историографии.

Так уж было предначертано Белоруссии, что именно по ее территории проходит пресловутый «хантингтоновский» цивилизационный разлом. Для нас, белорусов, и Запад — «не чужой», и Восток — вроде «свой». Кто-то из нас по старинке сентиментально относится к советскому прошлому, другие почитают национальные мотивы. Но вместо того, чтобы ценить культурно-исторический симбиоз различных исторических эпох и событий, некоторые наши сограждане обрушиваются с критикой на определенные периоды нашей национальной истории.

Возьмем, к примеру, сюжет с историей Западной Белоруссии в составе межвоенной Польши. Попробуй заняться историей тех событий, и тебя тут же запишут в «полонофилы», агенты Запада и т.п. Этот идиотизм происходит потому, что в нашем обществе до сих пор живут стереотипы о том, что якобы «злые кровожадные паны» почти 20 лет «пили кровь бедных белорусских крестьян». К моему большому сожалению, бредни, заложенные еще во времена «развитого социализма», продолжают повторять нынешние доморощенные идеологи. Для них западная соседка Белоруссии стала своеобразным оплотом зла. Там, мол, до сих пор мечтают о «кресах», утраченных в 1939 году. К сожалению, эта несусветная глупость оседает в мозгах некоторых наших сограждан и формирует у них стереотипное мышление.

Однако объективный взгляд на историю Западной Белоруссии до 1939 года позволяет понять, что реальная ситуация на этих территориях в корне отличалась от той, которую рисуют в советских и современных белорусских учебниках. Не стоит идеализировать «панскую Польшу». Там было много проблем, а национальная политика тогдашних польских властей была далека от идеальной. Но все же стоит объективно взглянуть на тот период, когда западная часть нашей страны находилась под властью Второй Речи Посполитой.

Белорусская деревня «при панах» не жировала, но, по крайней мере, там люди работали на себя и за деньги, а не за «палочки-трудодни». А если работы не было, то люди получали паспорта и уезжали за границу. Напомню, что в Советском Союзе крестьяне начали получать паспорта лишь после окончания Второй мировой войны. Безусловно, жители Западной

Белоруссии ехали «за бугор» не от хорошей жизни, но, во всяком случае, у этих белорусов был выбор. Выбор, которого крестьянин в БССР не имел.

Да и экономическая жизнь в польских северо-западных воеводствах не стояла на месте. На территории «аграрного придатка», как называли Западную Белоруссию в советских учебниках, в 1926 г. в Виленском, Новогрудском, Полесском воеводствах работало 127 фабрик, крупнейшими из которых был стекольный завод «Неман» в Новогрудском повете, спичечная фабрика «Прогресс-Вулкан» в Пинске, фабрика резиновых изделий «Ардадь» в Лиде, табачная фабрика в Гродно, фанерные фабрики в Микашевичах и Городище.

Кстати, древесина из Западной Белоруссии поставлялась во многие европейские страны. К примеру, белорусская сосна во многом превосходила по качеству образцы этого дерева не только из других районов Польши, но и всей Европы. Немногие знают, что в 1932 году при содействии польской торгово-промышленной палаты было заключено соглашение о закупке древесины на Виленщине и Новогрудчине с одной из крупнейших французских деревообрабатывающих компаний. В специальном приложении к этому соглашению отмечалось, что французы должны были обеспечить продвижение торговой марки, под которой продавалась белорусская древесина, а также ее защиту от возможной фальсификации. Сомневаться в качестве белорусского сырья не приходилось, ведь, как известно, подделывают только лучшее. Результатом такого продвижения стало увеличение количества рабочих мест на деревообрабатывающих предприятиях западно-белорусских воеводств.

Дальше — больше. Следующим рынком, на который произошло продвижение белорусской древесины, стал английский. Одна из известных британских брокерских фирм взялась за продвижение белорусского леса в Великобританию, а несколько британских банков открыли кредитные линии для расположенных в Западной Белоруссии деревообрабатывающих компаний. Кроме того, позитивными моментами для экономики региона были государственные капиталовложения в военную инфраструктуру и промышленность.

Если говорить о сельском хозяйстве, то в 1925 г. был принят закон о проведении сельскохозяйственной реформы, благодаря которому началась хуторизация белорусской деревни и ликвидация сервитутов, т.е. совместного с помещиком владения землей и лесными угодьями. Крестьяне за отказ от сервитутов получали денежную компенсацию. В результате реформы купить землю смогли и середняки и бедняки, а в западно-белорусской деревне начали появляться крепкие крестьяне-фермеры. Впрочем, проблемой белорусской деревни

была ее перенаселенность, и поэтому, как уже отмечалось, многие крестьяне отправлялись на сезонные работы в ту же Прибалтику.

Кстати, товары пищевой группы, произведенные в 20-х и 30-х годах в Западной Белоруссии, отличались отменным качеством и снискали заслуженное признание европейских потребителей. Дары белорусских озер и рек тогда закупали крупнейшие французские рестораны, а мясо, т.н. «кресовая свежина» пользовалось спросом даже за океаном. И все это заслуга в том числе и белорусских крестьян.

В сентябре 1939 года Белоруссия объединилась, и это событие стало поистине знаковым в истории нашей нации. Из маленьких кусочков двух держав белорусы вдруг стали единым государством с 10-миллионным населением. Об этом любят писать современные белорусские идеологи. Но при этом они не вспоминают о том, какой ценой все это происходило. А между тем красные флаги вскоре обернулись сталинскими репрессиями. И не только против этнических поляков, но и против белорусов. Особенно тех, кто привык жить в капитализме и научился работать на себя. А еще против тех, для кого белорусская национальная идентичность была не пустым звуком. Их записали в «буржуазные националисты» и уничтожили вместе с прочими «панамии». Трагедия 1939 года — это еще один сюжет, который неразрывно связан с историей Западной Белоруссии. Как вспоминали в беседе со мной жители разных западно-белорусских деревень, во время «первых Советов» (период с сентября 1939 по июнь 1941 г.) белорусская деревня на западе республики изменилась.

Еще вчера мирная «вёска» раскололась на «своих» и «чужих». Советские активисты составляли списки «неблагонадежных». А кто становился представителями новой власти? Вчерашние бездельники, которые завидовали своим более успешным соседям. После сентября 1939 года, к сожалению, многие из этой категории жителей Западной Белоруссии получили шанс подняться по социальной лестнице. Некоторые из них превращались в жестоких и хладнокровных убийц, уничтожающих все, что связано с бывшей польской государственной инфраструктурой, другие просто писали доносы на своих односельчан.

До сегодняшнего дня не ясна судьба почти 4 тысяч офицеров Войска Польского, сотрудников Государственной полиции, чиновников, землевладельцев, которых весной 1940 года этапировали в распоряжение минского НКВД. Скорее всего, они стали жертвами сталинских репрессий. Приходится использовать фразу «скорее всего», потому что правда о тех событиях скрыта в недрах архивов специальных служб в Минске и Москве. Однако доподлинно известно, что ни в одном

из известных катынских списков фамилии польских граждан, чьи следы теряются в Минске, не значатся. Комментарии, как говорится, излишни. Судьбы этих людей, вне зависимости от их национальной принадлежности, — часть белорусской национальной истории, и их трагедия не может быть чужой для белорусов.

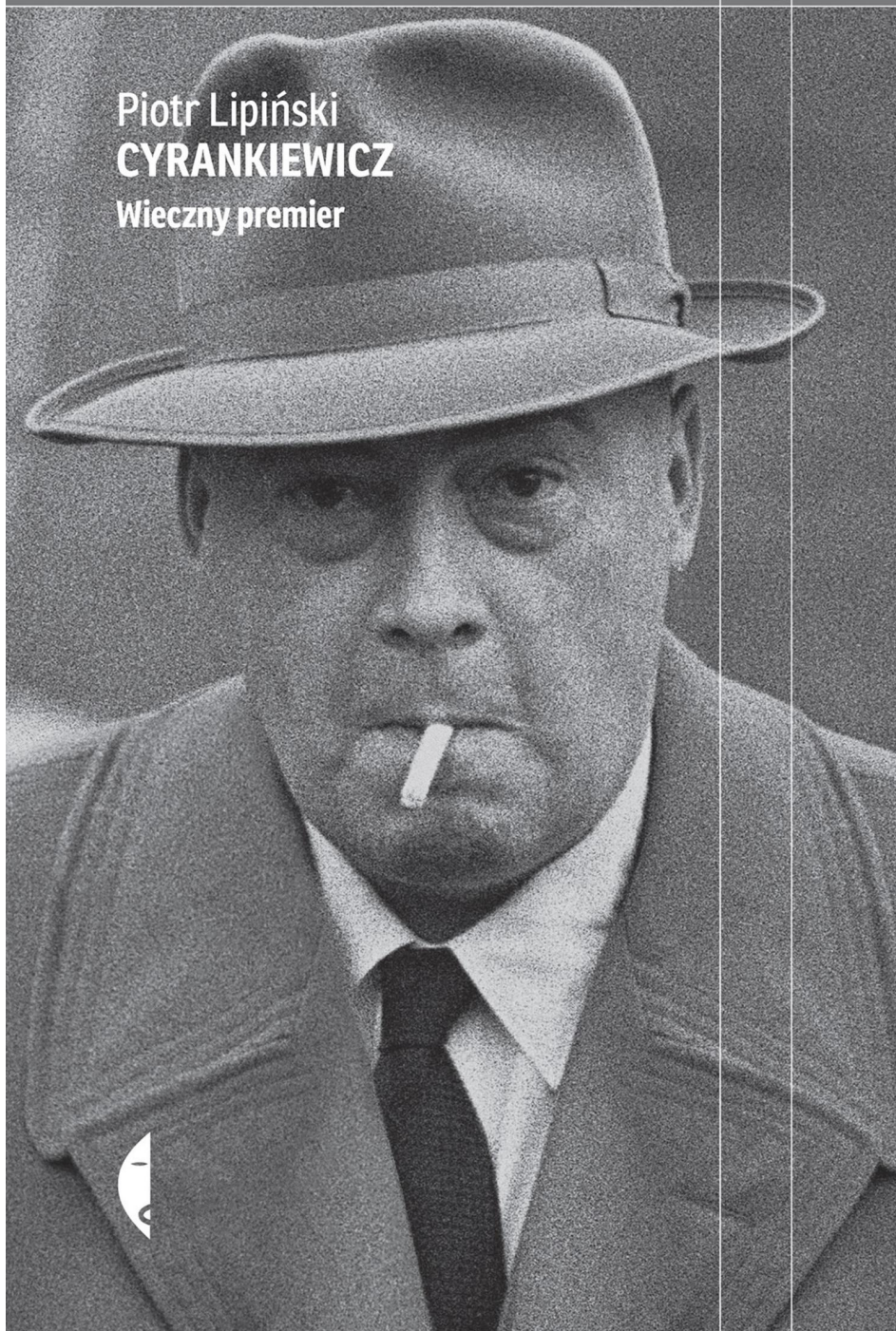
Объединившись в сентябре 1939 г., Белоруссия получила возможность создать тот потенциал, который затем приведет к независимости, обретенной в 1991 году. Но за это пришлось заплатить высокую цену. К сожалению, долгое время правда об истории Западной Белоруссии и сталинских репрессиях против граждан межвоенной Польши в 1939–1941 гг. на территории БССР оставалась скрытой для белорусского общества. Но сегодня ситуация меняется. Появляются статьи, книги, повествующие о правдивой истории тех времен. Создается архив устной истории, в котором исторические события фиксируются при помощи воспоминаний свидетелей. Нам нужно понять, что история Западной Белоруссии в 1921–1939 гг. — это не сюжет из истории Польши, а эпизод национальной истории Белоруссии. И чем скорее это произойдет, тем лучше.

Заславль, 12.12.2014

Три миллиона Циранкевичей

**С Петром Липинским, автором книги
«Циранкевич. Вечный премьер»,
беседует Гжегож Шиманик**

Piotr Lipiński
CYRANKIEWICZ
Wieczny premier

— *Зачем нам сегодня читать о Юзефе Циранкевиче?*

— Потому что его история — это рассказ о польском конформизме.

— *Обо всем польском конформизме?*

— В этом он походил на три миллиона поляков, вступивших в ПОРПП^[1]. Большинство ведь поступило так не оттого, что верило в коммунизм. Они хотели устроить свою жизнь в этой системе, сделать карьеру. Сегодня это кажется

отвратительным, но тогда так жили, никто не ожидал конца системы. Но как далеко можно зайти в конформизме? Циранкевич пошел до конца. До войны он, идейный деятель Польской социалистической партии (ППС), не имел ничего общего с коммунизмом. Во время войны — герой подполья. Он организовал операцию по освобождению из рук гестапо Яна Карского^[2], создавал движение сопротивления в Освенциме. А после войны, в новой псевдо-ППС, выбрал путь сотрудничества с коммунистами. Перечеркнул себя, зато пожил в свое удовольствие. Казимеж Пужак, легенда ППС, который, в отличие от Циранкевича, не сломался, умер в тюрьме. Пужак нужен нам в качестве образца, а Циранкевич — чтобы показать, как выживают. Так сказал мне профессор Анджей Пачковский. Большинство из нас хотели бы вести себя как Пужак, но в действительности мы часто делаем выбор Циранкевича. Может быть, следует примириться с тем, что человеку не всегда хватает решительности и смелости.

— *Трудно поверить, что он стал премьером лишь потому, что любил комфорт.*

— Он знал, что если хочет участвовать в послевоенной польской политике, то нужно либо идти на сотрудничество, либо отступить. В этом был определенный прагматизм. Может быть, поначалу у него были иллюзии, что ППС удастся действовать наряду с ППР^[3]? Хотя он должен был быстро сориентироваться, что Сталин будет стремиться объединить их в одну партию. Кажется, он быстро потерял свои довоенные убеждения. Вместо Гомулки, с которым он договаривался, появился Берут (шутили, что ППС обручалась с одним, а вышла за другого). Назад дороги не было. То есть была: угодить в тюрьму, подобно Гомулке, или отправиться на запасной путь. Он сделал ставку на выживание — довоенный социалист стал премьером при мрачайшем сталинизме. И оставался им 20 лет. Вечно второй — это хорошая позиция для того, кому хочется хорошо устроиться, но не брать на себя ответственность.

— *О поднятой на власть руке, которую власть отрубит, он говорил в Познани во время антиправительственных волнений 1956 года тоже из конформизма?*

— Это его слова, он сам их написал. Я читал много речей Циранкевича, у него часто использовалась такая риторика. Он быстро и легко перенял язык коммунистов. Подобным образом он высказывался много раз. В 1968 году^[4] в частных беседах он был против антисемитизма, но публично не протестовал, беря пример с других. Те слова из Познани прогремели, запомнились, потому что погибли люди. Некоторые утверждают, что он адресовал их не рабочим, а руководителям

СССР. Власть часто обращалась к другим представителям власти, а газета «Трибуна люду» даже печаталась для представителей власти, только их она и могла интересоваться. Возможно, он хотел убедить русских, что польские коммунисты справятся сами, то же самое говорил о военном положении Ярузельский. Дело не обязательно было в заботе о поляках. Коммунисты знали, что советские товарищи провели бы чистку и в их рядах.

— *Стена, отделяющая друг от друга двух Циранкевичей, прагматика от идеалиста и героя от конформиста, — это Освенцим. Что произошло в лагере?*

— Он решил, что пережил столько ужасов, что имеет право принести в жертву свои убеждения и жить нормально. Лагерь перечеркнул идеалы. Изменил он его и политически. В лагере Циранкевич осознал, как будет выглядеть Польша после войны — с кем надо быть, чтобы жить хорошо. Он понял, что Красная Армия пройдет через Польшу и уже не уйдет из нее. Но в лагере он вел себя храбро, создавал движение сопротивления, в боевой группе «Освенцим» отвечал за наблюдение и связь. Потом его группа заключила соглашение с Союзом военной организации, главной организацией сопротивления в лагере, которую создал ротмистр Витольд Пилецкий. Они собирали информацию о преступлениях, о жизни заключенных и пересылали ее за проволоку, добывали продукты и лекарства.

После 1989 года в Польше начали писать историю заново, ясное дело, пээнэровская была лживой. Маятник сильно качнулся в другую сторону. Некоторым трудно было поверить, что коммунист мог во время войны быть героем. Он должен быть подлецом. Начали рассказывать, что Циранкевич в Освенциме выслуживался перед гестапо, был капо. Это не соответствовало фактам, но подходило к образу подлого коммуниста, так что эти истории публиковались. Однако есть множество записок, посылавшихся им из лагеря подполью ППС, которые свидетельствуют совсем о другом. Конечно, после войны его роль в лагерном сопротивлении преувеличивалась — пропаганда делала его самым главным вожаком. Сам он никогда не преподносил себя так, хотя и не опровергал этого. Не попросил передвинуть с центрального места свой портрет, висевший в лагере. Еще Циранкевича обвиняют в том, что он, будучи премьер-министром, не оказал помощи Витольду Пилецкому, приговоренному коммунистами к смертной казни. Это правда. Однако неизвестно, были ли они знакомы в лагере, вместе они находились там всего несколько месяцев, Пилецкий под вымышленным именем Томаш Серафинский (потом он бежал из лагеря, чтобы доложить о ситуации в Освенциме). Возможно, Циранкевич не хотел рисковать своей комфортабельной жизнью ради помощи человеку, которого не

помнил.

После публикации книги со мной связалась дочь одного из узников, который в 50-е годы был приговорен к смертной казни, якобы за шпионаж. Его Циранкевич знал и помог избежать казни.

Циранкевичу всегда удавалось выкрутиться. Как писал о нем Кисель^[5], он не ответил ни за сталинизм, ни за эту

«отрубленную руку», ни за 1970 год^[6]. Хотя он столько лет был премьером, было известно, что, случись народный бунт, как раз его-то не повесят. На виражах истории он не вылетал с трассы. Может быть, потому что он был увлеченным автомобилистом и хорошим водителем, езде юзом его обучал Собеслав Засада^[7].

— *Есть ли в этих конформистских, послевоенных годах его биографии что-то, за что можно сказать Циранкевичу спасибо?*

— Может быть, за его борьбу за сохранение западной границы Польши? Не было уверенности, что Германия признает новые границы. Это была здравая одержимость Гомулки — довести дело до договора. И большую роль в закулисных переговорах, в обмене письмами сыграл Циранкевич. Он тайно, от имени Гомулки обменивался корреспонденцией с Вилли Брандтом. Благодаря этим переговорам, Польша подписала договор о границе, с исторической точки зрения это крупнейшее достижение политики Циранкевича и Гомулки.

У Циранкевича был дипломатический шарм, его любили, в частности, и за это. Ведь его, на самом деле, любили, несмотря на слова, сказанные тогда в Познани. Он был светским человеком, его не стыдно было послать за границу. Всегда, когда люди рассказывали мне о Циранкевиче, они упоминали Гомулку. Это противоположности: Гомулка — неотесанный, Циранкевич — гедонист. Гомулка не придавал значения вопросам культуры, а Циранкевич с удовольствием вращался в культурных кругах. Он не ломал пополам сигарету и не сосал ее в мундштуке, а курил хорошие сигары, любил женщин и автомобили. Людям, наверное, иногда нужен во власти человек, умеющий себя вести, с чувством юмора и приятной внешностью. Его жена, актриса Нина Андрич, играла в этом важную роль. Первая польская пара, супруги Гомулки, не могли с ними ровняться.

Он знал языки. Думаю, что именно благодаря Циранкевичу у нас в ПНР было меньше хамства. Ведь у нас деятелям культуры не приходилось кидать уголь в котельных, как в Чехословакии. Он немного ослаблял темную сторону, заботился о земных вещах. Это отличало его от Гомулки. Если кто-то говорил Гомулке, что нужно импортировать больше кофе, то «Веслав»^[8] отвечал: «Вы снова об этих интеллигентах».

Однажды, когда польское судно продали за кофе на выгодных

условиях, Гомулка пришел в бешенство. Он не чувствовал человеческих потребностей, ожиданий. Циранкевич объяснял: людям хотелось бы видеть в магазинах ветчину. Гомулка отвечал на это, что сойдет и щавелевый суп с яйцом. Перед запланированным повышением цен Циранкевич заметил в духе Макиавелли: «Повременим с поднятием цен, пусть люди подольше постоят в очередях — потом им легче будет это перенести».

Сегодня Циранкевич вспоминается как толстое лысое чудище, равнодушное к спиртному. Ведь так он кончил. Но когда за него выходила Нина Андрич, на него смотрели как на голливудскую звезду. Он, подобно актеру Юлу Бриннеру, сбривал себе волосы по бокам, чтобы быть совсем лысым, потому что знал, что у него красивая форма черепа. Это, однозначно, самый колоритный из политиков ПНР. Большинство коммунистов были все же малообразованными и посредственными людьми. Чем ближе к концу 60-х, тем больше Циранкевич отступал на задний план, реже выступал с речами. На заседаниях правительства он читал детективы (ему доставляли из издательств машинописные копии, и он держал их в папках для документов). После бойни на побережье в 1970 году его отстранили вместе с командой Гомулки. Он умер в январе 1989 г., символически, прямо накануне свободной Польши.

— *Что он сам думал о себе?*

— Было много объяснений, оправданий. Но, видимо, он осознавал, что в качестве пэпээсовца стал фиговым листком для коммунистов. Мечиславу Раковскому^[9] он сказал: «Смотри, не стань таким как я. Карикатурой на Циранкевича».

Есть такой момент, который мог все изменить. Начало войны, супруги Циолкош^[10] предлагают ему бежать на Запад. Тогда он не мог, просил их подождать. Но Циолкоши тоже не могли ждать. Если бы он тогда бежал, то наверняка связался бы с эмиграцией, ведь он прекрасно бы в нее вписался. Наверное, критиковал бы эту послевоенную псевдо-ППС и писал манифесты в западной прессе. Но — волей случая — он остался.

— *Ты профессионально занимаешься ПНР. Что ты думаешь, когда слышишь сегодня, что «ПНР возвращается»? Правда, возвращается?*

— Люди, которых обвиняют в том, что они мыслят, как Гомулка, возможно и мыслят сходным образом. Но не потому, что берут пример с Гомулки, — просто они мыслят авторитарно либо тоталитарно. У нас это вызывает ассоциации, ведь мы помним коммунизм. Сегодня я тоже порой замечаю гомулковский язык, можно уловить клише и лозунги: вместо западных империалистов теперь те, кто распродает

национальное достояние. Мне больно слышать, когда бросаются такими фразами. Несмотря на самые худшие черты, которые можно приписать современным политикам, они все же по-прежнему действуют в демократической стране. Даже если иногда они используют силовые структуры, органы юстиции для собственных целей, то не в такой степени. Нет террора. Должно было бы произойти что-то совсем ужасное, чтобы я сравнил кого-то с Берутом.

— А с Циранкевичем?

— О, конформистов у нас предостаточно. Но в Циранкевиче есть что-то, чего нет в сегодняшних конформистах. То, что хоть немного объясняет этот его конформизм. Лагерь.

— *Может быть, ты немного оправдываешь его?*

— Нет, но у меня как у автора также нет потребности осуждать его. Осуждение я оставляю другим, мне хочется увидеть человека. Это помогает понять, как действует зло. Я пишу о послевоенном коммунизме и вижу, как легко можно перейти эту границу, создать механизмы, целую систему, основанную на зле, — если только есть политическая сила, которая пришла к власти и поддалась этому искушению. Не нужна армия злодеев. Достаточно полугода и когорты не слишком образованной молодежи, которой ты даешь работу в органах безопасности. Даешь чуточку власти, условия жизни лучше, чем у других. И получаешь преданных функционеров, которые пойдут за тобой не глядя. И ты внушишь им любую истину.

-
1. ОРП (Польская объединенная рабочая партия) — правящая партия в ПНР с 1948 по 1989. — Здесь и далее прим. пер.
 2. Ян Карский (Ян Ромуальд Козелевский, 1914–2000) — легендарный участник польского движения Сопротивления.
 3. ППР (Польская рабочая партия) — коммунистическая партия, существовавшая в 1942–1948 годах.
 4. В марте 1968 года власти ПНР после студенческих протестов развернули антисемитскую кампанию.
 5. Кисель — псевдоним Стефана Киселевского (1911–1991), польского публициста и политика.
 6. В 1970 году на балтийском побережье Польши произошли массовые выступления рабочих, жестоко подавленные властями.

7. Собеслав Засада (р. 1930) — польский автогонщик-раллист, чемпион Европы.
8. Веслав — подпольная кличка Владислава Гомулки.
9. Мечислав Раковский (1926–2008) — Председатель Совета Министров ПНР, последний первый секретарь ЦК ПОРП.
10. Адам Циолкош (1902–1978) — польский разведчик, публицист и политик, один из лидеров ППС.

Выписки из культурной периодики

Во время одной из своих последних встреч премьер-министр Венгрии Виктор Орбан и председатель «Права и справедливости» Ярослав Качинский заявили о готовности к своего рода культурной контрреволюции в Европе, причем гн Качинский беспрестанно выражает убеждение, что не только, как он заявил в интервью, «существует некая иерархия народов», но также, в соответствии с этой иерархией, народы занимают определенные позиции на международной арене, в том числе и в пространстве Европейского союза, который, не учитывая изменяющихся обстоятельств, не способен пересмотреть свои принципы, а именно при таком пересмотре Польша (а заодно и Венгрия) должна играть особую роль, суть которой — защита христианских ценностей, разрушаемых либерализмом. Попытка анализа такой ситуации содержится в статье «Неомессианство на берегах Вислы» Яна Токарского, философа и историка идей, напечатанной в журнале «Пшеглэнд политичный» (№ 138/2016).

Токарский пишет: «На поверхности событий мы в нашей стране имеем дело со сменой власти. Одну партию (далекую от совершенства и явно истощенную своим правлением, однако уважающую элементарные нормы либеральной демократии) сменила у кормила власти другая (обещающая „перемены к лучшему“, что на практике означает отказ от либерально-демократического уклада). Но глубже, на уровне так называемой „метapolитики“, мы можем, однако, наблюдать более глубокий и более фундаментальный процесс. А именно: происходит (произошел) сдвиг в сфере символов. Изменилось то, какие языки описания реальности считаются верными, а какие — дискредитированными. Сегодня отброшен либеральный язык, с его акцентом на индивидуальные свободы, незыблемость фундаментальных принципов установлений права, прагматизм и реалистический подсчет интересов. Взамен ему верным (или „модным“, „в струе“) стал язык контрреволюционный, черпающий горстями из национальной и религиозной символики. Его подчас называют „консервативным“, но мне это представляется недоразумением. Консерваторы акцентируют непрерывность, сегодняшние польские „консервативные революционеры“ — разрыв. Консерваторы питают убеждение, что существующие

политические мифы следует сохранять („консервировать”) именно потому, что их не сумеет результативно выработать никакая социальная инженерия. Современные „неомессианцы”, напротив, полагают, что сфера мифического может и должна быть предметом активного человеческого вмешательства, и стараются добиться перелома также и в этой области. Консерваторы, наконец, сохраняют по отношению к традиции определенную дистанцию здоровой иронии, поскольку считают, что традиция не является Единственной Истиной, а чем-то важным, необходимым для сохранения социальной стабильности. Современные же контрреволюционеры трактуют традицию как ипостась Явленной Истины, а Явленную Истину — как неотделимую от польской традиции. Как пишет (совершенно всерьез) один из редакторов издания «Сорок и четыре /44», он же программный директор Центра мысли Иоанна Павла II, „Священная история — это история Польши, а история Польши — это Священная история”».

Токарский обильно цитирует тексты, связанные с неомессианством, в том числе «Неомессианский манифест» Рафала Тихого или очерк «Мы убили мессию» Михала Лучевского. Первый из названных авторов писал в 2009 году на страницах «Жечпосполитой»: «Хватит проводить перезагрузку нашего мозга лозунгами любви, мира и толерантности, которые якобы воцарятся в этом мире, когда окончательно будут побеждены религиозные и национальные предубеждения, преодолены последние табу. Тот, кто верит в Мессию из Назарета, не может питать иллюзий в отношении состояния мира сего. С высоты креста оно не выглядит слишком оптимистичным: здесь избыток страдания, издевательств, скудоумия, невежества, жестокости, кровопролития. Мы не верим в мирный сон состоявшегося гуманизма. Мы живем в последние времена. Мировая война продолжается — и будет длиться до конца». Это комментирует Токарский: «Такая картина — апокалипсического столкновения сил света и тьмы — говорит о ее авторе, как и обо всем течении, которое он представляет, больше, чем можно было бы на первый взгляд полагать. А именно: что теологический пафос неомессианства — это форма бегства от невыносимой скуки современности». Трагическим образом этот пафос мультиплицировала смоленская катастрофа президентского самолета в 2010 году. Среди приводимых Токарским примеров обращает на себя внимание голос поэта Войцеха Венцеля, который на страницах «Жечпосполитой» в 2011 году в статье «Смоленское мессианство» писал: «В центре смоленской катастрофы находится Христос». Подобных голосов в тот период, да и до сих пор, можно

обнаружить много. Токарский продолжает свои рассуждения: «Таким образом, с этой точки зрения катастрофа была великим духовным катарсисом. Благодаря „мученической“ смерти Леха Качинского польское национальное сообщество — сообщество, которое, высмеивая главу государства, совершило „символическое убийство“, смогло взглянуть на себя в зеркало. Вновь обрести совесть. <...> На первый взгляд действительно что-то в этом было. Так же, как и после кончины Иоанна Павла II: поляки на минуту стали солидарным сообществом, поднялись над текущими распрями и враждой. <...> Спустя неделю после смоленской катастрофы <...> можно было верить, что она станет импульсом к новому объединению поляков. Вскоре же оказалось, что стала новой, еще более радикальной, чем все прежние, линией раздела. Поляки разделились на два враждующих, не умеющих говорить друг с другом лагеря, каждый из которых пользуется собственным языком, своими категориями мышления». Одна из причин этого раздела — погребение Леха Качинского в усыпальнице королевского замка в Вавеле, рядом с королями, Мицкевичем и Словацким, а также Юзефом Пилсудским, — в месте освященной памяти: «Этот акт не вернул мир в нормальное состояние, как раз напротив — лишил его всех объективных точек отсчета. Он был настоящим землетрясением в сфере символов, поскольку смешалось то, что свято, с тем, что приземлено; величие с посредственностью; серьезное с несерьезным».

В завершении очерка читаем: «Когда в ход пускают великие религиозные и национальные символы, это означает нечто большее, нежели лишь то, что в политике можно абстрагироваться от ее зачастую невидимой теологической подкладки. Она становится просто теологическим активизмом. Пробуждением и концентрацией мифических сил в уверенности, что ими удастся повелевать. Упоенные своей риторикой, неомессианцы совершенно не замечают, впрочем, что являются не субъектом, но объектом событий: инструментом, к которому в случае необходимости обращаются силы, строящие новую Систему <...>. Я обвиняю сегодняшних неомессианцев не в избытке религиозности. Обвиняю с позиции насквозь арелигиозной: в прометеизме, в подверженности чуждому духу христианства гибрису. Я в них вижу не консервативные силы, а контркультурные, абсолютный постмодерн. Их не упрекнешь в бунте против «системы» — они являются ее настолько же крайним и парадоксальным, насколько полноправным дополнением. Я, наконец, обвиняю их не в том, что живые символы польской культуры они обращают в мертвый догмат, но в том, что, легкомысленно перебрасываясь ими, словно дети воздушными шариками, перемещая их с места на место, они лишают их

значимости и веса. Что они не оживляют мифы, а уничтожают их. Неомессианская „метафизическая” политика представляется мне наиболее антиметафизическим проектом, который появился в Польше после 1989 года. Более того, она не позволяет полякам прийти к соглашению. Напротив — ввергает их в водоворот враждующих друг с другом богов и непригодных для взаимопонимания языков. Самозванные строители Царства Божия в действительности сооружают Вавилонскую башню».

Для меня не подлежит сомнению, что ряд приведенных Токарским цитат из текстов неомессианцев может вызвать серьезные возражения у католических теологов, однако последние на эту тему не высказываются, решительно желая оставаться вне пространства сиюминутных политических споров. Дело, однако же, в том, что религиозные вопросы представляются имеющими существенное значение для политиков и даже вдохновляют на то, чтобы представить себе картину практических действий: взять хотя бы требование, чтобы Польша приняла на себя обязанности если не мессианские, то в любом случае ведущие к некоей новой евангелизации Европы, которая, в их разумении, отходит от фундаментальных христианских ценностей. И ничего удивительного, что эти мессианские амбиции стали предметом внимания антропологов. Например, профессора Войцеха Буршты. Большое интервью с ним под заголовком «Мы пробудили националистических демонов» опубликовал еженедельник «Пшеглэнд» (№ 43/2016). Обращаясь к работе организованного культурной общественностью и прошедшего в октябре Конгресса культуры-2016, проф. Буршта подчеркивает: «В ментальной сфере мы застыли на этапе мифа об обществе, имеющем патриархальный, пострабовладельческий характер. <...> В письме, направленном Конгрессу культуры, проф. Мария Янион называет это возвратом к мессианству. Я же прибегну к несколько иным категориям, поскольку мессианство — это комплекс воззрений, которые нужно знать, причем знать, что они означают и что предлагают в конкретном общественно-историческом контексте. Не думаю, что мы имеем дело с таким мессианством, например, в отношении продвигаемого нового видения истории и исторической политики. <...> Здесь дело в чем-то ином — в том, что закрывается путь к критичной вивисекции польской истории. <...> Мы все еще сохраняем миф о национальной идентичности, который непосредственно восходит еще к шляхетской концепции нации и представлений об избранном народе. <...> Мы должны этому противостоять, используя открытия историков, занимающихся исследованиями социальных процессов и проводящих

гигантскую работу. <...> Обратите, пожалуйста, внимание, что больше всего места мы уделяем традиции борьбы за независимость, словно она затрагивала все сознательное общество. В то же время достаточно обратиться к работам историков, в которых они задаются вопросом, в какой период национальное самосознание могло охватить 40–60% общества. Преобладает мнение, что лишь в период после Первой мировой войны можно было говорить о всеобщем национальном сознании».

Анализируя позицию правых кругов, проф. Буршта заявляет: «То, что сегодня предлагают нам правые, — это не обращение к консервативному мышлению, которое имеет своих видных идеологов. Речь сегодня идет не об идее, но о том, что на эмоциональном уровне можно противостоять всем тем вещам, которые в рамках неолиберализма произошли в мировоззренческой и бытовой сфере, чем воспользовалась большая часть общества. <...> Все эти изменения правые трактуют как проявления цивилизации смерти. Это категорическое нежелание согласиться с какими-либо модернизационными переменами в ментальности поляков, поскольку перемены являют угрозу для той самой застылой картины польскости». Эту стагнацию демонстрирует, но уже не научным слогом, а языком публицистики, ясно и доступно, текст Войцеха Рещинского «Только под крестом...», опубликованный в правом еженедельнике «вСети» (№ 44/2016): «День всех святых и Поминование усопших — это насквозь католические и польские праздники. Это вера в Бога и его святых, но особенно — вера в польскость. „Только под крестом, и лишь под этим знаком, Польша будет Польшей, а поляк поляком”. Это строки, приписываемые Адаму Мицкевичу, — не только прекрасная поэтическая риторика. Это истина теологическая и историческая одновременно. Религиозную и национальную жизнь нашего государства объединяет мощный фундамент христианской культуры, а присутствие на кладбище в эти дни подтверждает стойкость поляков и в вере, и в культуре». Эти слова — не только сильная публицистическая риторика. Здесь кратко представлен навязываемый сегодня правыми образ поляка: это тот, кто именно на кладбище демонстрирует и подтверждает свою идентичность. Тонко подмечено. Потому что в войне миров, которая должна длиться до конца времен, возможно, именно кладбище окажется единственным местом, где произойдет, наконец, их объединение.

Иоанна Мюллер

СТИХИ

Перевод Владимира Окуня

тьместность. интерроризация

сон придет тихо но нас
не застанет наверно в пути
в неумекку или
больдорадо какой причал
причастием будет что за
ультама туле притулит и чья
земля станет для нас
макбетованной
на ошупь пущенная
в дрейф перетопив по фрейду
в утопию отчизн материков памятый
беспамятник я бывалец убывалец
убыватель
восхожу по вступениям
в око личности сто лиц моих
различу улицей раскроенная
краями раскроюсь плодящая ся
разплавлена спаяна непристойна
как здешние пристани уличных
шлюмниц
зарубцевавшим рань
травмваем туда где терем мой
моя тюрьма мой правильнопипед
в глагольчик погашенная уеду
загашник облегчен(но) дышу
утекая из ночи в ночь
я все более
не показана этой местности

диптих. домашняя страница

сперва повыбью сирот и вдов потом посмотрю
что еще можно сделать для человечества в плане
приостановок прозвищ прибежищ
а мир пусть уходит раз я без него обхожусь
изоляциялизм как покушение
на искуcительный бестион гопщности

стихаю не слажу с техникой
стихосложения
отделю от немотчины но как-то иначе
отчизну в славянизме пророчеств чересчур риторично
сожигатель вживается в жителя
из этого выйдет вихрь или мрак
а то и еще похуже
нас схоронят всё те же древесные кольца
кров из последних досок
спасения он теперь нас укроет от вас
под тори амос тору нашей сомы
стельный ломоть несломленного тела
пусть месть не теснится в доме
этим жестом я тебе причиняюсь
и не вытеснит нас из дому
пусть шаг твой станет совместием
пока эпиграма до тех пор эпиграфа
догобровой доски

табульная боль

во что я вникну что умыкнуто что выловлю
когда энциклопедию мне отомкнут
что высловлю когда раздери неразъясненное
белизной заболеют листья бесплодные
что хотела открыть я себе
давно уж от меня от-крыто
в порожних мыслях под семью
запорами потом до седьмого пота
замыкаю в стихи что смекнула
что сомкнется что
минует меня

В зеркало скалюсь

*оказывается, все-таки можно дозреть, по крайней мере,
дозреть до некоторых вещей
М. Подгурник, «один»*

Написать осознанно свое первое стихотворение, в котором не
лицемеришь, что парни не плачут, а раз так, то пробую
писать, как они (дальше, малышка, делаем все без эмоций),
теперь я один из них. Решиться на немужские слезы –
– женские. А потом, может быть, обменять еще
мнимое (мне мое?) бесчувствие на трепет
хрупких плеч, наконец-то собственных,
уютных. Может, когда-нибудь там
построить кому-нибудь дом, не
такой, как шелест пергаментов
на ветру. Перевести на чужое

свое личное. Отвести глаза
в другую сторону,
пусть слезятся от
боли в чужом
теле.
А потом
может, даже
закрывать за собой
страницу. Открыться
в себе к какому-то «Ты» (нелегко
языком тянуться к новым словам). К какому-то
«Ты», подошедшему ближе, чем на расстояние
вытянутых из конверта отпечатанных листов. Ближе, чем
расстояние слова, которому я пока не хотела дать голос. Ближе
облачка дыхания, которому никогда в жизни я еще не отдавала
себя.

логатомы

тот стих, что ты чертишь в тетради:

рама витрины, а в ней проститутка напрягается, шалая
сочная мякоть, сладко-виновная, и уже с легкой вялостью
расчетливая чувствительность, аккуратненький хаос
развязная связность топорных топосов
травма с очерченной формой, холокост в энкаустике
внимание! в извивы чувств инфекция скрытно проникла
в вычурной выкройке и то выхватишь больше смысла
банально сильно, но больно неточно
для «браво» бы надо бравады, тёлочек, по встрече
вброд вкривь, пустить кровь, глумом залить бумагу
это берется горлом, без драпировки крайностей
это разведка боем, агрессия и экспансия
без лежащего полицейского, без сброса давления
цвет воронова крыла, попытка вдвойне вслепую
никаких «приоткрой форточку» или прочих фортелей
единица внутренних дел! время для прорывных решений
теперь весь вопрос: ты страх наводишь или марафет

кардиоаккорды

иногда это топот копыт, слепой свирепый галоп
и ошеломляющий шум, будто кто-то вдруг сузил свет
иногда — подкожное эхо моря, тихий побег отливной волны
или подлый, хоть и в открытую, подлом несдержавших плотин
есть дни, это как световой диалог, в тумане вой судовых сирен
удачный подъем из темных глубин к ритму залива, к порту
аорты

нередко — немой трепет шпрот в сплетеньях сосудов,
лимфоузлов
и вазомоторная пульсация стаи, ускользящей от погони
грохочет своей канонадой, в спящий город врывается взрывом
либо крадется по-партизански нервом треснувшей ветки в лесу
вот ведет, будто проводник — ночных беглецов граничным
хребтом
а то предает: заплутав с проводимостью, заводит их прямо в
ловушку стеноза
иногда возвышенно: хлопаньем флага, маятником удвоения
пульса
или решительно — эхом короны, брошенной в овальную яму
это и склока с уклоном в скандал, визгливый надрыв толпы
и вопли клеток в скверное утро, гул агрессии агрегата
заразительно: брутальным смехом, кардиальным мышечным
спазмом
а порой просто погибает хронически, неизлечимо, безмерно
бывает, что колошматят в дверь, врываются с дракой,
внезапным взломом
или напротив — приятный гость, робко стоящий в прихожей
наконец, это четкий ход грифеля — чертит ось сердца, конус
пульса
это первого тона благость — и милосердие струей нутряной
[стихотворение из-под сердца]

Магия интимного слова

Болеслав Лесьмян в полемике с отцом польского авангарда Тадеушем Пейпером писал во второй половине тридцатых годов прошлого столетия в одном из своих основополагающих программных очерков, что сильнее магии фразы его интересует магия слова. Этот вопрос для современной польской поэзии кажется намного более существенным, нежели беспрестанно возобновляющиеся дискуссии на тему различий между классицистическим и романтическим направлениями. Проблема магии слова и статуса языка присутствует в поэзии со времен ее зарождения, однако следует помнить и о таких поисках, как попытка открыть путь к утраченному *lingua adamica*, предпринятая Якобом Бёме, или о мечтах достичь корней праязыка на пути поэтической алхимии. Эти поиски нашли особое выражение в авангардных течениях XX века, будь то дадаизм (не случайно Ружевиц писал о том, что старый поэт обнаруживает себя в песочнице с дадаистами) или русский кубофутуризм, а в первую очередь, мечта о будетлянском языке в поэзии Велимира Хлебникова, который в манифесте, составленном вместе с Алексеем Крученых, писал о том, что произведение может состоять из одного слова.

Авангардное направление в польской послевоенной поэзии было после 1956 года воскрешено, прежде всего, авторами, отнесенными критикой к течению, получившему название лингвистической поэзии: Мироном Бялошевским, Тимотеушем Карповичем, Витольдом Вирпшей, Эдвардом Бальцежаном и Кристиной Милобендзкой. К этой линии присоединились такие представители поколения '68, как Станислав Баранчак и Рышард Крыницкий. В настоящее время к наиболее значимым авторам, представляющим этот вид поэтических экспериментов, несомненно, принадлежит Иоанна Мюллер (1979), являющаяся также исследовательницей литературы, сосредоточенной, прежде всего, на анализе творчества Карповича и Хлебникова.

В одном из своих высказываний она подчеркивает: «Для меня тело стихотворения так же важно, как тело откровенничающего в стихотворении лирического героя». Можно, конечно, задаться вопросом, что такое «тело стихотворения». Наверное, это, прежде всего, звучание и форма (автор в своих произведениях обращается и к опыту конкретной поэзии), мелодика речи и фиксация речи. Ее произведения, часто использующие словесные игры,

жонглирующие смыслами, обращающиеся к детскому языку, наконец, не останавливающиеся перед сотворением неологизмов, частенько представляющих собой (псевдо)архаизмы, являются, с одной стороны, поисками, как у Бёме, утраченного языка, а с другой – выражением сомнения в истинах «медийных шулеров».

Она дебютировала в 2003 году книгой «Фантомные сомнамболи». До этого, в 2002 году, она вместе с группой молодых поэтов обнародовала «Неолингвистический манифест», одним из вызовов которого стал тезис о непереводаемости поэзии («Все наши языки непереводаемы»), что, казалось бы, приговаривало эти произведения с крайне индивидуализированным языком к нечитабельности, но, вместе с тем, свидетельствовало о том, что для читателя они могут стать призывом к соучастию в творении их смыслов. В то же время эти стихи, демонстрирующие творческую дисциплину, запускают и санкционируют спонтанность ассоциативных процессов. Можно заключить, что речь идет об отношении к поэзии – в акте и создания произведения, и его восприятия — как к пространству самосотворения личности, обретающей в ней себя. При этом стоит подчеркнуть, что это интимное пространство — что подчеркивает название последнего сборника поэтессы „intima thule” (2015) — раскрытие которого является приглашением к игре с переменной, но, вместе с тем, художественно цельной логикой повествования.

Что-то такое витало в воздухе...

Фото: Э. Лемпп

Когда в 1995 году лауреатом Нобелевской премии по литературе стал ирландец Шеймас Хини, Вислава Шимборская — чье имя уже несколько лет имело хождение на нобелевской бирже — вздохнула с облегчением. Маловероятно, чтобы в ближайшее время премию получил поэт, причем поэт европейский.

Курс на Закопане

Поэтому в октябре следующего года она совершенно спокойно отправилась в Закопане, где в последние несколько лет, всегда этой осенней порой, отдыхала вместе с поэтессой Марией Калёттой-Шиманской, журналистом Михалом Радговским и инженером Михалом Рымшей в вилле «Астория». Рымша на своей машине возил всю компанию на экскурсии, в частности, в Словакию, где они посещали горные курорты, а порой заглядывали в местные магазинчики за сливовицей и можжевельниковкой. Совершали прогулки в Костелискую и Хохоловскую долину, в «Астории» сидели за одним столом.

После обеда отправлялись в курительную. Курили дамы — мужчины высказывались против этой вредной привычки. Все было как всегда. Однако что-то такое витало в воздухе.

3 октября 1996 года стояла ужасная погода. Бушевал ветер, с деревьев летели листья, в Варшаве шел дождь, в Кракове лило. В Закопане то же самое — дуло и моросило. Тем не менее, утром редактор Михал Радговский отправился на свою ежедневную прогулку. Возвращаясь в «Асторию» к обеду, он заметил перед пансионатом, уже на улице Дрога до Бялого, суету — толпы журналистов, автобусы телевидения, камеры, микрофоны. И сразу догадался, в чем дело.

Для фоторепортера Адама Голеца день начался, по его собственному выражению, с обычной мессы. Торжественная месса у воскресенцев, «кардинал Махарский с кропилом. Вдруг зажужжал пейджер. Короткая информация: мол, Шимборская, Нобелевка, курс на Закопане».

Стремительный марш-бросок на служебной машине (были же времена!) — и вот посланцы «Газеты Выборчей» Адам Гolec и Рышард Козик уже в Закопане. «Вилла “Астория”, — вспоминает Гolec, — а в ней Вислава Шимборская, которой приходилось вертеться веретеном в кругу подкарауливающих удачные кадры фотографов, а также репортеров радио и газет, друзей, знакомых, просто случайных свидетелей. С сигаретой, в замешательстве, она выглядела искренне и всерьез озадаченной, скромной. Много нас там было, охотников за кадрами. Я считаю, что вытянул неплохую карту».

Речь идет о знаменитой фотографии: поэтесса — в скромном белом свитере — хватается за голову, словно бы не в силах поверить в случившееся. Изумление? Тревога? Никому не удалось сделать более удачного снимка.

В аэропорту Окентье «даже разорвавшаяся бомба не произвела бы подобного эффекта»

В это время главный редактор издательства «Знак» Ежи Илльг сидел в варшавском аэропорту Окентье. Он все больше нервничал. Вот уже три года Илльг планировал встречу трех нобелевских лауреатов, связанных с краковским издательством: Иосифа Бродского, Чеслава Милоша и Шеймаса Хини. План провалился. Бродский умер в январе этого года от болезни сердца, Милош в начале осени улетел в Америку по каким-то срочным делам. Остался Хини. Предполагалось, что он прибудет в Польшу вместе с женой Мэри (тоже писательницей) в четверг, в полдень, прямо с Франкфуртской международной книжной ярмарки, где Ирландия была почетным гостем. На Окентье пресс-конференцию с прошлогодним нобелевским лауреатом уже ждала большая группа журналистов. Однако в Германии погода тоже

испортилась: объявили, что рейс Франкфурт–Варшава задерживается на четыре часа. Бедный Юрек был близок к отчаянию: вместе с супругами Хини он собирался сразу лететь в Краков, чтобы успеть на вечернюю панихиду по Иосифу Бродскому. Теперь и этот план — на грани провала.

Вдруг в постепенно пустеющем конференц-зале раздается возглас: «Шимборская получила Нобелевскую премию!» В аэропорту Окентье «даже разорвавшаяся бомба не произвела бы подобного эффекта, — вспоминает Илльг в книге «Мой “Знак”». — О прошлогоднем лауреате моментально забывают. Телевизионщики и репортеры толпой устремляются к выходу. Внезапно кого-то осеняет: “Он ведь из Кракова!” Микрофоны и камеры поворачиваются ко мне. Их число увеличивается, когда выясняется, что я не просто из Кракова, но еще и принадлежу к числу друзей Шимборской».

Через несколько часов самолет из Франкфурта наконец приземляется. Юрек еще издалека видит взволнованного поэта с седой гривой волос. «Оказывается, он еще ничего не знает — с расстояния нескольких метров кричит: „Who?!”^[1]. —

„Шимборская” — кричу я в ответ, а Хини швыряет на землю саквояж, вскидывает руки и изображает торжествующий индейский танец. После чего заключает меня в объятия». Илльг и Яцек Жуковский уговаривают водителя «мерседеса» из фирмы «Fly and Drive» довезти их за три часа до Кракова. Водитель чудес не обещает, но ехать соглашается.

Славомир Мрожек: «Это хорошо. Замечательно!»

Утром того же дня на Центральном вокзале, в те времена изрядно подванивающем, я садилась в поезд Варшава–Краков. Чемоданчик на колесах, диктофон в сумочке — все как обычно. В поезде оказалось множество знакомых. Варшавские ценители поэзии Бродского, поэты, журналисты, литературные критики и переводчики ехали на панихиду. Когда вся компания высыпала на малопривлекательный тогда краковский перрон, кто-то крикнул: «Шимборская получила Нобелевскую премию!» Люди передавали новость друг другу с восторгом и легким недоверием. «Точно?» — «Точно!» Гости немедленно отправились на Рыночную площадь, горя желанием поскорее отпраздновать это событие.

Но не я. Я бегом бросилась на улицу Шпитальную, в некогда роскошный отель «Поллера». Там назначил мне встречу Славомир Мрожек, недавно вернувшийся из Мексики. Опаздывать было никак нельзя.

Писатель, в шляпе и перетянutom поясом пальто, вошел в кафе отеля. «Знаете, кто получил Нобелевскую премию?!» — выпалила я, едва успев поздороваться. Он понятия не имел, узнал от меня. Когда нам принесли кофе и горячий шоколад,

Мрожек молча, с улыбкой, продемонстрировал мне свой бело-красный зонт с надписью «Дзенник польский» — рекламный гаджет краковской газеты. В этой газете в 1945 году дебютировала Шимборская, дебютировал в ней и автор «Танго».

— Это хорошо, — заметил он. — Замечательно! Замечательно для Шимборской, замечательно для Кракова, для всего народа. Может, кто-то осознает, — добавил он, холодно сверкнув глазами, — что имеется на свете кое-что получше диско-поло. И для Шведской академии тоже хорошо. Никто не упрекнет академиков, что они руководствовались внелитературными причинами, к примеру, политическими — мода на Польшу давно прошла. Шимборская к тому же — не представительница Азии, не феминистка и не чернокожий гомосексуалист. А просто прекрасный поэт. Есть все же справедливость на этом свете... Надеюсь, что человек столь обаятельный и скромный не вызовет неприязни у коллег по литературному цеху. Столь продолжительный монолог был для Мрожека редкостью. Писатель не относился к числу излишне разговорчивых людей.

Шеймас Хини: «Премию присудили прекрасной поэзии»

В результате вечером в красивейшем капитульном зале доминиканского монастыря не оказалось ни одного Нобелевского лауреата. Но, возможно, именно поэтому собравшиеся явственно ощущали присутствие Бродского — в его строках, которые читали актеры, в воспоминаниях друзей, в фильме, благодаря которому можно было вновь увидеть лицо поэта и услышать его необыкновенный голос. Голос, от которого мурашки бежали по коже.

Это был вечер странных технических накладок. Свет то гас, то вновь зажигался. Выключались динамики, а улыбка и жесты Бродского внезапно застывали на экране. Кое-кто увидел в этом знак с того света. Никто не удивился — скорее это восприняли как нечто само собой разумеющееся, — когда Богдан Тоша, директор Силезского театра, который вел встречу, сказал: — Я уверен, что Иосиф уже поздравил пани Виславу, которую так высоко ценил. Он наверняка нашел способ это сделать.

Тем временем на трассе Варшава — Краков преодолевали ночь и расстояние Шеймас Хини, его жена, Илльг и Жаковский. На панихиду они опоздали, но на торжественный ужин в ресторане «У ангелов» — голодные и уставшие — успели. Разумеется, главной темой оживленных разговоров было решение Шведской академии. После того как супруги Хини отведали всевозможных краковско-гуральских яств во главе с овечьим сыром и лисецкой колбасой, я попросила поэта сказать несколько слов. Он охотно согласился.

— Поразительно, что я оказался в Кракове именно 3 октября, в

день, когда в Стокгольме объявили, что лауреатом Нобелевской премии по литературе за этот год стала Вислава Шимборская! Я так рад!

А затем, точь-в-точь, как Мрожек, заметил:

— Решение Шведской академии великолепно — и для поэзии, и для самой академии. Поскольку отпадает подозрение, что сыграли свою роль политические, географические или какие бы то ни было иные причины. Премию присудили поэзии, прекрасной поэзии. Никак иначе это интерпретировать нельзя. Стихи Виславы Шимборской я знаю по английским переводам Станислава Баранчака и Клэр Кавана. Главное впечатление — что это поэт огромной внутренней цельности и, если можно так сказать, редкой этической чистоты. Налицо также удивительное чувство юмора.

Ирландский поэт познакомился с Виславой Шимборской двумя годами раньше, в доме Иоанны и Ежи Илльгов:

— Я запомнил ее как заядлую курильщицу, неизменно с сигаретой в руке, — вспоминал Хини. — Присутствовали также Станислав Баранчак и Петр Зоммер, а Чеслав Милош позвонил из Калифорнии и отчасти тоже участвовал в нашем разговоре. Эта встреча помогла мне лучше понять Краков — город Шимборской, и людей из ее окружения. Это образец поразительной цивилизации. Именно так должна развиваться человеческая культура — и всерьез, и весело, легко, с улыбкой. На высочайшем уровне, но без напыщенности.

Я спросила, удивлен ли он тем, что спустя шестнадцать лет после Милоша Нобелевскую премию опять получает польский поэт.

— Пожалуй, нет, — ответил Хини. — Я думал о том, что вновь пришло время наградить современную польскую поэзию, поскольку она и в самом деле замечательная. Это, в общем, витало в воздухе. И еще — что касается поэзии нынешнего Нобелевского лауреата — мне сейчас пришли в голову два имени: Сэмюэл Беккет и Элизабет Бишоп. В этом ряду я вижу и Виславу Шимборскую: те же чистота и душевная сила. Хини подарил мне свой только что изданный в «Знаке» поэтический сборник «Продолжая идти»: «To Elżbieta Sawicka with all good wishes — Seamus ^[2]». Дату 3.X.96 он жирно подчеркнул черным фломастером.

Томас Венцлова: «Бродский бы очень обрадовался»

Литовский поэт Томас Венцлова, автор знаменитого «Диалога о Вильнюсе», написанного вместе с Чеславом Милошем и опубликованного в парижской «Культуре» в 1979 году, и прекрасного поэтического сборника «Разговор зимой», тоже очень обрадовался.

— Уже много лет было ясно, что если кто-то заслуживает

Нобелевской премии, то именно она. Это триумф польской литературы, Польше можно только позавидовать — у нее есть два живых Нобелевских лауреата, не всякой стране такое выпадает. Польское радио, едва узнав о премии, тут же попросило меня сказать несколько слов, и, к счастью, мне удалось кое-что сформулировать. Я был очень тронут. Кроме того, я лично горд, потому что имею честь знать пани Шимборскую и перевел несколько ее стихотворений на литовский язык. Давних — «Атлантиду», «Разговор с камнем» и «На Вавилонской башне».

Я спросила, можно ли сравнить Шимборскую с кем-либо из известных ему поэтов.

— Трудно сказать. Она очень индивидуальна и неповторима, — ответил Венцлова. — Пожалуй, отчасти напрашивается сравнение с Константиносом Кавафисом. Тому есть по меньшей мере две причины: оба — писатели ироничные, обладающие совершенно уникальной, отдающей горечью интонацией и чувством юмора, а кроме того — не слишком плодовитые. Кавафис напечатал двести стихотворений, а может, и того меньше, причем все это стихи короткие.

Насколько я знаю, с пани Виславой дело обстоит примерно так же. С кем-то еще ее трудно сравнивать. И вот еще что. Так все удивительно и прекрасно получилось, что сегодня проходит вечер, посвященный памяти Иосифа Бродского, и что это совпало с получением пани Виславой Нобелевской премии. Бродский бы очень обрадовался. Он обожал поэзию Шимборской, знал наизусть множество ее стихов. Больше всего ценил «Колыбельную». Считал, что это одно из лучших стихотворений всех времен.

— То стихотворение о моли, лягушках и упырях?

— Именно.

Доброй ночи, —

моль бормочет.

На подушке — две лягушки,
простынь облепили мушки.

Комары, жуки и осы
вихрем вьются, кровососы.

Муравьев идут колонны,
а за ними — скорпионы.

Чтоб вести себя потише,
крысы шастают по крыше,
и упырь какой-то, чую,
ручку дергает дверную!

Пума из большого леса,
героиня желтой прессы,

хочет слопать по кусочкам
нашу Циню^[3]. Ставим точку!
Описать, что будет следом,
не под силу и поэтам^[4].

Последняя чашка кофе инкогнито

В краковском ресторане «У ангелов» до поздней ночи звучали тосты. Тем временем в Закопане Вислава Шимборская переживала тяжелые минуты. «К вечеру, — вспоминал Михал Радговский, — она уже была в полуобморочном состоянии от усталости. «Асторию» осадили пресса, радио и телевидение; телефон разрывался, и поэтесса начала жалеть, что у нее нет двойника. «Был бы он меня лет на двадцать моложе, позировал бы фотографам, и выглядел бы после этого презентабельнее. Ездил бы, давал интервью, а я бы себе писала», — сказала Шимборская в первом разговоре с журналистами. Но двойника не было. Автора «Взываю к йети» в ближайшие дни ждали телефонные звонки во время обеда, вечно остывший суп и перескакивание через тела дежурящих на лестнице журналистов.

4 октября погода улучшилась. Михал Радговский, Мария Калёта-Шиманская и Михал Рымша отправились вместе с поэтессой на длинную прогулку в Хохоловскую долину — до самого приюта. Там, на веранде, в последних лучах осеннего солнца она смогла спокойно выпить кофе. Почти инкогнито. Почти, потому что, как вспоминает Радговский, по дороге в Хохоловскую отдыхающие и туристы уже начали ее узнавать. На следующий день Вислава Шимборская отправила заявление в Польское информационное агентство с просьбой дать возможность ее голосовым связкам отдохнуть. Ей требовался покой. «У меня нет опыта получения Нобелевской премии» — написала она. Шимборская знала, что в ближайшее время перед ней встанет труднейшая задача: написание нобелевской речи.

Текст был опубликован на сайте Гражданского института.

-
1. Кто? (англ.)
 2. Неапеу»Эльжбете Савицкой с наилучшими пожеланиями — Шеймас Хини (англ.)
 3. Так Виславу Шимборскую называли в детстве родители — Прим. пер...
 4. Перевод Игоря Белова.

Культурная хроника

На XVI Всепольском фестивале современной драматургии «Представленная действительность» в Забже (18–26 октября) победителем стал спектакль «Белая сила, черная память» Драматического театра им. Александра Венгерки (Белосток). Петр Ратайчак получил премию за режиссуру, а сценарная группа отмечена премией Станислава Беняша. Молодежное жюри присудило свою премию актерскому составу «Белой силы, черной памяти» за «лучшее представление политической действительности». Спектакль основан на репортажной книге Мартина Концкого «Белосток. Белая сила, черная память», о которой Михал Ольшевский, первый польский лауреат международной премии за литературный репортаж им. Рышарда Капустинского, писал: «Белосток в его потрясающем репортаже — это город, охваченный коллективной амнезией, город, который достиг вершин в искусстве забвения еврейского прошлого, наконец, город, где многие годы беспрепятственно расцветали свастики. А картина еврейского кладбища, полностью скрытого под толстым слоем земли и глины, на которых разбили парк развлечений, предстает как дьявольски верная метафора не только столицы Подлясья, но и всех городов, написанных после войны заново, „без меноры и мезуры”». На ярких билбордах Подлясье рекламируется как мультикультурный регион. Концкий опровергает рекламные слоганы, доказывая, что неусвоенный урок истории ведет к расизму, антисемитизму, хулиганству футбольных фанатов. Как книга, так и спектакль вызывают бурные споры. Не только в Белостоке.

В театре «Польский» в Познани 11 ноября состоялась премьера спектакля «Мысли современного поляка. Роман Дмовский (неавторизованная биография)» в постановке Гжегожа Ляшука. «Этот спектакль мы построили как мрачный мюзикл — потому что и герой мрачный», — сказал режиссер на пресс-конференции. Важную роль в спектакле играет идея сноса стоящего в Варшаве памятника Роману Дмовскому, главному идеологу национализма, но также и одному из отцов независимости Польши. «Нам ментально необходимо что-то такое, как снос этого памятника, который мешает нам внешне и внутренне. Нас захлестывает волна правой националистической ненависти, которая напрямую черпается из того, что писал Роман Дмовский», — сказал режиссер.

Спектакль, по замыслу его авторов, — реакция на зло, которое творится вокруг. Героиней спектаклей становится также Ханна Арендт, представительница немецкой философской школы, автор знаменитой книги «Эйхман в Иерусалиме. Банальность зла». В действительности жизненные пути Эйхмана и Дмовского никогда не пересекались. Однако, как говорит режиссер, «нам показалось, что Дмовский, как человек плохой и не слишком умный, подходит для картины банальности зла, начертанной Арендт».

Первая премьера нового сезона в краковском Старом театре (19 ноября) — это «Космос», который многие критики считают шедевром Витольда Гомбровича. Роман перенес на сцену молодой режиссер Кшиштоф Гарбачевский. «Это спектакль преимущественно для взрослого зрителя, но не из-за каких-то там разнузданных сцен группового секса. Он связан с идеями, с которыми сталкивался Гомбрович. Спектакль — это определенный разговор, в котором нельзя не вспомнить, например, Хайдеггера», — заявил режиссер. Главный герой «Космоса» — студент Витольд. У Гарбачевского эту роль играет... женщина. Удался ли спектакль? Рецензия Витольда Мрозека в «Газете выборчей» довольно сдержанная: «О „Космосе“ принято говорить, что это сумма страхов и навязчивых идей стареющего писателя. Спектакль в Старом театре — это, скорее, о вхождении молодой интеллигенции в мир очень вязкий, семейственно-клановый, настолько же помещански косный и угнетающий, насколько по-доброму смешной».

С 27 по 30 октября в Кракове проходила XX Международная книжная ярмарка. В ней приняло участие свыше 700 экспонентов из 25 стран; почетным гостем был Израиль. Поклонники литературы имели возможность встретиться с любимыми авторами (а было их 759!). В Краков приехали, например, автор бестселлера «Часы» Майкл Каннингем и австралиец Ричард Флэнаган. Прибыли и ведущие польские писатели, среди них Юзеф Хен, Филип Спрингер, Анджей Стасюк, Ольга Токарчук, Щепан Твардох. Во время ярмарки в девятнадцатый раз вручалась премия им. Яна Длугоша — за лучшую публикацию в области гуманитарных наук. Премию получила Анна Махцевич за книгу «Бунт. Забастовки в Тригороде. Август 1980», изданную Европейским центром «Солидарности». Лауреату вручили статуэтку (автор — проф. Бронислав Хромый); денежную часть премии (30 тыс. злотых) обеспечили министр культуры и национального наследия и компания «Краковские ярмарки». Юбилейная ярмарка собрала толпы — около 68 тысяч посетителей.

Одновременно с книжной ярмаркой в Кракове проходил литературный фестиваль Конрада. В нем приняло участие несколько десятков писателей из Польши и из-за рубежа. Лауреатом премии Конрада за лучший литературный дебют 2015 года стала Жанна Слонёвская, автор романа «Дом с витражом». Премию в размере 30 тыс. злотых учредил город Краков. Жанна Слонёвская (р. 1978) — журналистка, переводчица и писательница, знаток истории Львова, украинка с польскими корнями, многие годы живущая в Кракове. «Дом с витражом» — это семейная сага четырех поколений, в которой переплетается повествование о польской и украинской истории.

Премию «Варшавская литературная премьера» получил наш коллега по редакции, писатель, переводчик и университетский преподаватель Лешек Шаруга за «Несколько иные истории» (книга сентября). Это сборник насыщенных абсурдистским юмором и побуждающих к раздумью рассказов-миниатюр. Есть среди них такая вот «Парламентская речь»:

«... Мне приснилось, что я депутат. Должен произнести важную речь обо всем. Я даже не волновался: в конце концов, обо всем — легче всего. Даже легче, чем ни о чем, а ведь они все ни о чем и говорят.

Я уже шел к трибуне — и вдруг падаю в волчью яму. Лечу и думаю: какого черта я дал избрать себя в этот парламент. Думаю я так, а сам все падаю.

Падаю, а тут приятель меня толкает: проснись, дескать, твоя очередь.

Не знаю, что бы это могло значить».

7 ноября в варшавском Клубе книжника прошел торжественный вечер, на котором премию Лешеку Шаруге и почетный диплом издательству «Convivo» вручил председатель жюри Адам Поморский. С речью в честь лауреата выступила Ивона Смолька.

Лауреатом премии им. Юзефа Мацкевича в нынешнем году стала Иоанна Седлецкая за книгу «Рассекреченные биографии. Из литературных архивов госбезопасности». На основе материалов Института национальной памяти автор представляет судьбы писателей, которые пошли на сотрудничество с тайными службами ПНР. Отличия получили также книги Петра Семки «Мы, реакция. История эмоций антикоммунистов в 1944–1956 гг.» и Дороты Хек «Рецензии без цензуры». Премия им. Юзефа Мацкевича присуждается с 2002 года за литературные достоинства произведений и важную в культурном, общественном или политическом отношении

тематику. Премия вручается в День независимости 11 ноября. Лауреат получает золотую медаль с изображением патрона премии и его девизом: «Только правда интересна», а также денежную награду (10 тыс. долларов). В состав капитула премии, ныне под председательством Томаша Бурека, входят ведущие правые публицисты. В предшествующие годы лауреатами были, в частности, Войцех Альбинский, Эустахий Рыльский, Януш Красинский, свящ. Тадеуш Исакович-Залеский, Ярослав Марек Рымкевич, Бронислав Вильдстейн, Павел Зызак, Войцех Венцель, Рышард Легутко, Анджей Новак.

Магдалена Гроховская получила 14 ноября премию польского ПЕН-клуба им. Ксаверия и Мечислава Прушинских, присуждаемую за литературный репортаж и эссеистику. Гроховская, репортер «Газеты выборчей», отмечена премией за цикл повестей о судьбах и проблемах польской интеллигенции XX века. «Мы видим прекрасную репортерскую работу, объединяющую журналистику и изящную словесность, а также хронологическое представление истории польской интеллигенции», — так обосновал присуждение премии председатель польского Пен-клуба Адам Поморский. Среди нескольких десятков представленных Магдаленой Гроховской портретов выдающихся представителей польской интеллигенции есть, в частности, повествования о Тадеуше Котарбинском, Халине Миколайской, свящ. Яне Зее, Ежи Туровиче, Юзефе Чапском, Конраде Свинарском, Казимеже Деймеке, Густаве Холоубеке, Анде Роттенберг, Владиславе Хасиоре. Особое место в творчестве Гроховской занимает изданная в 2009 году и отмеченная многими премиями биография «Ежи Гедройц. В Польшу из сна». Два года назад Гроховская опубликовала биографию выдающегося социолога, социалиста, деятеля демократической оппозиции Яна Стшелецкого «Стшелецкий. Путем надежды».

17 ноября на торжественной церемонии в резиденции Польского телевидения в Варшаве были названы лауреаты проводившегося в девятый раз конкурса «Историческая книга года», по итогам которого вручаются премии им. Оскара Халецкого. Почетный патронат над торжеством, организованным Польским телевидением, Польским радио, Институтом национальной памяти и Национальным центром культуры, принял президент Республики Польша Анджей Дуда. В категории «Лучшая научно-популярная книга, посвященная истории Польши в XX веке» победу одержал репортаж Цезария Лазаревича «Чтобы не оставалось следов. Дело Гжегожа Пшемька». Это повествование об одном из самых громких преступлений в ПНР — о том, как милиционеры до смерти

избили молодого человека, сына Барбары Садовской — поэтессы, связанной с демократической оппозицией. «Это своего рода репортаж, — сказал Лазаревич во время торжественной церемонии. — По правде говоря, я хотел написать об этом для своих детей, чтоб они знали, что такое ПНР, как выглядят ложь и манипуляция, и почему власть использовала ложь и манипуляции, чтобы заморочить нам головы. Это книга о вечных механизмах власти, о том, что, даже если у тебя в руках радио, телевидение и пресса, людей все равно не одурачишь. Ни один народ на это не купится. Люди не примут ложь».

В четвертый раз присуждалась премия «Newsweek» им. Тересы Торанской в категории «Лучшая книга литературы факта». Лауреатом стал Витольд Шабловский, автор книги «Справедливые предатели. Соседи с Волыни». Репортер ищет в ней ответ на вопрос, кем были украинцы, которые помогали полякам спастись во время Волынской резни 1943 года. Он ездил по Украине в поисках последних живых свидетелей. «Автор не бередит раны и не высчитывает меру взаимной вины, — отмечается в рецензии на портале Culture.pl, — в этой болезненной истории он ищет более светлые моменты, ищет живые человеческие реакции. И находит их в заурядных поступках и героических делах: в том, как поляков прятали под крышами хат, в сараях, как обрабатывали раны, тайно доставляли продовольствие, оберегали от опасностей — и даже просто в молчании. И так спасли тысячи людей».

Фильм «Смоленск» в постановке 76-летнего Антония Краузе по решению дистрибьютора уже снят с проката в кинотеатрах в связи с малой посещаемостью. С момента премьеры 9 сентября его посмотрели всего лишь около 460 тыс. зрителей.

Премия им. Яна Цибиса, главная польская награда в области пластических искусств, присуждена за совокупность творчества польско-японскому художнику Койи Камойи. Живописец и создатель инсталляций родился в Токио в 1935 году, но с конца 50-х годов живет в Польше, связан с легендарной галереей «Фоксаль» в Варшаве. Его выставка «Река. Слова и картины» прошла с 29 октября по 29 ноября в Доме художника в Варшаве.

Продолжаются баталии вокруг музея Второй мировой войны в Гданьске. С инициативой его строительства выступил в 2008 году Дональд Туск. Пришедшая к власти партия «Право и справедливость» вызывает сомнения относительно концепции музея. Ведомство культуры заказало рецензии на организуемую экспозицию у историков и публицистов правого

лагеря.

— В этих рецензиях предписывается играть на эмоциях, на каждом шагу подчеркивать страдания польского народа, — сказал вице-директор музея. — Они хотят от нас аффектации, каждым квадратным метром экспозиции мы должны доказывать превосходство наших страданий над иными и исключительность польского народа. А мы и так ненавязчиво показываем, что наша судьба исключительная и необычайная. Но от нас нельзя требовать, чтобы мы не уважали и принижали страдания других народов.

Министр культуры Петр Глинский сообщил о намерении объединить музей Второй мировой войны с уже существующим музеем Вестерплатте, против чего возражают историки, ветераны и многочисленные дарители экспонатов для музея Второй мировой. Против решения министра выступил в середине ноября Воеводский административный суд в Варшаве, принявший постановление, призванное «предотвратить значительный вред или неисправимые последствия» действий министра. Это решение, однако, еще не вступило в законную силу. Следующий шаг — за министром, который имеет право на апелляцию.

Во время фестиваля «Украина в центре Люблина» (18–20 ноября) жители города могли посетить концерт группы «Vivienne Mort», фотовыставки и кинопоказы. Участники мастер-классов старинных ремесел учились делать куклы-мотанки, изготавливаемые из лоскутов и ниток, без иглы и ножниц. В резиденции украинского консульства открылась выставка «Четверть века Украины в 25 фотографиях», ставшая итогом конкурса в связи с 25-летием независимости нашего восточного соседа. Фестиваль проводился уже в девятый раз, его организовал люблинский Фонд духовной культуры пограничья с целью сближения поляков и украинцев.

Тем временем в Гданьске, в Шекспировском театре, с 18 по 24 ноября прошла Украинская неделя, во время которой были показаны лучшие спектакли украинских режиссеров. В частности, Национальный академический драматический театр им. Ивана Франко показал спектакль «Эрик XIV» по пьесе Августа Стриндберга в постановке Станислава Моисеева. Этот же коллектив представил документальный спектакль «Дневники Майдана». Режиссер Андрей Май перенес на сцену текст Натальи Ворожбит, построенный из собиравшихся в течение трех месяцев рассказов свидетелей конфликта на Украине. «У произведения нет финала, как нет пока конца

украинской борьбе за свободу и справедливость», — отметила в пресс-релизе автор «Дневников Майдана».

Прощания

29 октября в Варшаве в возрасте 93 лет умерла Кристина Колинская, журналист, писатель, автор популярных биографических романов — например, о Генрике Сенкевиче, Элизе Ожешко, Станиславе Пшибышевском, Эмиле Зегадловиче, Ежи Шанявском. Кристина Колинская была отмечена Крестом Армии Крайовой и наградой Операции «Буря», а также медалью за заслуги перед культурой «Gloria Artis», премией Польского авторского общества им. Кароля Малцужинского, премией Союза польских ремесленников им. Владислава Реймонта. Последней изданной ею книгой стали «Поводы для воспоминаний» (2014).

10 ноября в Катовице умер Ежи Цнота, актер, создатель незабываемого образа разбойника Гонсёра в сериале «Яносик» (1973, реж. Ежи Пассендорфер). Мастер эпизода и ролей второго плана, актер ранее сыграл в двух силезских фильмах Казимежа Куца — «Соль черной земли» и «Жемчужина в короне». Ежи Цнота — выпускник факультета русской филологии Ягеллонского университета, в 70-х годах экстерном окончил Варшавскую высшую театральную школу. Еще во время учебы он выступал в знаменитом краковском кабаре «Погребок под баранами». Актеру было 74 года.

Фама

Перевод Ирины Адельгейм

21 мая 1952 года в 10 часов и 23 минуты утра статуя Фамы из Варшавского замка, стоявшая теперь в холле Национального музея, протрубила трижды. В это мгновение вблизи статуи находилось четыре человека: Франтишек Посаг, вахтер, пятидесяти четырех лет от роду, профессор Станислав Вольский, почтенный искусствовед, семидесяти шести лет, Тосек Тралька по прозвищу «Геркулес», студент театрального института, девятнадцати лет, а также панна Холлендер, композиторша, сорока двух лет. Посаг, спускаясь с верхнего этажа вниз, в уборную, оказался ближе всех к фигуре, которая вела себя столь необычным образом, кроме того он явственно видел, как Фама шевельнула рукой, поднесла трубу к губам и издала пронзительный звук. Она повторила этот жест троекратно, что изумленный Франтишек наблюдал собственными глазами. Профессор находился в зале готики, склонившись над алтарем со сценой Посещения Девы Марии; он писал работу о влиянии польской скульптуры Нижнего Поморья и Щецина на искусство Леонардо да Винчи, и как раз на этом алтаре — который, правда, происходил из Свентокшиских гор, но носил следы влияния Яна, придворного скульптора князя щецинского Казика, внука Казимира Великого — в значительной степени базировалась его концепция. Профессор, хоть и был полностью погружен в созерцание лежавшей в основе всей его аргументации нижней складки одеяния святой Елизаветы, тем не менее услышал странный, резкий, хоть и звучный голос трубы и резво, насколько позволял ему возраст, поспешил в холл, дабы определить источник необычной музыки. Он еще успел увидеть, как Фама в третий раз подносит трубу к устам; «услышанный вблизи» звук этого инструмента потряс его до глубины души. Тосек Тралька находился на втором этаже, то и дело бросая взгляды вниз, на дверь холла, поскольку ждал Басю Гурскую, которая училась в другом институте и пригласила его в музей на свидание к десяти часам с четвертью. Бася все не шла, Тосек выглядывал из-за балюстрады, но при этом ежеминутно пятился назад, опасаясь, как бы Бася не заметила его нетерпеливого ожидания и не вообразила себе невесть чего. Когда Фама затрубила, он сперва не понял, что происходит, и продолжал смотреть вниз. Лишь тихий возглас, вернее

захлебнувшийся вздох, который издал вахтер, привлек наконец его внимание. Лишь тогда он взглянул на статую и обомлел. Панна Холлендер еще только входила в музей. Она также направлялась в зал готической скульптуры: радио заказало ей композицию, призванную доказать, что скульпторы-реалисты Нижней и Верхней Силезии, Нижнего и Верхнего Поморья, а в особенности Щецина, создавая свои алтари, изображали отнюдь не персонажей христианских легенд, а своих современников — крестьян и работников, которых ваяли в позах народных танцев того времени, танцев, разумеется, польских, однако не дошедших до наших дней и запечатленных исключительно в этих фигурах. Панна Холлендер в своих композициях должна была сии танцы воспроизвести, подчеркнув одновременно реализм средневекового польского искусства. Подобная задача была вполне по плечу нашей композиторше-реалистке, создательнице массовых песен, в том числе таких популярных, как «Обязательства», «Передовик и передовица», «Сердце Сокорского» и т.д. Несмотря на это, она вошла в музей в состоянии довольно глубокой задумчивости, взвешивая трудности предстоящей работы, а потому не обратила внимания на происходящее. От задумчивости ее пробудил звук трубы, возможно, она бы и на это не обратила внимания, однако ей показалось, что сигнал прозвучал фальшиво. Панна Холлендер, обладавшая абсолютным слухом, явственно услышала: до-диез, До-диез... ля-бемоль, ля-бемоль, ля-бемоль! Она вздрогнула от этих удручающих звуков, и тут снова: до-диез, До-диез... ля-бемоль, ля-бемоль, ля-бемоль! Тогда панна Холлендер подняла глаза и увидела, как статуя в третий раз подносит трубу к губам, а Посаг стоит перед ней и таращится вверх.

— Чего вы таращитесь? — воскликнула композиторша, — держите ее, давайте! Это же безобразие!

— Сами и держите, — философски вздохнул вахтер, когда отзвучало последнее «ля-бемоль».

К этому моменту уже все четверо свидетелей стояли перед невозмутимо покоящейся на постаменте статуей в стиле рококо.

— Это безобразие, — повторила панна Холлендер с чуть меньшим напором.

— Это нужно исследовать с научной точки зрения, — помолчав, заметил профессор.

— Сообщить в газеты, — добавил Тосек.

— В партию, — сказала панна Холлендер.

— Погодите, погодите, — возразил вахтер Франтишек. — За происходящее в музее отвечает прежде всего директор. Так, может, директор сам вставил в нее какую-нибудь пружинку? Директор все знает.

— В таком случае пойдемте к директору, — сказала композиторша, как всегда, выражаясь правильным литературным языком.

Они отправились. Проходя через второе фойе, где было много вахтеров, гардеробщиков, несколько посетителей, увидели, что все идет обычным ходом. Никто ничего не заметил.

Панна Холлендер взглянула на своих спутников.

— Коллеги, — сказала она серьезно, — пока ни гу-гу!

Все кивнули. Тосек даже выпятил свою геркулесову грудь и повел глазами. Хоть и очень маленького роста, он все же был выше панны Холлендер.

Вскоре они оказались в кабинете директора, который, привычный к разного рода визитерам, ничуть не удивился составу делегации, представшей перед его столом. Он пригласил всех сесть и предложил закурить. Панна Холлендер, однако, отказалась.

— Я бы предпочла стакан воды, — добавила она.

— Вы устали? — спросил директор. — День, пожалуй, холодный.

— Я вне себя от возмущения! — воскликнула вдруг композиторша и хотела было продолжить, однако вахтер Посаг не дал ей сказать и слова. Стукнул кулаком по столу перед носом у директора, так что тот удивленно взглянул на него, и воскликнул:

— Пан директор, она трубит! Фама трубит!

Директор опасливо покосился на профессора. Однако высокий, серьезный старик с длинной седой бородой утвердительно кивал.

— Да, пан директор, — добавил он затем словно бы печально, — мы все слышали: Фама трубит.

— Неслыханно, неслыханно, — нервически тряслась маленькая и кругленькая композиторша, — это недопустимо. Дирекция обязана немедленно принять меры согласно своим полномочиям, по своей линии.

Директор пожал плечами и замер в такой позе, поскольку Тосек деловито сообщил:

— Пан директор, статуя Фамы в холле Национального музея трубит в свою трубу.

— Вы что, с ума сошли? — прошипел директор.

И тогда все четверо в один голос подтвердили:

— Мы все видели и слышали.

И по очереди изложили директору случившееся. Мы их рассказ опустим, поскольку уже знаем, как это произошло и какотреагировали члены нашей «делегации».

Директор, в величайшем изумлении выслушав их и дождавшись паузы, не знал, что сказать.

Хотел заговорить, но начал заикаться и окончательно потерял

дар речи.

— К-к-как? — проговорил он и беспомощно посмотрел на каждого по очереди. Оглядел весь этот паноптикум у своего стола: старого профессора, вахтера с багровым носом, маленького блондинчика — кандидата в актеры, и пухлую музыкантшу. Но и всмотревшись в их лица, по-прежнему не находил слов. Повисла пауза.

Наконец снова весьма трезво отозвался Тосек:

— Пан директор, мы никому об этом не скажем.

— Ни слова, — подтвердила панна Холлендер, — никто не должен об этом узнать.

После чего холодно посмотрела на директора.

— Вряд ли это повторится, — добавила она.

Директор развел руками.

До сих пор он не произнес ни слова. Получение столь диковинной информации лишило его дара речи. По инициативе пани Холлендер Тосек оставил директору свой адрес, адреса остальных свидетелей необычайного происшествия у администрации имелись. Еще раз дав клятву хранить строгое молчание, визитеры разошлись, уповая на то, что странный факт больше не будет иметь места.

Увы, надежды эти оказались тщетны. На завтра Фама протрубила два раза. Один — в 6.18 утра, когда поблизости был только вахтер Франтишек Посаг, второй — уже после закрытия музея, когда директор вместе со своим помощником еще находился в кабинете, наверху. На сей раз голос трубы был так звучен, что директор сразу понял, что за эхо разносится по пустым залам музея. Помощник встревожился — откуда эти звуки, однако директор поспешно вставил:

— Наверное, пожарные на Прагу поехали, — сказал он.

— Да нет, пожарная машина трубит иначе, — заверил его помощник и подошел к окну, — такое ощущение, будто это прозвучало где-то в самом музее!

— Вам показалось, — закрыл тему директор, и сконфуженный помощник умолк, только усмехнулся себе в усы.

На третий день Фама молчала. Однако директор вызвал посвященных в свой кабинет к 11 часам и изложил события минувшего дня.

— Вчера статуя протрубила дважды, я боюсь, что это будет повторяться, — закончил он свой рассказ, — и вызвал вас сюда, чтобы посоветоваться, подумать, что следует предпринять. Если информация о трубном гласе дойдет до Министерства культуры и искусства, кто знает, чем это может закончиться.

— Трубит, чертовка, так громко, что на улице слышно, — мрачно заметил вахтер.

— А в соседнем доме могут услышать? — встревожилась панна Холлендер.

Директор музея поглядел на нее испытующе.

— Вы какой дом имеете в виду?.. — спросил он серьезно.

Панна Холлендер не ответила.

Все члены «Комитета» были сегодня весьма не в духе. Следует пояснить, что с каждым вчера произошла какая-нибудь крупная неприятность. Тосеку надоела Бася, к тому же у него возникли проблемы в институте, у профессора случился приступ почечной колики, Франтишек поругался с панной Бернхард, а до панны Холлендер дошли слухи, что в Министерстве культуры ее обвиняют в левачестве.

Поэтому профессор Вольский несколько раздраженно ответил:

— Зачем же вы нас вызвали, пан директор, мы-то что можем поделать?

Директор не успел ответить на вопрос, поскольку в этот момент здание музея наполнился мощным голосом серебристой трубы. Звук не прерывался ни на мгновение и постепенно нарастал.

Зазвенели оконные стекла.

— Это она! — воскликнул Франтишек, и все сорвались с места.

Из кабинета директора нужно было пробежать по коридору, потом три этажа вниз. Первым, конечно, бежал Тосек, за ним директор музея. На бегу сверяясь с часами, он кричал:

— Одиннадцать двадцать две, на этот раз в одиннадцать двадцать две...

Следом шариком катилась панна Холлендер, на лестнице все ее округлости ритмично подскакивали.

— Ля-бемоль, ля-бемоль, ля-бемоль, ля-бемоль! — восклицала композиторша, прыгая со ступеньки на ступеньку. — Ля-бемоль, ля-бемоль, ля-бемоль, ля-бемоль, — считала она издаваемые трубой звуки. И вдруг вскрикнула с внезапно напомнившим о себе львовским акцентом:

— Та что ж это? «До» — сегодня она играет «до» вместо «до-диез»!

С этим воплем они ворвались в гардероб в холле.

— Двери закрыть, — кричал на бегу директор, — никого не впускать и не выпускать.

Растерянные гардеробщики толпой бросились выполнять распоряжение, из недр другого крыла здания, в ужасе размахивая руками, мчался к директору его помощник.

— Черт возьми! — выругался Тосек.

К Фаме было не подойти. Ее окружала плотная толпа детей.

— Что такое? Что такое? — восклицала запыхавшаяся панна Холлендер.

Какая-то перепуганная женщина в сером пальто и фиолетовой вуали отделилась от сбившихся в кучу детей.

— Мы экскурсия из Климонтовской начальной школы! — воскликнула она.

— Разойдитесь, разойдитесь! — кричал, подбегая Франтишек.

А статуя трубила себе и трубила.

Спустя час в кабинете директора снова собралась та же самая компания, к которой присоединился помощник директора и заплаканная учительница из Климонтова. Несмотря на ее мольбы, детей не выпустили, и музей заперли на все замки. Делегация расселась за круглым столом в углу кабинета и некоторое время молчала. Наконец директор беспомощно оглядел всех и, ломая руки, сказал:

— Что делать?

— Обратиться в Госбезопасность, — безапелляционно буркнула панна Холлендер.

— Ни за что на свете, — ответил директор.

— Нельзя, — серьезно согласился его помощник, — это следует скрыть возможно более тщательно.

— Пусть сюда придет кто-нибудь из Министерства культуры и искусства, — предложил профессор Вольский.

— Хорошо! — обрадовался директор. — Сейчас позвоню.

И, не дожидаясь чьего-либо согласия, поднял трубку и набрал номер. Ему тут же ответили.

— Алло! Это пани секретарша? Это я, да, это я... мне нужно немедленно поговорить с паном министром. Беда в музее, большая беда. Нужно, чтобы кто-нибудь немедленно приехал... да?... да?... да... ага... да... через час? Хорошо, через час...

Он положил трубку и печально поглядел на товарищей по несчастью. — Министр в Ломже, замминистра в Ходзеже, начальник отдела на собрании, директор Лисек не может оставить министерство... Велели позвонить через час.

— Директор, — терпеливо сказал помощник, — надо иначе. Вы еще не научились?

Говоря так, он поднял трубку и набрал тот же номер.

— Алло, — сказал помощник, — это заместитель директора Национального музея. Я хотел спросить, получили ли вы приглашение на наше сегодняшнее собрание? Неделю назад посылали. Не знаете? А то все уже собрались, нет только вашего представителя. Какая повестка дня? Повестка дня... Тематические планы на 1956 год. Да-да, сразу после шестилетки... ну да, следует думать о будущем. Кто присутствует? Профессор Вольский, пани Холлендер... да, пани Холлендер, планируются и музыкальные темы. Художники любят музыкальные инструменты, следует учитывать их тематические пристрастия, да, да... Директор Лисек? Прекрасно. Сейчас будет? Хорошо, мы подождем. Ничего, ничего... мы уже привыкли.

— Директор Лисек скоро будет, — сказал он, кладя трубку.

— Отлично, — заметила панна Холлендер, — мне есть что с ним обсудить.

Итак, спустя полчаса явился директор Лисек. Бодрый,

спокойный. Что музей закрыт и его пропустили в виде исключения — он не заметил. Оглядев собравшихся, ничего не заподозрил, хотя учительница из Климонтова тихонько плакала.

В этот момент позвали вахтера Франтишека. За ним пришла жена.

Панна Холлендер набросилась на директора Лисека:

— Откуда левачество? Какое еще левачество? С какой стати? Почему?

Директор Лисек невозмутимо улыбнулся.

— Панна Хенрика, послушайте, дорогая коллега! В вашем «Курпском танго» для фортепиано мелодия звучит в левой руке. Почему? Зачем? Если мелодия достаточно прогрессивна, то слушатель и так поймет, даже в правой руке. Ни к чему это акцентировать...

— Да, — вставил вдруг Тосек Тралька своим густым, нарочитым басом, — а когда я в институтском спектакле играл Болеслава Смелого...

— Да-да, — уже довольно раздраженно прервал его на полуслове директор Лисек, — потому что если Болеслав Смелый ниже ростом, чем епископ, то зритель симпатизирует епископу...

— Но я ведь играл так, — Тосек поднял свой геркулесовый локоть до высоты уха... — а потом Мотыковская написала в газете...

— Дорогие товарищи, — с отчаянием в голосе прервал его директор, — мы собрались здесь по другому поводу.

И поведал изумленному представителю Министерства культуры и искусства обо всей истории с трубным гласом. Директор Лисек взял себя в руки и постарался не ударить в грязь лицом.

— Вы распорядились, чтобы никого не выпускали из музея?

— Разумеется.

И тут учительница в фиолетовой вуали, преодолевая робость, вставила:

— Господин директор, дети голодные, нам на поезд надо. Им негде ночевать... а у меня нет денег... — и она снова захлебнулась рыданиями.

— Что ж, организуем для детей коллективное питание. Нужно позвонить в гастрономический отдел... Сколько там человек?

— Шестьдесят, — пробормотала учительница.

— Что ж, привезут шестьдесят столовых приборов, шестьдесят супов...

— А нам? — спросил Тосек, уже сильно проголодавшийся.

— Ну, значит, восемьдесят.

— Да, но тот, кто привезет обед, уже не сможет выйти из музея, поскольку узнает, что Фама трубила, — вставил помощник

директора.

— Ничего не поделаешь.

— А ужин? — спросил Тосек, вечно озабоченный проблемой питания.

— Приедут другие.

— Но таким образом в музее будет собираться все больше людей, — еще отчаяннее возразил директор.

— И все же нам придется поступить так, — заявил неумолимый директор Лисек.

— Пока Фама не перестанет трубить? — спросил профессор Вольский.

— А если ваша Фама никогда не перестанет трубить? До судебного дня? — слезливо поинтересовалась ответственная за детей.

— В Народной Польше учительница не должна верить в судный день, — сделала замечание панна Холлендер.

— Погодите, погодите, — прервал ее директор Лисек, держа руки перед собой и загибая пальцы, — нам надо решить, сколько калорий требуется детям. Достаточно пятнадцати граммов мяса на одного ребенка? Следует представить смету питания в Министерство внутренней торговли.

— Хорошо! — закричал директор. — Но тогда нам придется объяснить, почему мы заперли детей в музее.

— Что будет, когда там узнают! — вздохнула панна Холлендер. В этот момент в кабинет ворвался Франтишек.

— Пан директор, — закричал он с порога, — на помощь! Дети как с цепи сорвались! Носятся по всему музею. Девочки играют с корецким фарфором, а мальчики — в полицейских и воров: у полицейских вместо касок греческие вазы, а воры подпоясались слущкими поясами... А самые младшие напачкали в туалете. Все отправились вниз. С трудом собрали по залам детей, отобрали у них музейные экспонаты, согнали в холл. Вахтеры организовали на лестницах кордоны, чтобы дети не бегали вверх. Крик стоял, ор и гвалт невероятные. Это продолжалось около часа. Фама за это время пару раз протрубила, но никто не обращал на нее внимания. Только дети надрывали животы от смеха.

Наконец все уgomонились. Дети утихли и расселись на полу. Они напоминали сбившихся в стайку куропаток. Кое-кто начал клевать носом.

Директор Лисек тем временем исчез. Его вызвали на другое заседание. У остальных членов «Комитета спасения польского искусства» уже не было сил подниматься вверх. Все устроились возле гардероба, рядом с войлочными тапочками, и беспомощно переглядывались.

Учительница из Климонтова, достав из огромной сумки, которую она таскала в руках, свои личные булочки и раздав их самым слабым детям, тоже присела на стул, на лице у нее было

написано отчаяние. О коллективном питании задержанных в музее детей уже никто не вспоминал.

В этот момент от группы мальчиков постарше, стоявших на лестнице перед кордоном вахтеров, отделился один и подошел к учительнице:

— Послушайте, — прошепелявил он тихонько, — знаете, чего я скажу?

— Деточка, — обрадовалась вдруг учительница, и лицо ее осветилось, будто солнце из-за туч выглянуло, — ты не мне, не мне скажи. Ты пану директору.

Говоря так, она подтолкнула пацана к директору музея, который сидел, опустив голову, в мрачных раздумьях. Однако стул свой поставил так, чтобы время от времени тревожно поглядывать через дверь на замершую статую.

— Пан директор, пан директор, — воскликнула учительница, — он вам что-то сказать хочет. Это наш школьный «рационализатор» Габрысь Понова. Он все умеет, в Климонтове организовал борьбу с майскими жуками, дымоходы чистит, нашу пожарную часть усовершенствовал... Я его знаю, он придумает, что делать — ну говори же, детка... — она подтолкнула мальчика поближе к хмурому начальству.

Все взгляды с интересом и недоверием обратились к Габрысю. Это был мальчик лет двенадцати, высокий и худой, рыжеватый и веснушчатый, стриженный ежиком. У него были большие голубые глаза с покрасневшими веками, вздернутый носишко, которым он сопел при разговоре, и толстые выпуклые губы. Одет Габрысь был в короткие штанишки, из которых торчали тонкие, словно палочки, и очень загорелые ноги, в свитер травянистого цвета и выцветшую ситцевую рубаху.

Мальчик остановился перед директором и, слегка шепелявя, спросил:

— Как я понял, товарищ директор, у вас проблемы с этой фигурой, которая трубит. Она трубит независимо от вас? Директор окинул тощую фигурку восхищенным взглядом.

— Совершенно независимо, — ответил он со вздохом.

— И вы не знаете, как с этим быть? — продолжал Габрысь. Собравшиеся с изумлением прислушивались к тону, каким мальчик задавал свои вопросы. При этом они постепенно сдвигали свои стулья, так, что вскоре Габрысь оказался со всех сторон окружен любопытствующими. Учительница из Климонтова снова вытирала слезы, на сей раз то были слезы гордости.

— Потому что вы не хотите, чтобы мир узнал, что в вашем музее происходят вещи мистические и иррациональные? — на одном дыхании произнес Габрысь.

— Ну да! — ответили теперь уже все хором.

— Ну так я, кажись, придумал способ, — сказал Габрысь,

нарочно шепелявя на обоих «с» в слове «способ».

— Мальчик, а ты не обманываешься? — печально спросил профессор Вольский. — Есть вещи нам неподвластные. Но Габрысь не слушал профессора. Подобно неудержимому потоку, он продолжал говорить, словно отвечал выученный наизубок, но не очень хорошо понятый урок:

— Согласно третьему закону диалектики, если отсутствует возможность обуздать некое враждебное нам явление, следует заставить это явление работать на нас, использовать для наших целей, точно водяную турбину. Товарищ Стопчик в своей речи в Опатове от 10 февраля 1950 года сказал: «Если явление не соответствует нашим целям, следует переформулировать его так, чтобы оно вступило с нами в сотрудничество». Я предлагаю переформулировать явление, происходящее в Национальном музее, его, так сказать, рационализировать.

Габрысь сделал паузу, все ошеломленно молчали, потрясенные.

— В чем заключается третий закон диалектики? — шепотом спросил Тосек панну Холлендер.

— Не знаю, — еще тише ответила композиторша.

Молчание прервал профессор Вольский:

— Этот малыш правильно говорит: следует переформулировать. У нас тоже так делают. Когда старик Файгенфельд, художник хороший, но простой крестьянин, от сохи, вообще не разбирается, твердит, будто следует рисовать так, как чувствуешь, — так вот, когда старик Файгенфельд представил картину «Тучи в Луан-сюр-Марн», картину в целом неплохую, в Париже золотую медаль получила, мы ее назвали «Каменщики на стройке», и всем очень понравилось, четвертую премию на выставке дали, и Сокорский хвалил, и «Огонек» репродукцию напечатал. А картина была та же самая... В этот момент Фама загудела. Но все были настолько заняты Габрысем, что лишь рукой махнули. Разве что дети, уже почти уснувшие, неохотно повернули свои головки.

— Ну, хорошо, — деловито сказал помощник директора, когда труба перестала реветь, и последний отголосок отзвучал где-то под стеклянной крышей здания, — и как ты это переформулируешь?

Габрысь, не задумываясь ни на секунду:

— Я бы сделал такую надпись: «Даже статуи прославляют соцреалистическое искусство» — и пускай себе трубит.

— Детка, ты гений, — воскликнул директор.

— Ты, наверное, хочешь стать министром? — спросила панна Холлендер.

— Нет, я хочу быть актером, — твердо отвечал Габрысь.

— Ну разумеется, — буркнул себе под нос Тосек, — с такой-то шепелявостью.

Франтишек тут же притащил кусок красной материи,

оставшейся от первомайского транспаранта. Все, включая учительницу из Климонтова, вырезали из белой бумаги буквы, которые поспешно рисовал профессор Вольский. Не прошло из сорока пяти минут, как транспарант был готов. Его торжественно вынесли в холл и повесили над статуей. Чтобы закрепить полотнище, директор пожертвовал последние имевшиеся в музее кнопки, они же были последними кнопками во всей Варшаве.

— Пан директор, — робко заметил Франтишек Посаг, — а чем потом прикалывать станем?

— Доисторическими гвоздями, — деловито ответил помощник директора.

В тот момент, когда надпись закрепляли над фигурой, Фама поднесла трубу к губам, но не затрубила. Рука ее медленно опустилась и застыла в обычной позе.

— Это реалистическая фигура, — сказал Габрысь, — грудь вылеплена прямо как настоящая. Только в поясе она узкая, но это потому что корсет. Наши женщины уже не такие. Это скульптура историческая.

Тосек, стараясь придать своему звучному голосу бархатистость, еще раз зачитал надпись:

— «Даже статуи прославляют соцреалистическое искусство».

— Какое чувство реальности, — сказала панна Холлендер.

— А теперь шире раскроем двери музея, пускай приходят, пускай смотрят, — воскликнул, проникнувшись пафосом, директор Варшавского национального музея.

— Отличная идея, — добавил профессор Вольский.

И в самом деле. Идея оказалась отличной. С тех пор, как повесили эту надпись, Фама больше не трубила.

Невзгоды переводчика

Перевод Игоря Белова

1

Недавно по заказу «Культуры» я закончил перевод двадцати пяти стихотворений Бориса Пастернака, завершающих роман «Доктор Живаго». Это уже не первая моя встреча с самым выдающимся из современных русских поэтов. Я урывками переводил его до войны, а перевод великолепного «Демона» («Приходил по ночам...») был напечатан чуть ли не в 1937 году в варшавском «Пионе».

Однако одно дело — переводить стихотворение, которое ты выбрал сам, и поэтому в какой-то степени близкое и любимое, и совсем другое — перевести целый цикл, содержащий, как правило, и такие произведения, к которым переводчик совершенно равнодушен. В обычных условиях, наткнувшись на стихотворение, которое кажется тебе непереводаемым, всегда можно отбросить его и выбрать другое. Но в данном случае это было невозможно. Нужно было помериться силами со всем циклом, не пропуская ни одной строфы, ни одной строчки. «Стихи Юрия Живаго» — именно так называется этот цикл, составляющий семнадцатую, последнюю часть романа — очень разные по своему поэтическому уровню. С превосходными лирическими стихами, напоминающими Пастернака в его лучшие годы, соседствуют произведения, которые можно назвать слабыми, неудавшимися. То, что их авторство приписано главному герою романа, во многом объясняет такой либерализм автора. В конце концов, всегда можно подмигнуть и заявить: это не я написал, это доктор Живаго!

Признаюсь, именно эти более слабые тексты я переводил без всякого внутреннего убеждения, по обязанности. Каждый, у кого есть серьезный опыт в этой области поэтического творчества, знает, насколько сложно в подобных случаях бывает справиться с нагромождающимися трудностями. А у Пастернака их немало.

Да, со временем он стал проще, избавился от чрезмерных метафорических конструкций, стал более читабельным. Льдины фраз уже не вздымаются бурным талым потоком, но спокойно ложатся в задуманном порядке; язык становится более разговорным, будничным. Ставка теперь делается на поэтическую краткость и удивительную конкретность образов. Многословных и любящих яркие краски поэтов переводить

проще; чем более поэт скуп на слова, тем труднее переводчику. Именно по этой причине из русских поэтов так сложно бывает справиться с Пушкиным, акмеистами и тем же Пастернаком. Куда проще дело обстоит с Есениным. А уж советских стихоплетов соцреалистического направления можно переводить буквально пачками. Достаточно просто включить станок.

2

Существует довольно распространенная точка зрения, что легче всего переводить с родственных языков. Это явное заблуждение. А всё потому, что некоторые очевидные преимущества языковой близости полностью компенсируются не менее серьезными затруднениями. Звуковая общность слов очень часто оборачивается их смысловыми различиями. Русское слово «стул» — это по-польски «krzesło», а не «stół». Мнимая простота в этом случае как раз осложняет дело. А уж сколько раз обманутый подобной видимостью переводчик, наивно полагаясь на свою интуицию, усаживается в итоге на стол вместо стула! Один из очень хороших переводчиков русской поэзии столкнулся однажды с известным стихотворением Есенина, заканчивающимся строчками:

Никнут сосны, никнут ели
И кричат ему: «Осанна!»

Обманчивое звуковое совпадение продиктовало переводчику: «Nikną sosny i choiny...» (дословно «Исчезают сосны и ели»). Теряются из виду, исчезают, а исчезая, кричат? Разумеется, нет. «Никнут» — значит «наклоняются, кланяются», «падают ниц», то бишь навзничь. Так что у переводчика получился абсурд. Добрейший Богдан Залеский превратил «каленные» («закалённые») стрелы в «калиновые». Хороша закалка плакучих калиновых ветвей, нечего сказать! Мне в этой связи вспоминается и вовсе анекдотическая ситуация со знаменитой тирадой «Какая у вас красная рожка!», приведшей к конфузу ни в чем не повинной пани Барыки^[1].

Но самое важное — это ритм. В отличие от восточнославянских языков, постоянное ударение в польском языке делает невозможным применение некоторых стихотворных размеров и сильно ограничивает свободу в использовании мужских рифм. В этом смысле идеальный дактиль в польской поэзии невозможен. Тувим долго мучился, пытаясь передать напевность Некрасова, но из этого ничего не вышло. Попробуйте-ка сохранить в польском переводе: «И погас он, словно свеченька...». Ударение падает на третий слог с конца.

Настоящий улёт, как сказали бы на Повисле. То же самое у Пастернака: «Там вдали, по дремучим у-ро-чи-щам...». Ударение падает на слог «ро»; и тут нужно либо отказываться от перевода вообще, либо заменять звенящий дактиль на более скромный амфибрахий или даже невыразительный хорей. По-другому, увы, не получится.

А как быть с мужской рифмой? В русской поэзии (а также в украинской) она пользуется всей полнотой гражданских прав, в то время как в польской ей редко предоставляется право голоса. Бывает, что мужским рифмам удастся взять верх в коротком лирическом стихотворении («Соловушка, лети и пой...» Мицкевича), но в целом они составляют слишком ничтожное меньшинство, чтобы всерьез бороться за первенство или за хотя бы за равноправие. Владислав Сырокомля когда-то поспорил, что напишет большую поэму с одними только мужскими рифмами. Так появилась поэма «Магарыч», которую никак не отнесешь к обычным версификационным упражнениям. Но одно дело — свободная дворянская повесть в стихах, и совсем другое — современная поэзия. Впрочем, и в «Магарыче» не обошлось без подпорок в виде женских рифм. Еще со времен Пушкина русские обожают ямбическую стопу, которую в конце стиха увенчивает энергичная мужская рифма, похожая на удар резца скульптора. Стопа эта отлично звучит и в польском языке, а Тувим и вовсе довел ее до совершенства. Но тут есть одно принципиальное различие. В русской поэзии можно писать ямбом независимо от длины строки, в польской же ямб органичен лишь в стихотворении с короткими строчками, что создает дополнительные трудности, особенно для переводчика.

Теоретически необходимо сохранять мужскую рифму. На практике же это либо удастся, либо нет. Плетью обуха здесь не перешибешь, можно все испортить. Ежи Леберт, который в своих собственных стихах владел мужской рифмой как мало кто, отлично перевел несколько стихотворений Александра Блока (а «Шаги Командора» перевел и вовсе конгениально). Зато в переводе «Коршуна» как раз решил перешибить плетью обух и потерпел полное поражение. Блок спрашивает:

Доколе матери тужить?
Доколе коршуну кружить?

Леберт, желая во что бы то ни стало сохранить мужскую рифму, перевел это так: «Kołuje się nad morzem łąk, zawodzi matka w krag...» (дословно «Кружит коршун над морем лугов, причитает мать снова и снова...») — и сел в лужу. Смысла не передал, ритм исказил, вопросительную интонацию потерял, да вдобавок споткнулся о совершенно непоэтическое «причитает... снова и

снова...»). Цена оказалась непомерно высокой. Вот яркий пример того, как даже лучший переводчик допускает промах, когда для сохранения мужской рифмы жертвует всем остальным, то есть куда более важным.

В декабре прошлого года Зоя Юрьева опубликовала в еженедельнике «Вядомости» переводы двух стихотворений Пастернака. Переводчица проделала большую работу, за каждой строчкой виден тяжелый труд, равно как и благородное желание не потерять ни одной особенности оригинала. И вновь, как и Леберту, медвежьёю услугу ей оказало упрямое желание спасти мужскую рифму. «И Мертвого моря покой недвижим...» она передает как «I morza Martwego był bezwład za tło...» (дословно «И неподвижность Мертвого моря служила фоном...») — это звучит слишком искусственно, чтобы звучать хорошо. Или «rozświecił zakręt szlaku, co się wił...» («озарял поворот дороги, что вился...»). Ясное дело, что раз это «поворот дороги», то он вился. А у Пастернака просто: «был поворот дороги озарен». На каждом шагу мы обнаруживаем изнурительную борьбу с неблагодарным материалом языка, силой подгоняемого к чуждой ему форме. А ведь иногда смирение дает более впечатляющие результаты, нежели самые благородные амбиции. Здесь рифмы не только получились искусственными, но вдобавок заставили переводчика все время уплотнять стихотворение и снабжать его раздражающей отсебятиной, не имеющей ничего общего с оригиналом. Я пишу это не с целью раскритиковать в пух и прах других переводчиков, но для того, чтобы хитроумно оправдать самого себя. После множества неудачных попыток, изучив Пастернака со всех сторон, я понял, что если буду дотошно использовать мужскую рифму, то переведу «Стихотворения доктора Живаго» плохо. Даже очень плохо! Приходилось бы постоянно кромсать содержание стихотворения, терять метафоры, создавать странные синтаксические конструкции. Впрочем, в некоторых случаях не помогла бы и такая варварская методика. В «Магдалине» эта самая мужская рифма повторяется восемь раз, в стихотворении «На Страстной» — по восемь, шесть и пять раз. А еще к этому часто добавляются внутренние рифмы. Хотелось бы мне посмотреть на фокусника, который передал бы это во всей красе! Так что от такого буквализма я отказался, прибегая к мужским рифмам лишь изредка, переводческой чести ради. Так футбольная команда, явно проигрывая матч, пытается перед лицом поражения забить хотя бы один почетный гол.

Утешает разве что осознание того факта, что русский переводчик, имея дело с польским стихотворением, сталкивается с теми же трудностями, только с точностью до наоборот. Если польский язык не переносит избытка мужских

рифм, то русский язык не в состоянии без них обойтись. И поэтому русскому переводчику приходится жертвовать большей частью женских рифм. То, что у нас является избытком, у них оборачивается ограничением. И наоборот. Так что в определенном смысле эта встреча заканчивается вничью. Крупное поэтическое произведение, лишенное мужских рифм, звучит по-русски ненатурально, искусственно. Более того, нервирует. К примеру, парных женских рифм на всем пространстве десяти тысяч с лишним стихов «Пана Тадеуша» не выдержит ни одно русское ухо. Так что Мицкевича на русский переводили с использованием смешанной версификации. Аналогичным образом и по тем же самым причинам поступил в своей великолепной версии литовской эпопеи Максим Рыльский, поскольку украинская поэтика в этом смысле идентична русской. Нельзя следовать оригиналу слишком дотошно, нельзя во имя верности ему насиловать собственный язык.

Как внимательный читатель уже, наверное, заметил, начал я с оправдания технической беспомощности, а закончил обоснованием приговора, освобождающего от наказания и вины.

3

У техники перевода уже появились свои теоретики и исследователи. Лично я твердо придерживаюсь столь часто критикуемых принципов эквивалентности перевода, несмотря на то, что никогда не следовал им слишком строго и прямолинейно. Надо признать, что перевод, в мельчайших подробностях повторяющий оригинал, попадаетея исключительно редко — как слепой курице зерно. За последние тридцать с чем-то лет — а заниматься этой работой я начал еще в школе — я перевел несколько десятков тысяч стихотворений русских, украинских и белорусских поэтов, а после войны еще и поэтов испанских и каталонских. Разумеется, мне приходилось терпеть поражения, но случались и удачи. Опыт подсказывает, что единственный правильный путь — это строгое соблюдение иерархии ценностей. Авангард неоднократно пытался оспорить значение рифмы и ритма, особенно регулярного, не стесняясь уничижительных определений: «шарманщики», «стихослагатели», «рифмоплеты»... Не будем сейчас дискутировать на эту тему. Но нет никаких сомнений, что если автор выстраивает свое произведение на основе единого строфико-ритмического рисунка, добросовестный переводчик обязан сохранить все версификационные черты оригинала, поскольку они составляют органическую часть художественной целостности. Попытки переводить стихи прозой, даже ритмизированной,

лишенной, однако, рифм и внутренней мелодии — это самое настоящее недоразумение. Таким недоразумением была, к примеру, работа Поля Цазина: «Пан Тадеуш» остался просто непонятым французским читателем. С тем же успехом можно своими словами пересказывать концерты Баха или симфонии Бетховена. А самая важная роль здесь принадлежит ритму. И его сохранение является святой обязанностью переводчика. Мелодия и пластика, орудием которой служит метафора, практически полностью определяют поэтическую атмосферу стихотворения. Этой атмосферы не заменит верность оригиналу, хранимая при помощи слов. Мне кажется, что как раз слова можно тасовать между собой вполне свободно, лишь бы в итоге сложился тот самый окончательный поэтический пасьянс. Что с того, если все будет подходить к оригиналу, как ключ к замку, но при этом не промелькнет искра точно такого же лирического волнения! В иерархии ценностей, о которой я говорил выше, вербальная точность находится на одном из последних мест.

Перед войной большой интерес и живую дискуссию вызвала опубликованная в газете «Ведомости» статья Тувима «Четверостишие в работе». Виртуозный переводчик Пушкина открыто и детально рассказал в этой статье о проблемах перевода. Объектом этой любопытной вивисекции были первые строки «Руслана и Людмилы», которые когда-то знал наизусть каждый русский ребенок: «У лукоморья дуб зеленый...». Многим эта статья показалась полной преувеличений, слишком сосредоточенной на нюансах, даже педантичной. Как из рога изобилия посыпались переводы знаменитого четверостишия — самым удачным, пожалуй, был перевод Слонимского; авторы переводов хотели доказать, что Тувим высасывает проблемы из пальца и слишком уж цацкается со своим переводческим ремеслом. Говорят, что Бой-Желенский с сарказмом бросил: «Кокетничает, а все ради того, чтобы восхищенная публика воскликнула — смотрите, дескать, как работает мастер!». И все же, даже несколько преувеличивая, Тувим был прав, показывая, сколько примерок должен сделать переводчик, прежде чем начать шить костюм. У Пастернака есть небольшое лирическое стихотворение, состоящее всего из восьми строк: «Под ракитой, обвитой плющом...». Так в оригинале. А в моем переводе: «Wpóśród bluszczem obwitych wiklin...» («Среди плющом обвитых ив...»). Почему ракита оказалась заменена на иву? Неужели и на это у переводчика есть право? Как это обосновать?

Дело в том, что ракита никак не лезла в строку. Распихивала другие слова в разные стороны, а когда я наконец-то заставил ее слушаться, оказалось, что нельзя найти ни рифму, ни ассонанс, и все нужно переписывать с самого начала. Когда

ассонанс наконец-то нашелся — «Wpółśród bluszczem obwitych rokitin... wspólnym płaszczem okryci...» («Среди плющом обвитых ракит... общим плащом покрыты...») — нарушился ритм. В конце концов на выручку пришла ива, столь же типичная для польского пейзажа, как ракита — для русского.

Wpółśród bluszczem obwitych wiklin
przyciśnięci trwamy w dzień słotny.
Wspólny płaszcz ramiona nam przykrył
i twą kibić me ręce oplótł.

Nie, nie tak. Te wikliny wysokie
są nie bluszczem obwite, lecz chmielem.
No, to pozwól, na całą szerokość
wspólny płaszcz pod sobą rozścielim.

Под ракитой, обвитой плющом,
От ненастья мы ищем защиты.
Наши плечи покрыты плащом.
Вкруг тебя мои руки обвиты.

Я ошибся. Кусты этих чащ
Не плющом перевиты, а хмелем.
Ну так лучше давай этот плащ
В ширину под собою расстелем.

Ни в пейзаже, ни в настроении не произошло никаких существенных перемен. Ботаник имеет полное право возмутиться; поэт должен быть доволен. Любопытным примером использования переводческих эквивалентов может служить перевод стихотворения «Свадьба». Здесь трудностей было намного больше, поскольку ритм стихотворения и его образную систему Пастернак позаимствовал у русской народной песни. В частности, позаимствовал речевые обороты, которые, будучи переведенными дословно, полностью теряют всякий смысл. Необходимо было искать довольно смелые и даже рискованные эквиваленты, чтобы компенсировать потери либо излишества в первой строфе удачными решениями во второй. Как перевести «Проваясь в тартарары, канули как в воду...»? Этимология слова «тартарары» очень туманна. Это может означать «неведомо где», «у черта на куличках», «за тридевять земель» и еще дюжину похожих определений. Я остановился на варианте «Кануло к чертям, развеялось ветром». Должно было быть «утонуло в воде, пошло на дно», но тогда рифма тоже пошла бы к черту.

А что прикажете делать с поистине безумной строфой этого же стихотворения?

И рассыпал гармонист
Снова на баяне
Плеск ладоней, блеск монист,
Шум и гам гулянья.

Дословный перевод получился бы плоским, невыразительным и даже непонятным. Снова пришлось искать эквиваленты. Получилось следующее:

I rozsypał na harmonii
gracz na radość łasy
brzęk koralu, bicie w dłonie,
gwarne obertasy.

Разумеется, вышло не совсем идеально. Но, как мне кажется, народная стилизация, к которой стремился автор, в переводе сохранена. В большинстве случаев перевод будет надежно защищен от нападков, если ему удастся стать синонимом оригинала. А лучше синоним, чем мертвая копия. Я уже вспоминал в самом начале, что у принципа эквивалентности перевода есть немало противников. Перед войной на него яростно нападал Седлецкий, но и позднее этот принцип не пользовался всеобщим признанием. Автора этих строк буквально сровнял с землей на страницах «Новой культуры» Северин Полляк, тоже заслуженный переводчик Пастернака, за слишком свободное обращение с переводимыми текстами. Он даже счел возможным, воспользовавшись этим сомнительным поводом, назвать меня «литературной и политической канальей». Произошло это во время обострения «социалистического энтузиазма», так что и подбираемые эпитеты были соответствующие. Впрочем, Полляк получил по заслугам: подготовленный под его редакцией том произведений Пастернака в переводах разных авторов, который должен был выйти прошлой осенью, до сих пор так и не увидел свет. Видимо, новость о Нобелевской премии вызвала у редакторов, переводчиков и издателей внезапный приступ икоты, и они еще не пришли в себя. Самое забавное во всех этих дискуссиях, что самые заклятые враги принципа эквивалентности на практике так или иначе его используют, хотя в теории сражаются с ним изо всех сил. Это нормальная судьба догматиков, вынужденных считаться с жизнью. Успеха они добиваются почти всегда за счет пренебрежения своими железными принципами.

Требование равномерного распределения «лирического напряжения» в тексте поэмы, впервые сформулированное, кажется, Пейпером^[2], так и осталось прекрасной иллюзией. Оно сыграло свою позитивную роль в победе над слишком распространенными пафосными и шаблонными пуантами поэтического текста, почти ничего не дав сверх того. У любого стихотворения всегда есть свой центр тяжести, определяющий поэтическое равновесие произведения. В более сложных случаях таких центров тяжести может быть больше, даже несколько — согласен! — однако о равномерном распределении силы в поэтическом тексте можно только мечтать.

Переводчик, как картограф в пейзаже, должен ориентироваться по опорным геодезическим пунктам. Если он не потеряет из виду ни одного из них, у перевода есть все шансы получиться очень хорошим. Иначе говоря, речь идет о добыче наиболее ценных минералов, зачастую, если это необходимо, за счет менее важных. В описании Магдалиной смерти Христа у меня из строфы выпал целый стих: «Завтра упадет завеса в храме». А все потому, что необходимо было во что бы то ни стало спасти две заключительные строчки «И земля качнется под ногами, / Может быть, из жалости ко мне», поскольку именно они наполняют строфу лирической силой.

Занятно, что переводчик периода «Молодой Польши»^[3] справился бы с этими строчками без всяких проблем: заменил бы не помещающийся в строку и не позволяющий подобрать рифму амфибрахий «w świątyni» хореем «w chrámie», получив наиболее точную версию. Но разве можно в 1959 году обратиться к давным-давно девальвированному словарю «Молодой Польши»? Если бы речь шла о каком-нибудь русском поэте той эпохи — Брюсове, Бальмонте, даже Блоке — это было бы еще допустимо. Но к стихам Пастернака этот пшибышевско-тетмайеровско-выспанский «храм» совершенно не подходит. Так мы сталкиваемся с еще одним аспектом: проблемой надлежащей индивидуализации языка. Индивидуализации двойной, поскольку она касается и переводимого автора и его эпохи.

И в заключение одно признание несколько лирического свойства. Возможно, кто-то из читателей подумает, что я пустился во все эти объяснения, желая представить в свое оправдание ряд смягчающих обстоятельств. Вот уж нет! Выполненная переводчиком работа должна защищать себя сама; если же этого не происходит, значит, она вышла из-под руки халтурщика. Я лишь хотел подчеркнуть следующее: то, что критик, особенно сравнивая перевод с оригиналом, мог бы отнести к невольным промахам переводчика — неточности,

изменение конструкции предложения, слишком большая свобода в следовании принципу эквивалентности — является, по большому счету, порождением хорошо продуманной системы.

Даже если это безумие, в любом случае оно не лишено метода.

«Культура», 1959, №6

-
1. Речь идет об одном из эпизодов в романе польского писателя Стефана Жеромского (1864–1925) «Канун весны», когда пани Ядвига Барыка, желая сделать комплимент дочери русского губернатора и тем самым завоевать расположение ее отца, сказала ей, имея в виду красную розу на ее платье: «Какая у вас красная рожка!» (по-польски «роза» — «róża», произносится как «ружа»). — Прим. пер.
 2. Тадеуш Пейпер (1891–1969) — польский поэт, литературный критик, теоретик поэзии, эссеист, основатель и редактор журнала «Звротница». — Прим. ред.
 3. «Молодая Польша» — название модернистского периода в польском искусстве рубежа XIX—XX веков. — Прим. ред.

И мое упрямство, и мое представление о поэзии...

Со Святославом Свяцким, в ноябре отметившим свое 85-летие, беседовала Татьяна Косинова

Фото: Надежда Киселева

Выдающийся переводчик польской литературы Святослав Павлович Свяцкий родился в Ленинграде 24 ноября 1931 года. К его 85-летию по инициативе польской миссии в Петербурге издали переведенные им «Крымские сонеты» Адама Мицкевича. Книгу выпустило информационно-издательское агентство «Лик». Святослав Свяцкий на переводческую стезю ступил еще в студенчестве, переводил с французского, немецкого, сербского, болгарского языков, но с середины 60-х начал отдавать предпочтение польским поэтическим и прозаическим переводам. Частью русского поэтического языка Святослав Свяцкий сделал поэзию Адама Мицкевича, Юлиуша Словацкого, Циприана Норвида, Северина Гоцинского, Юлиана Тувима, Чеслава Милоша, Виславы Шимборской, Ярослава Ивашкевича, Збигнева Херберта, Эвы Липской и других польских поэтов от Ренессанса до ныне здравствующих. Многие в России знакомы с переводами Свяцкого с детства, не подозревая об этом: книги о Мишке Ушастике,

Каролинке и Фердинанде Великолепном перевел именно он. Его труд по достоинству оценен в Польше: Святослав Свяцкий удостоен многих польских литературных наград и премий, в 2011 году он стал четвертым в мире и первым в России обладателем титула «Посол польского языка за рубежом».

— Почему к вашему юбилею изданы именно «Крымские сонеты»?

— 85 лет — это не годовщина, не юбилей, а мираж, я бы сказал. Мой перевод «Крымских сонетов» — это одновременно и мое упрямство, и представление о поэзии. Я начал переводить три сонета из «Крымских сонетов» тогда, когда был еще студентом. В книгу «Поэзия западных и южных славян»^[1] вошел мой перевод сонета о Балаклаве «Развалины замка в Балаклаве». Это издание организовывал тогдашний заведующий кафедрой славянской литературы филологического факультета ЛГУ Сергей Сергеевич Советов. При его живом содействии и помощи внешнего редактора, которым был поэт Всеволод Александрович Рождественский, в этот сборник было включено несколько произведений Адама Мицкевича в разных переводах. Почему я начал переводить это произведение, я и сам не знаю. Как-то оно меня и взволновало, и вдохновило, и книга «Крымские сонеты» в оригинале мне попалась... Когда я перевел несколько сонетов, то увидел, что перевожу-то я плохо. Меня не удовлетворяли мои переводы, но мне не нравились и многие переводы, сделанные до меня. Я решил создать комплекс переводов, который бы меня устроил, свою версию. В конце концов, я так и не знаю, хороша она или нет. Трудно сказать.

Работал я над «Крымскими сонетами» больше пятидесяти лет: переводил понемножку, урывками и заново переделывал. Это длилось на фоне моей переводческой работы над стихотворными текстами польских авторов и другими произведениями самого Мицкевича. За время работы над «Крымскими сонетами» я перевел «Пана Тадеуша», потом вторую поэму Мицкевича — объемом поменьше, но тоже изрядную — «Конрада Валленрода» и ряд других его произведений. Всё это время я занимался переводом поэзии, в основном — польской.

— За прошедшие полвека изменился ли ваш взгляд на эти стихи?

— Я бы не сказал, что как-то сильно изменился мой взгляд на оригинал. Мицкевича я стал лучше понимать, так мне представляется, потому что о нем я много прочитал за эти годы, вдумывался в его тексты. По поводу других русских переводов мне трудно высказываться.

— Кого бы все-таки вы отметили из тех, кто переводил «Крымские сонеты»? Кто вам ближе всех?

— «Крымские сонеты» переводил, я бы сказал, легион

переводчиков, это наиболее часто переводимое произведение Мицкевича, ни одно другое произведение не имеет такого числа переводов. Вскоре после того, как были опубликованы эти сонеты, возникла волнообразная эпидемия их переводов. Все началось с Вяземского, который перевёл сонеты прозой. Затем переводили современники Мицкевича, вроде поэта Ивана Козлова, который был с Мицкевичем знаком. Кстати, переводили эти сонеты и другие поэты и переводчики, скажем, Николай Берг, который полностью перевел «Пана Тадеуша». А потом возникло какое-то затишье, затем вновь стали переводить. В советское время Мицкевич также не был обойдён вниманием, хотя разные были периоды, как известно, в деятельности советских переводчиков. В. Левик очень достойно перевел «Крымские сонеты», О. Румер тоже прекрасно перевел, так что у меня были сильные соперники. Отдельные сонеты переводили великие мастера — это Лермонтов, Майков, Бунин, Ходасевич. Поэтому кроме того, что мне хотелось создать свою версию «Крымских сонетов», посоперничав с другими переводчиками и мастерами, хотелось показать что-то своё, на что я способен. Может быть, способен, может быть, не способен, конечно.

— Этот выбор как-то связан с тем, что недавно произошло с Крымом, что сейчас с полуостровом происходит? Вы как-то связываете это с политикой?

— Свою работу над «Крымскими сонетами» мне трудно связать с политикой, просто потому что я переводил их в течение пятидесяти лет. За это время менялся строй государства, происходили изменения в политике, идеологии, границах. Настроение общества тоже менялось, менялся взгляд на художественную литературу, на поэзию, это отношение было очень неустойчивым. Поэтому трудно сказать. Просто это мой последний законченный перевод, который еще не был опубликован.

— Для вас это никогда не играло роли?

— Разумеется, играло. Живой человек имеет дело с живой литературой. А литература переводческая всегда живая, потому что перевод — это дело сегодняшнего дня. Поэтому, конечно, играло, иначе и быть не может.

— Почему у Мицкевича именно Крыму посвящен этот цикл? У него же нет законченного цикла о Петербурге.

— Но о Петербурге он, однако, написал больше, чем о Крыме, — просто эти стихи не сформированы в какое-то одно цельное произведение. Что касается Крыма, то его очень легко можно понять. С февраля по ноябрь 1825 года Мицкевич жил в Одессе. Это был молодой город, а Крым в то время, когда Мицкевич его посетил, — в августе 1825 года — был молодым государственным образованием в пределах Российской

империи. Для Одессы, где в то время сконцентрировался цвет русского общества юга России, Крым был местом паломничества: все сливки одесского общества ехали в Крым. Мицкевич принял участие в поездке, потому что её организовала его любимая женщина, известная Каролина Собанская, которую одни хвалили и обожали, другие страшно ругали, называя «демоном».

Три года назад для журнала «Газета петербургская» выходящего на польском и русском языках, я написал очерк об Адаме Мицкевиче и Каролине Собанской^[2]. Это была незаурядная личность. Каролина родилась в 1794 году в семье известного польского магната Адама Жевуского. Из-за финансовых проблем ее рано выдали замуж за кредитора отца — богатейшего помещика и одесского негоцианта Иеронима Собанского. Этот брак был для аристократки мезальянсом. Переехав к мужу, Каролина Собанская довольно быстро стала гражданской женой генерала Ивана Витта, поляка по происхождению и военного губернатора Одессы, держала модный салон в Одессе. Мицкевич, как и за полгода до него Пушкин, наслаждался в Одессе жизнью, по его собственному признанию, «жил, как паша». В салоне Собанской он выступал в роли *enfant terrible* и был безумно влюблен в хозяйку, посвятил ей ряд стихотворений. До сих пор спорят об адресатах его стихов того периода, но, безусловно, они адресованы Каролине, в том числе и «Крымские сонеты», которые он посвятил «товарищам по крымскому путешествию».

Экспедицию в Крым снарядил фактический муж Каролины Иероним Собанский как увеселительную морскую поездку, они плыли на корабле. Однако, по-видимому, мотором всей экспедиции была сама Каролина Собанская и генерал Витт. Генерал Витт отправился в Крым по служебной надобности: предполагалось посещение Крыма императором Александром I. Витт не то чтобы терпел, скорее, относился с безразличием ко всяким затеям Каролины, в том числе к ее роману с Мицкевичем. Принимал участие в поездке и старший брат Каролины, писатель Генрик Жевуский, автор исторических романов. Был на борту судна и тайный полицейский агент Александр Бошняк, который во время путешествия в Крым представлялся Мицкевичу энтомологом и рассказывал о насекомых и кораллах, а на самом деле осуществлял надзор и собирал сведения о его политических взглядах и положении дел на родине. Мицкевич был в поездке почётным гостем и поэтом, но существовал более или менее автономно: ходил и ездил по тем местам, которые ему были более всего интересны.

Отражением его впечатлений и явились «Крымские сонеты».

— Скажите несколько слов о значении «Крымских сонетов».

— Этот цикл чрезвычайно важен для развития польской

литературы, потому что до этого экзотика южных стран не так уж сильно отражалась в польской литературе. Это было, пожалуй, самое первое и сильное обращение к этой теме в поэтическом тексте. Значение «Крымских сонетов» также велико и для русской литературы. Фактически одновременно, чуть пораньше, Пушкин написал «Бахчисарайский фонтан», где экзотическая тема присутствует и звучит с особой силой. Но «Крымские сонеты» оказались даже более привлекательным материалом для русской публики в какой-то период, чем произведение Пушкина, потому что в них отражена собственно экзотика, а у Пушкина это только фон для раскрытия любовной темы и всяких перипетий.

— Какие ваши переводы других польских поэтов можно было бы сравнить со значением ваших переводов Мицкевича? Кто-нибудь для вас был так же важен?

— Вислава Шимборская, конечно. Наше знакомство состоялось в 1963 году, когда наряду с другими русскими литераторами я был приглашен в ее дом в Кракове. Потом был обмен письмами. Она с пониманием отнеслась к моему желанию переводить ее стихи. Возникла связь, которая в конечном итоге вылилась в книгу моих переводов ее стихов разных лет^[3]. В этот том включены переводы из восьми основных книг Шимборской.

— *Над чем вы сейчас работаете?*

— Я хочу продолжать писать о Мицкевиче. Написаны два очерка, хотелось бы продолжить — написать цикл очерков, возможно, книгу. Получилось так, что о Мицкевиче писали много. Можно было писать после смерти Николая I, когда Крымская война была проиграна, — тогда и появилась тема Мицкевича в русском литературоведении. Но она появилась уже поздно, потому что эпоха прошла. При советской власти, возможно, благодаря Каменеву, формировалось отношение к литературе как большому и важному явлению, и к Мицкевичу — тоже, на него обратили внимание. Польской литературой и Мицкевичем, в частности, занялся Владислав Ходасевич, под его редакцией предполагалось издать сборник Мицкевича, он делал переводы и комментарии, но сборник не вышел — Ходасевич эмигрировал. В 30-е годы, в эпоху страшного террора, начиная с 1936 года, интерес к литературе был потерян, вернее перекрыт. После войны он, казалось бы, воскрес, но уже в конъюнктурном плане, поскольку польская литература стала «замечательной литературой наших друзей из стран народной демократии». В последнее время на польскую литературу стали смотреть более объективно: что интересно, что менее интересно. Но получается, что периода, когда можно было бы более или менее объективно смотреть на Мицкевича, чтобы просто понять его, — такого периода не было, это упущено. Я думаю, что сейчас нужно не его полное

жизнеописание на русском — важнее описать его восприятие России и восприятие Мицкевича в России.

— *Что бы это могло открыть, как вы думаете? Почему было бы важно знать и учитывать сегодня восприятие Мицкевичем России?*

— Потому что мы, русские, могли бы посмотреть на себя чужими глазами. И это бы, быть может, способствовало тому, чтобы мы наконец взглянули на себя своими собственными глазами.

-
1. Поэзия западных и южных славян. Сборник поэтических текстов польских, чешских, словацких, болгарских, сербских, хорватских, словенских авторов. Ленинград: Государственное Издательство Детской Литературы Министерства Просвещения РСФСР, 1955. 504 с.
 2. Святослав Свяцкий. Адам Мицкевич и Каролина Собанская// Gazeta Petersburska, 2013, №1–2.
 3. Вислава Шимборская. Соль. Стихотворения. Перевод с польского Святослава Свяцкого. СПб.: Logos, 2005.